



ISSN 1684-1581 (online)

ISSN 1562-2495 (print)

# Социологический журнал

2025

Том 31

2

Федеральный научно-исследовательский  
социологический центр Российской академии наук



## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ *SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL*

2025 Том 31 № 2

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва



Журнал издается при поддержке  
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Козырева Полина Михайловна**

*главный редактор,*

доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

Национальный исследовательский  
университет «Высшая школа экономики»

**Козлова Лариса Алексеевна**

*зам. главного редактора,*

кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

**Бари Донна**, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США

**Богомолова Татьяна Юрьевна**, кандидат социол. наук,

Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

**Вельц Франк**, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

**Горшков Михаил Константинович**, доктор филос. наук, академик РАН,

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

**Докторов Борис Зусманович**, доктор филос. наук, профессор,

независимый исследователь, США

**Зарицкий Томаш**, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

**Константиновский Давид Львович**, доктор социол. наук,

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

**Костелецкий Томаш**, профессор, директор Института социологии

Академии наук Чешской Республики, Чехия

**Мягков Александр Юрьевич**, доктор социол. наук, профессор,

Ивановский государственный энергетический университет, Россия

**Оберемко Олег Алексеевич**, кандидат социол. наук, доцент,

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

**Ослон Александр Анатольевич**, кандидат техн. наук,

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

**Свидерски Эдвард М.**, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

**Федоров Валерий Валерьевич**, кандидат полит. наук,

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

**Черныш Михаил Федорович**, доктор социол. наук, член-корр. РАН,

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

## ***EDITORIAL BOARD***

**P.M. Kozyreva** Institute of Sociology of FCTAS RAS;  
*Editor in Chief,* NRU “Higher School of Economics”,  
Doctor of Sociological Sciences Russian Federation

**L.A. Kozlova** Institute of Sociology of FCTAS RAS,  
*Deputy Editor in Chief,* Russian Federation  
Candidate of Philosophical Sciences,  
Associate Professor

**Donna Bahry**, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

**Tatiana Yu. Bogomolova**, Candidate of Sociological Sciences,  
Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the  
Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

**Frank Welz**, Professor, University of Innsbruck, Austria

**Mikhail K. Gorshkov**, Academician of the Russian Academy of Sciences,  
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology  
of the Russian Academy of Sciences;  
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

**Boris Z. Doctorov**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,  
Independent Researcher, USA

**Tomasz Zarycki**, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW),  
Poland

**David L. Konstantinovskiy**, Doctor of Sociological Sciences,  
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical  
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

**Tomáš Kostelecký**, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology,  
Czech Academy of Sciences, Czech Republic

**Alexander Yu. Miagkov**, Doctor of Sociological Sciences, Professor,  
Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

**Oleg A. Oberemko**, Candidate of Sociological Sciences,  
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),  
Russian Federation

**Alexander A. Oslon**, Candidate of Engineering Sciences,  
Foundation “Public Opinion” (FOM), Russian Federation

**Edward M. Swiderski**, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

**Valery V. Fedorov**, Candidate of Political Sciences,  
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),  
Russian Federation

**Mikhail F. Chernysh**, Corresponding Member of RAS,  
Doctor of Sociological Sciences,  
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology  
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

## К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

### Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.  
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7  
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1  
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

**Адрес редакции:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

**Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

**Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2025

# СОДЕРЖАНИЕ



## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2025. ТОМ 31. № 2

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2

EDN: KPSMZI

### ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

*М.Ф. Черныш*

9–28 Категоризация как одна из форм теоретизирования  
в социологии

### МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.М. Алмакаева, Е.А. Настина, А.В. Догузов*

29–50 Динамика счастья и удовлетворенности жизнью  
в условиях экзогенных шоков

### ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

*Т.Ю. Черкашина*

51–78 Неравенство российских домохозяйств  
по жилищному богатству: уровень и динамика

### СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

*А.А. Поплавская*

79–95 Гибкая организация труда:  
желаемое будущее или туманная перспектива?  
Дилеммы работающих российских студентов

### СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

*И.А. Савельев*

96–110 Полисубъектность  
как категория социологии управления

## **ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ**

*Н.А. Шматко, Ю.В. Маркова*

111–128 Социальное и символическое пространства  
в социологии Пьера Бурдьё

## **К 80-ЛЕТИЮ Л.Г. ИОНИНА (1945–2024)**

*Л.Г. Ионин*

129–156 Диффузные формы социальности  
(к антропологии культуры)

## **АРХИВ**

*Б.З. Докторов*

157–166 Захар Файнбург: «Иначе жить я не хочу,  
не могу, не умею»

## **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

*Е.Е. Тарандо, М.В. Рубцова, Л.Н. Липатова*

167–178 Секция кафедры экономической социологии СПбГУ  
на IX Санкт-Петербургском международном форуме труда  
(2–4 апреля 2025 г.)

# CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =  
SOCIOLOGICAL JOURNAL**  
**2025. TOM 31. № 2**  
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2

## **THEORY AND METHODOLOGY**

*Chernysh, M.F.*

9–28 Categorization as a Form of Theorizing in Sociology

## **SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES**

*Almakaeva, A.M., Nastina, E.A., Dogusov, A.V.*

29–50 Dynamics of Happiness and Life Satisfaction  
Under Conditions of Exogenous Shocks

## **ECONOMIC SOCIOLOGY**

*Cherkashina, T.Yu.*

51–78 Inequality of Russian Households in Housing Wealth:  
Level and Dynamics

## **SOCIOLOGY OF LABOR**

*Poplavskaya, A.A.*

79–95 Flexible Work Arrangements as a Desired Future or a Vague Prospect:  
Dilemmas of Working Russian University Students

## **SOCIOLOGY OF MANAGEMENT**

*Savelyev, I.A.*

96–110 Polysubjectivity as a Category  
of Sociology of Management

## **HISTORY OF SOCIOLOGY**

*Shmatko, N.A., Markova, Yu.V.*

111–128 Social and Symbolic Spaces  
in the Sociology of Pierre Bourdieu

## **ON THE 80<sup>TH</sup> ANNIVERSARY OF L.G. IONIN (1945–2024)**

*Ionin, L.G.*

129–156 Diffuse forms of Sociality  
(Towards the Anthropology of Culture)

## **ARCHIVE**

*Doktorov, B.Z.*

157–166 Zakhar Fainburg: “I am unwilling and incapable  
to live any other way”

## **ACADEMIC LIFE**

*Tarando, E.E., Rubtsova, M.V., Lipatova, L.N.*

167–178 Section of the Department of Economic Sociology  
of Saint Petersburg State University  
at the IX Saint Petersburg International Labor Forum (April 2–4 2025)

# ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1

EDN: LOMLVS

**М.Ф. ЧЕРНЫШ**

<sup>1</sup> Федеральный научно-исследовательский социологический центр  
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

## КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ<sup>1</sup>

*Аннотация.* В основе формализации знания в науке лежит процесс категоризации. Поиск предмета исследования имеет непременным условием создание категорий, которые именуют его, определяя при этом его содержание, а также проводят линию разграничения между изучаемым предметом и другими родственными ему категориями. В процессе теоретизирования именованный предмет обретает предикаты — совокупность признаков, посредством которых он обретает границы и внутреннюю, содержательную определенность. Происходит научная институционализация предмета, а далее развитие его описания с помощью сложных предикатов второго и третьего порядков. Таким образом, вокруг предмета формируется структура описания, в которой присутствует группа взаимосвязанных научных категорий. Между структурой теоретических понятий и эмпирическим уровнем исследования возникают сложные взаимодействия, предполагающие смену языковых конструкций и возможную редукцию ключевых понятий к эмпирическим показателям. Противоречие между теоретической конструкцией и эмпирической, индуктивной основой исследования приводило к тому, что во многих случаях само существование предельно высокого, структурно-понятийного уровня научной рефлексии отрицалось. Дополнительным осложнением стало то, что многие категории, которые используются в социологии, имеют метафорический характер, что делает их уязвимыми для идеологических манипуляций. Однако, как показывает практика, социология, как и любая наука, нуждается в высокой теории и общих категориях как платформе, позволяющей сохранять преемственность по отношению к прошлым исследованиям и наблюдать изменения изучаемого объекта.

*Ключевые слова:* теоретизирование; социологические категории; операционализм; предикаты; социологические метафоры.

*Для цитирования:* Черныш М.Ф. Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1 EDN: LOMLVS

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при содействии гранта РНФ «Количественные и качественные изменения социальной структуры в постсоветский период (24-18-00450)».

## Социологические категории

Формализация знания в любой науке, а тем более в науке общественной, основывается на создании категорий. Этот процесс имеет две взаимосвязанные функции. Первая функция категоризации предполагает именование, или называние, того, что изучается, то есть определение предмета исследования. Исследователю дается свобода формулировать предмет так, как он считает это необходимым, соблюдая при этом требование, с одной стороны, его новизны, а с другой — следования сложившейся научной традиции. Радикальный отход от имеющихся, общепринятых определений предмета в науке не приветствуется, так как затрудняет понимание того, что исследуется, и того, какой из существующих традиций принадлежат подходы автора. Если предмет исследования определен туманно, то и представляемая работа, ее научная ценность сразу же подпадают под сомнение: а действительно ли за этим определением присутствует реальная проблема, реальная коллизия, нуждающаяся во внимании ученых?

Вторая функция категоризации заключена в различении. Именование выделяет предмет из других возможных предметов, очерчивая тем самым границы исследовательского интереса. Таким образом, в самом понятии «категория» заключены как объединительное начало, так и начало разъединения изучаемого от того, что находится за его рамками. Не надо далеко ходить за примером. Сторонники классовой теории создают теоретические построения, ставя в их центр понятие «класс». Оно имеет не одно, а несколько определений, которые различаются существенным образом. Класс позволяет обнаружить в обществе людей, находящихся в схожей социальной ситуации, но, в чем это сходство состоит, решают исследователь и та теоретическая программа, которая ему наиболее близка. Если «класс» определяется по Марксу, то нет ничего удивительного, что в основе определения будет лежать критерий частной собственности на средства производства. Если же «класс» трактуется по Макс Веберу, то, помимо марксова критерия, используется критерий положения на рынке труда. В этом случае, вводя многомерное определение класса, Вебер предлагал фиксировать более тонкие и, возможно, более значимые с точки зрения повседневной жизни различия: уровень квалификации работника, уровень оплаты его труда, мировоззренческие характеристики, которые сопутствуют этим различиям и выражены в стилях жизни. В веберовской схеме различительные линии проходят не только между крупными собственниками и наемными работниками, но и между разными квалификационными группами. Таким образом, класс — это не единичный объект, такой как Луна или Марс, а совокупность людей, имеющих схожие социальные характеристики, при этом набор этих характеристик определяется исследователем.

Приверженность определенным категориям позволяет структурировать социологическое поле, поделить его между адептами разных взглядов, по-разному видящих роль общественной науки. Если ученый представляет академическую науку, то используемые им категории будут, скорее всего, прочно укоренены в соответствующих традициях и обрамлены соответствующими сносками. Если же исследование преследует прикладные цели, например производит электоральную информацию, то, скорее всего, в нем будут задействованы в большей степени категории, которые относятся к области политики, подразумевающие сходства

и различия между разными кандидатами или политическими партиями. Иными словами, категоризация как процесс обнаружения сходства или различия в изучаемой реальности в значительной степени зависит от того, какие цели преследует социолог, какие задачи решает его исследование.

## Предикаты в речевом акте

Известный философ Джон Серль, продвигая собственную теорию институтов, ставил во главу угла речевой акт именованья [21]. Если, к примеру, в рамках существующего социально-политического порядка мы называем кого-то президентом страны, то это неминуемо задействует заключенные в социальных институтах механизмы символического признания, власти и принуждения. Таким образом, клятва на Конституции или Библии — это не просто формальный ритуал, предваряющий вступление в должность, а совокупность условий, предшествующих акту именованья, имеющему вполне ощутимые последствия для всей системы государственных институтов. Разумеется, далеко не каждый гражданин может произнести подобное утверждение так, чтобы оно имело такие последствия. Необходимо, чтобы именование подобного рода производилось в установленном контексте, определяемом множеством правил, и завершало серию предусмотренных Конституцией процедур. Если же эти условия не соблюдены, то акт не имеет каких-либо значимых последствий. Иными словами, важно не только то значение, которое имеет акт именованья, но и сила, в данном случае институциональная, которой он обладает. Таким образом, любой речевой акт контекстуален, и только в контексте он обретает ту силу, за которой следует действие. В политическом контексте речевой акт насыщается силой в политической борьбе, наполненной аргументами в пользу того или иного кандидата. По мере того как борьба идет к своему предусмотренному правилами завершению, акт именованья получает направленность, определенность в том, что касается конкретной персоны и процедуры. Таким образом, речевой акт становится эффективным высказыванием только тогда, когда имеет четкие контекстуальные границы и тот смысл, который изначально в нем заложен. Политическая аналогия была необходима для того, чтобы подчеркнуть общие правила, в которых именование становится значимым, обретает тот смысл, с которым производится. Можно, разумеется, утверждать, что именование предмета исследования не тождественно речевому акту. Однако сходство есть: исследователь не просто называет предмет, он подразумевает, что за этим именованием последует целый ряд действий, имеющих познавательный характер. И здесь налицо «сужающая» интенциональность, позволяющая исследователю определить границы той реальности, на которую будет направлен его взгляд, и ту глубину, которая будет соответствовать намечаемому ему действию по получению научной истины.

Аристотель, которого можно считать родоначальником категоризации, полагал, что технически отличить любой объект от любого другого можно, задав систему категориальных координат [2]. Мы можем сказать, что трава зеленая, а человек высокий, и это сразу помогает нам воссоздать в нашем воображении то, о чем идет речь. Если бы не было предикации, то трава оставалась бы общим понятием с предельно широким значением, абстрактной категорией, референциальной по отношению к бесчисленному множеству ситуаций. Трава может быть высокой

по пояс, жухлой, высохшей под горячим солнцем, растущей во дворе, на лугах или в поймах рек. Иными словами, предмет исследования получает определенность тогда, когда мы наблюдаем его свойства, когда используем для придания ему определенности предикаты. Они задают предмету глубину, формируют пространство, в котором предмет становится видимым.

Поскольку речь идет о сложной реальности, каковой является общество, первые приближения к предмету через систему предикатов зачастую выглядят как упрощение. Для социологов имеет значение тот факт, что современная логика нашла определение Аристотеля недостаточным для полноценной характеристики субъекта. Готлоб Фреге выдвинул предположение, что предикация не ограничивается лишь набором описательных характеристик, а претендует на то, чтобы помещать субъект в определенный теоретический контекст [10]. Помимо первого уровня предикации (описательные характеристики), существует второй уровень, который определяет отношение субъекта с каким-либо другим субъектом. К примеру, говоря о человеке, можно определять его через родственные отношения. Мы говорим, что Иван — сын Сергея, и тем самым делаем утверждение, которое помогает понять, о ком идет речь. Подобное именование предполагает существование семьи, а внутри семьи — разных поколений, которые тем не менее находятся друг с другом во взаимодействии. На третьем уровне предикация предполагает более широкий круг категорий, которые связаны друг с другом внутренней описательной логикой. Если говорим, что Иван — сын Александра и Марьи, то выстраиваем более сложную конструкцию, которая еще более конкретизирует понимание того, кто Иван и какое он имеет отношение не только к своим родителям, но и к нам, внешнему наблюдателю, занятому категоризацией, то есть созданием понятийного ряда, который ляжет в основание социологической теории.

Заявляя предикаты разного уровня, социолог приближается к построению той сложной конструкции изучаемого явления, которая для социологов-эмпириков становится одним из этапов теоретизирования. К. Халл, один из сторонников эмпиризма в социальной науке, настаивал на том, что наличие статистических конструкций, в которых предикаты явления связаны в единую систему, вполне может выступать заменой более высоким уровням теоретизирования: «Если в вашем уравнении обнаружилась связь от предваряющих условий к последующим и т. д., зачем нужны, если нет очевидного вреда, несколько уравнений вместо одного?» [18, р. 284]. Создания сложных уравнений, в которых предикаты связаны друг с другом, достаточно, полагал Халл, для того, чтобы объяснить наблюдаемое явление и его изменения. Но каково происхождение категорий, находящихся друг с другом во взаимосвязи? Прежде чем уравнение построено, необходимо понять, какие переменные войдут в него и в каком качестве.

## **Операционализация как форма теоретизирования**

Конструирование на основе имеющихся категорий дает возможность обеспечить теоретическим представлениям об объекте референциальность, то есть соотношение объекта с той действительностью, которая изучается. Для того чтобы референциальность могла считаться установленной, необходимы три условия.

Во-первых, как говорилось выше, именование объекта и те категории, посредством которых он воспроизведен в контексте исследования, должны соотноситься с одной из научных традиций. Речь идет о научной экзегетике, без которой не обходится ни одно мало-мальски надежное исследование. Именование производится с учетом той научной программы, которая исторически сформировалась внутри дисциплины, в данном случае внутри социологии. В этом рассуждении содержится отсылка к понятию научно-исследовательской программы, которое использовалось применительно к науке Имре Лакатошем. С нашей точки зрения, это понятие более предпочтительно при рассмотрении предмета, чем понятие научной парадигмы, которое популяризировал Томас Кун. Парадигма — это в большинстве ее определений в книге Куна (а их около 20) общая схемата исследовательской деятельности, по поводу которой ученые соответствующей дисциплины пришли к согласию. Парадигма имеет принуждающее свойство: ученые, пытающиеся бросить ей вызов, оказываются в сложной ситуации, рискуют своим положением в университетской или научной среде.

В определении научно-исследовательской программы Лакатошем социальный аспект научного согласия смягчается. В любой программе присутствует ядро идей, которые разделяют большинство ученых, но неизбежно возникают и так называемые «дополнительные» гипотезы, ставящие под сомнение некоторые положения ядра и доказывающие обоснованность отмеченных расхождений с ним. Если Карл Поппер считал, что любое научное утверждение, не получающее подтверждения в эксперименте, должно быть отвергнуто с порога, то Лакатош призывал к осторожному обращению с идеями, ведь большинство тех теоретических программ, которыми оперирует наука, возникли не на пустом месте, и нет необходимости отвергать ньютоновскую физику сразу же после того, как подтвердились некоторые положения теории относительности.

Итак, именуя предмет, исследователь принимает как исходные некоторые из тех научных теорий, которые бытуют в его научной дисциплине и подкреплены результатами исследований. Именуя предмет, исследователь принимает не полностью, но в главном те «правила игры», которые сложились в его дисциплине. Предмет исследования, как только он именован, обнаруживает сложившуюся систему предикатов, рассматриваемых как необходимые для его описания. Подчеркнем, что предикаты могут различаться в широких пределах в зависимости от выбранной исследовательской программы, а таковых в социологии несколько, но, однажды выбрав теоретический контекст, исследователь должен в той или иной степени ему следовать.

Во-вторых, предикаты должны соответствовать принципу полноты описания, предусмотренному исследовательской программой. Полнота воспроизведения может быть достигнута только в тех границах, которые изначально продиктованы исходными теоретическими посылами, то есть исследовательской программой. К примеру, ставя целью изучить структуру общества, исследователь вправе выбрать в качестве опорных понятия «класс» или «страта». В первом случае понятие вписано в марксистскую, или конфликтологическую, исследовательскую программу. Полнота описания классовой структуры предполагает присутствие в определении ключевого понятия отношения к собственности на средства производства, присутствие на рынке труда, наличие необходимых для этого знаний, навыков

и компетенций. Лакуна, исключая какую-либо из указанных характеристик, будет рассматриваться в рамках программы как недостаток, как несоответствие концептуальному ядру и, следовательно, как нарушение принципов необходимости и достаточности в описании предмета. Следует отметить, что в некоторых случаях полнота описания может широко варьироваться. Говоря об общественном сознании, можно иметь в виду ценности, установки или верования, но при этом исследователь имеет право выбрать любую из компонент и остановиться на ней, оставив остальные за рамками проекта.

Не так-то просто определить, соблюдая принцип полноты, такой предмет, как культура. В подсчетах К. Клакхона, именование «культура» имеет в общественных науках 60 или даже более определений, причем они характеризуются разным уровнем абстракции и разным соотношением с областями манифестации [19]. В антропологии, к примеру, бытует, помимо прочих, предельно широкое определение культуры, одним из вариантов которого является определение Дж. Фрэзера: культура как способ действия [11]. В сильной культурной программе, предложенной Дж. Александером, заявлена идея культуры как автономной сферы жизни и переменной, чувствительно влияющей на другие сферы жизни. В трудах С. Хантингтона культура — это верования и нормы, связанные между собой, способные создавать или, напротив, «гасить» стимулы развития в целом или в одном из направлений [12]. В экспериментальном фрейме Александер сужает понятие культуры до совокупности установок, проявленных в области политики [1]. Такая трактовка культуры вряд ли нашла бы понимание у Пьера Бурдьё, для которого культура — это образцы поведения, итожащие жизненный опыт, вкусы и предпочтения в области потребления [13]. Из этого следует, что смысловой объем понятия культуры широк и что понятие полноты к этому показателю неприложимо до того момента, пока исследователь не сузил ракурс зрения с предельно широкого абстрактного уровня до уровня конкретного эмпирического исследования.

В-третьих, соотнесение с изучаемым реальным объектом помогает выработке гипотез и в итоге утверждения об истинности получаемого результата. Одно из классических определений истины как раз и состоит в соответствии, наблюдении связи между представлениями о мире и присутствующими в нем объектами. Подобный подход к истине и референциальности может показаться устаревшим. В современных исследованиях принцип корреспондирования неоднократно подвергался критике. В его непреложности сомневались даже сами его основатели. Так, Галилей полагал, что некоторые понятия невозможно уложить в прокрустово ложе эксперимента, — например, инерция, являющаяся одним из важнейших понятий физики, — это продукт «насилия» над когнитивным порядком. В современной науке объектов, которые невозможно наблюдать, для которых принцип соответствия непригоден, становится все больше. Их реальность устанавливается косвенным путем, поэтому прямая референция от объекта наблюдения и обратно невозможна. И все же при всей критике принципа соответствия полностью отказаться от него невозможно потому, что он составляет фундамент науки как таковой, обеспечивает научным результатам верифицируемость и воспроизводимость.

Если резюмировать, в общественной науке, как и в других, могут сосуществовать разные формы соотнесения с объектом наблюдения. В одних случаях референциальность устанавливается исключительно в теоретическом контексте,

соотносимость — как соотношение между разными теоретическими конструктами, в других референция предполагает конкретный объект, который можно и необходимо определить, используя для этого соответствующие категории. В этом случае именование и его объект вступают между собой в тесные отношения, формирующие в том числе смысловые границы предмета исследования. Одно дело — обсуждать понятие культуры как важной сферы, производящей всевозможные образцы поведения, другое дело — изучать культуру, придавая этому понятию необходимую предметность. В данном контексте оправдано, к примеру, сужение понятия культуры до поддающейся наблюдению системы ценностей. Исследователь идет на это сознательно, потому что только так он может обосновать эмпирически процесс эволюции ценностей от одного поколения к другому, доказать различия в способах видения мира в разных культурах. «Знания можно получать только о реально существующих объектах, — утверждает российский философ В.А. Лекторский. — Знания могут расти, при этом в чем-то изменяться, обнаруживая свою неполноту или даже ошибочность в некоторых отношениях, как это происходит в случае познания любых объектов. Поэтому меняются наши знания о таких объектах, как атом и элементарные частицы. Что же касается идеализированных теоретических объектов, то о них невозможно получить новое знание, их содержание жестко зафиксировано самим актом их конструирования. Эпистемологический конструктивизм, пытающийся приравнять все теоретические объекты к чистым конструкциям теоретика, не имеющим отношения к независимой от познания реальности, не может объяснить различие поведения исследователя в отношении двух типов теоретических объектов и вообще характер развития теоретического знания» [7, с. 19–20].

Из этого вытекает вопрос, звучащий вполне радикально: существует ли объект исследования за пределами вводимых в процесс его изучения категорий? Следует сказать, что подобный «квантовый» вопрос ставится в науке не впервые, и поставлен он был наиболее остро не в общественных науках, а в физике. В 1927 г. американский физик Перси Бридгмэн опубликовал работу под названием «Логика современной физики», в которой изложил собственные взгляды на современную науку [15]. Если мы расширим наше понимание, писал он, то придем к выводу, что природа по своей сущности и в основных элементах человеком быть понята не может и не подчиняется никаким законам [14, р. 392]. К этому выводу его привела специальная теория относительности Эйнштейна, утверждавшая, что одновременность событий, происходящих в одном месте, имеет иное значение, чем одновременность событий, происходящих на отдалении друг от друга, в масштабах космоса. Каково в этом случае значение ключевого понятия «одновременность»? Действительно ли оно необходимо для описания столь разных, различающихся качественно ситуаций? По мнению Бридгмэна, шок, который произвела в сообществе физиков теория относительности, был вызван не столько ее парадоксальными выводами, сколько дефектами понятийного аппарата, устаревшего к тому времени и непригодного для познания новых явлений. Не менее сомнительным, по мнению Бридгмэна, выглядело в теории относительности понятие «длина». Если длина изменяется в зависимости от скорости объекта, то можно ли принять ее универсальный характер? Таким образом, создание категорий должно быть конкретизировано или контекстуально ориентировано. Только в этом случае можно

надеяться на сближение категориального пространства с конкретным объектом, или, иными словами, на референциальность как самого исследования, так и его результатов. Бридгмэн, по сути, подвергает сомнению онтологический статус самых общих кантовских категорий, посредством которых люди познают окружающий мир. В каком-то смысле он опередил время, заявив дробный постмодернистский взгляд на мир как на фрагментированную реальность, параллельное существование самостоятельных дискурсов.

Похожие идеи находим в работах философа науки Р. Карнапа [5]. Настоящим доказательством науки он признавал наличие у любого понятия, любой используемой в научном анализе категории наблюдаемого референта в окружающем мире. Если же этот референт не обнаруживается, то рассуждение, полагал он, имеет не научный, а метафизический характер. Метафизика, с его точки зрения, выраженная в замкнутости теоретических рассуждений, широко представлена в философии и других общественных науках. Продукты умственной деятельности, какой бы сложностью они ни обладали, не могут рассматриваться как познание в подлинно научном смысле этого слова. Эти рассуждения Карнапа столкнулись с необходимостью объяснить то, что никак не вписывалось в эмпирическую логику, а именно математику и ее категории. Можно ли рассматривать математические категории как причудливую игру ума, «метафизику», или математические формы могут рассматриваться как инвариант процессов и явлений материального мира? Если бы математические конструкции были только метафизикой, тогда не существовало бы прикладной математики, помогающей создавать проекты машин и объяснять явления в далеком космосе. Понимая ограниченность жесткой эмпирической трактовки науки, Карнап предположил, что категории, которые используются в объяснительных схемах, обретают реальность в структурах. Именно понятийные структуры (здесь явно обращение к наследству Г. Фреге) могут рассматриваться как преодоление метафизики, как организованное семантическое пространство, сообщающее теории объяснительную силу.

## **Категоризация в операциональном измерении**

Среди тех, кто подверг операционализм П. Бридгмэна жесткой критике, был и Питирим Сорокин. В работе «Модные течения и слабости современной социологии» он посвятил распространенному операционализму целую главу [23, р. 51–68]. Сведение всей познавательной функции общественной науки к операционализации, привязанной к лабораторному эксперименту, он считал предельным сужением функции общественной науки: «Провозглашенный Бридгмэном и другими операционализм заманил в ловушку целый сонм социологов и психологов, отчаявшихся найти легкий и надежный метод познания в той области, которой они занимаются. Престижность и простота предлагаемого решения были приняты ими как благодатный ответ на их молитвы. Как всегда, не изучив подлинную природу операционализма, не изучив его подлинную роль в прогрессе естественных наук, не определив его ограничения и сомнительные подходы, забывая о роли чистой интуиции, дедукции и неоперациональной индукции в развитии науки и знания, наши социологи, психологи и антропологи обратились в убежден-

ных “операционалистов” и принялись с усердием применять операциональный метод в изучении социальных, культурных и умственных явлений» [23, р. 32]. Сорокин увидел в операционализации попытку свести общественную науку к одной лишь базовой функции — к получению знания с помощью опросного или экспериментального метода. Между тем наука несводима только к уровню эмпирического исследования и не может в этом качестве производить категории описания объекта *sui generis*. В науке обязательно присутствует и играет важную роль логическая дедукция, без которой обращение к эмпирической реальности не имеет очевидного смысла. В любом исследовании, полагал Сорокин, помимо эмпирической составляющей, невидимо присутствуют и высшие по отношению к ней смыслы, представленные категориями, которые невозможно проверить, но которые от этого не становятся менее ценными для познавательного процесса. Одна из проблем операционального метода в том, что он ищет доказательность вне теоретизирования, истину вовне логических операций, обнаруживающих связь изучаемого объекта с более широким кругом явлений. В качестве примера неудачной операционализации, то есть категоризации, ограниченной эмпирическим контекстом, Сорокин приводит исследование Клиффорда Киркпатрика, приравнявшего «счастье и адаптацию в семейной жизни» к той оценке, которую дают семейной паре ее друзья. Счастье — это категория общего плана, которая суммирует опыт отношения одного человека с другим и не может быть наблюдаема извне, пусть даже близкими друзьями. Сложное явление Киркпатрик сводит к одному косвенному свидетельству, которое нетождественно общему понятию. Проблема Киркпатрика в том, что он нарушил принцип полноты описания, редуцировав явление к одному признаку, не имеющему субстантивности, прямой связи с логическим субъектом исследования.

В рассуждениях Сорокина остро ставится вопрос о месте теории и логической дедукции по отношению к эмпирическому исследованию. Может ли социологическое исследование обходиться без теоретической основы, системно организующей категории, используемой для описания объекта? На этот вопрос Сорокин дает отрицательный ответ, полагая, что в современной общественной науке разные уровни теоретизирования связаны между собой и, только взаимодействуя друг с другом, могут производить тот категориальный аппарат, который имеет объяснительную силу. Эта идея связанности разных уровней познания восходит к кантианским идеям об априорности общих категорий для упорядочивания эмпирического уровня. Информация была бы не только хаотична, но и по большому счету бесполезна потому, что только организованные ключевыми понятиями данные могут дать общую картину поверх хаоса. Категории «пространство» и «время» служат этой цели и, кроме прочего, обеспечивают базис для развития естественных наук. В общественных науках логико-дедуктивный уровень теоретизирования играет примерно ту же роль, организуя эмпирические данные, обеспечивая их согласованность вокруг ключевых категорий. Как в сознании человека, так и в естественных науках эти категории не существуют по отдельности, они связаны между собой, валидизируя друг друга, формируя системное видение объекта исследования. Можно, к примеру, попытаться определить качество семейной

жизни, используя один-единственный показатель, но, в конце концов, результат на выходе окажется редуцированным *ad absurdum*, вызывая недоверие именно тем, что берется вне контекста, вне глубокого понимания социальной реальности.

Вернемся к идеям Г. Фреге и его предположениям о логических конструкциях, которые приближают нас если не к истине, то к существующему положению вещей. Необходимо признать, что, вопреки утверждению Л.Н. Толстого, сделанному в «Анне Карениной», семейное счастье имеет разные определения в разных социальных ситуациях и каждому из этих определений соответствует собственная система связанных друг с другом описательных категорий. В понимании Э. Гидденса, например, истинная функция современной семьи заключена в интимности, которая трактуется как взаимопонимание, сочувствие, эмпатия, стремление к взаимопомощи, взаимораскрытие [17]. Семья, полагает Гидденс, утратив многие из тех функций, которые были присущи ей в прошлом, обрела или усилила ту функцию, которая позволяет современному человеку выживать в текучем, индивидуализированном обществе. Исходя из этого понимания, создание категорий, соотносящихся с понятием «счастье», будет принципиально иным, чем в исследовании К. Киркпатрика. Можно предположить, что в современных обществах понятие «счастье» имеет и другие определения, более традиционные, такие, например, как наличие детей или создание общего предприятия, в котором оба супруга реализуют свои планы. Достаточно ли этой разницы, чтобы аннулировать само понятие счастья и сделать его более операциональным, привязанным к конкретной ситуации? Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на многообразие возможных жизненных ситуаций, понятие «счастье» имеет значение не только в субъективном плане, но и как стержневая субстантивная категория, дающая возможность сформулировать исследовательскую программу, задающая ей общий исследовательский вектор. Попытка раскрыть это понятие посредством операционализации, через систему показателей, не снимет необходимости рефлексии о счастье как желаемой цели не только индивида, но и общества. Эта идея лежит в основе утилитаризма в разных его изводах: счастье в нем рассматривается как важнейшая цель общества, как императив, побуждающий к изменению человеческого состояния. Именно об этом пытался сказать Питирим Сорокин: счастье — это то, что не всегда улавливается грубой системой показателей и нуждается в более сложной системе категорий, которые к тому же связаны друг с другом. Общее не отменяет частного, но и частное не имеет приоритетных прав по отношению к общим смыслам. При этом самые общие системные понятия не исчерпываются их операциональными определениями, но и не отменяют необходимости изучать их конкретные воплощения.

## Проблема смысловой редукции

Можно предположить, что существуют категории, которые имеют широкий смысловой охват, относятся к столь протяженным отрезкам времени и обширным территориям, что не поддаются редукции к уровню проверяемости эмпирическим исследованием. В «Социальной и культурной динамике» П. Сорокин приводит типологию суперсистем, сменяющих друг друга в истории, — чувственной, идеа-

листической и идеациональной. Он называет основные характеристики каждой из систем, не оставляя сомнения в том, что в настоящее время человеческая цивилизация находится в чувственной фазе, материалистической по природе. В этих обществах преобладает в когнитивной области ориентация на научный способ познания реальности, а в повседневной жизни — ориентация на комфорт и сопутствующее ему потребление. Столь широкие понятия, как «система», «цивилизация», удобно расположенные на предельно высоких уровнях анализа, крайне неохотно дробятся на частности. Противоречия между разными уровнями социологической рефлексии наглядно иллюстрируются полемикой между двумя классиками современной социологической теории — Талкоттом Парсонсом и Альфредом Шюцем [22].

Шюц, один из основателей современной феноменологической школы, испытывал скепсис по отношению к социологическим макроконструктам, не имеющим прямых референтов в жизни живых людей. Внимательно изучив книгу Т. Парсонса «Теория социального действия», он пришел к выводу, что высокая теория не соотносится напрямую ни с чем из того, что происходит на микроуровне, и не способна пролить свет на то, как в действительности живет общество. «Любое действие, — писал Шюц, — это процесс, разворачивающийся во времени. Таким образом, временная категория — важнейший элемент общей схемы. Понятие “цели” уже подразумевает “достижение”, “реализацию задуманного”, “успешное завершение” относится к состоянию, которое еще не установилось, но которое должно быть установлено действующим актором. В сознании актора цель должна предшествовать выбору средств к ее осуществлению, она определяется в конкретной ситуации. Физическое время — это способ, которым связываются события в пространстве. Время действия — это способ определить взаимоотношения между средствами, целями и другими элементами совершаемого действия. Это означает, что у каждого актора есть выбор и целей, и средств их достижения. А это, в свою очередь, означает, что возможна “ошибка” — невозможность достичь целей или правильно выбрать средства для их достижения. Таким образом, реальность, в которой происходит выбор, субъективна. Она имеет дело с явлениями в той форме, в которой они явлены актору» [22, р. 14]. Логика рассуждения Шюца примерно такая же, как и Бридгмэна: цели социального действия определяются индивидуальной рефлексией и могут быть изменены по мере того, как происходит процесс их реализации. Тонкое взаимодействие между целями и средствами их достижения тоже конъюнктурно и может меняться точно так же, как и все, что делает индивид. И самое главное — смысловая подвижность понятий, которые использованы для описания социального действия, заставляют усомниться в возможности наблюдения того общества, которое представлено в теории структурного функционализма. Шюц надеялся на то, что его письмо станет началом продуктивного обсуждения возможностей и границ социологического теоретизирования. Однако у Парсонса, имевшего уже к тому времени широкое признание, критика Шюцем его ключевых идей вызвала крайнее раздражение. Надежды Шюца не оправдались, а встреча с Парсонсом, на которую он рассчитывал, так и не случилась. Вопросы, которые он поднял в письме, тем не менее остались. Всегда ли можно редуцировать общие системные категории к тому уровню, когда они могут стать организующей основой эксперимента?

## **Тотальность общих подходов и возможности редуцирования**

Одно из препятствий, заставляющих отказаться от операционализации ключевых категорий, заключено в характерной для предельно высокого уровня рефлексии тотальности. Общество или иной объект рассматривается как целостность, а существующие дифференциации внутри объекта объясняются либо функциональной необходимостью, либо их комплиментарными характеристиками по отношению к тотальности. Категориальное описание, ориентированное на познание объекта как тотальности, обладает, как правило, свойством непереводимости на язык эксперимента. В этом смысле показательна дискуссия, развернутая двумя американскими социологами — Кингсли Дэвисом и Уильбертом Муром, по поводу выдвинутой гипотезы о функциональной значимости социальной дифференциации [16].

Действуя в русле парсонсианской теории социальных систем, они выдвинули гипотезу о том, что социальное неравенство является продуктом атрибутирования социальной значимости. Если какой-либо специалист получает более высокие доходы, чем все остальные, то это свидетельствует, что его работа или он сам как индивид более важны для социальной системы, чем те, кто менее успешен в материальном плане. При этом функциональная значимость может варьироваться в зависимости от того, в каком состоянии находится социальная система и каковы ее отношения с другими системами, другими обществами. В мирное время для системы важны инженеры и священники потому, что на их плечах лежат важнейшие задачи технологического развития общества и его сплочения. В военное время вырастает значение военных, на которых лежит ответственность за само существование общества и перспективы. Эти идеи были немедленно подвергнуты жесточайшей критике социологами-марксистами и, в частности, Мелвином Тьюминым, задававшим авторам острые вопросы [25]. Означает ли сказанное Дэвисом и Муром, что рабочие, занятые на предприятии, менее важны для производства, чем управляющие? И если нет, то почему рабочие получают заработную плату намного меньшую, чем управляющие? Какова функциональная значимость тех, кто не получает, а наследует состояние и прозябает в праздности? Действительно ли специалисты получают более высокую заработную плату потому, что терпели в отличие от работающих сверстников материальные ограничения во время учебы? Данные исследования говорят об обратном: студенты из богатых семей имеют более высокие доходы, чем их работающие ровесники. Концепт функциональной значимости составил основу сюжета известного литературного произведения — романа “Atlas shrugged”, изданного у нас под названием «Атлант расправил плечи». Американская писательница Айн Рэнд вывела ситуацию, в которой управляющие и собственники совершают исход из общества с тем, чтобы продемонстрировать рабочим пороки побеждающего социализма. В романе, слабобом в литературном отношении, идея функциональной значимости превращена в идеологию, оправдывающую неравенство в его крайних формах. Побудила ли социологов опасность идеологической ловушки к тому, чтобы отказаться от понятия «функциональная значимость», предать его полному забвению? Несмотря на аргументы его противников и очевидную идеологическую ангажированность,

оно сохранилось в обороте общественной науки, хотя не является более предметом острых дискуссий. И дело здесь не в самой категории функциональной значимости, а в том, что любая тотальность, заявленная каким-либо понятием, может трактоваться не только как инструмент познания, но и как краеугольный камень идеологии, служащей либо оправданию существующего социального порядка, либо его ослаблению.

## **Метафоричность как нередуцируемая теоретическая интуиция**

Одна из сложностей, которые возникают в ходе теоретизирования на его самом высоком уровне, связана с его метафоричностью. Многие из громких идей, которые актуальны в общественных науках по сей день, заявлены в форме метафор, интерпретация которых в эмпирическом ключе является крайне непростой задачей. Взять хотя бы такое понятие, как «общественный договор» — понятие, которым Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локк характеризовали отношения общества и государства. Проверить эту идею на эмпирическом уровне затруднительно, если вообще возможно. Каково содержание договора? Кто представлял высокие договаривающиеся стороны? В какой момент договор был парафирован или утвержден? Все эти вопросы покажутся социальному философу досужими, говорящими об узости мышления и профессиональном кренинизме вопрошающего. Речь идет, безусловно, о тропах, обобщающих представления о состоянии современного общества и его природе. Для социологов, убежденных в необходимости доказывать каждое суждение экспериментально, метафорическое мышление может быть поводом для разочарования. И действительно, если мы не можем отыскать следов этого договора в повседневной жизни людей, то существует ли он вообще?

Не менее сложным для интерпретации оказывается и понятие «текущее общество», которое ввел в оборот Зигмунт Бауман. Если речь идет о текучести, изменчивости социальной жизни, то как можно понимать эту метафору применительно к жизни конкретного человека? Как проявлена текучесть в повседневной жизни, которая наполнена рутинными, часто автоматическими действиями? Между тем никто не оспаривает тот факт, что природа общества подвержена глубоким изменениям, которые происходят в более короткие сроки, чем прежде, и которые сказываются на жизни граждан, хотя и в разной степени. Иными словами, метафорический способ социологической рефлексии имеет право на существование потому, что позволяет ухватить суть используемой аргументации, резюмирует ее в коротком, емком именовании. Однако с точки зрения логического позитивизма подобные понятия лишены субстанции, то есть относятся скорее к метафизике, чем к науке. Взять хотя бы такой веберовский конструкт, как «идеальный тип». В социальной жизни он обнаруживает себя не целостно, а в отдельных признаках, которые волюнтаристски собраны вместе и связаны в единый пакет рефлексирующим социологом. Насколько обоснованы те логические операции, которые совершает социолог, созидая своего «голема», и не вводит ли он таким образом коллег и читающую публику в заблуждение?

В метафорическом теоретизировании широкие возможности открываются для научной интуиции, для догадок о природе социальной реальности. Производимые интуицией категории поначалу выглядят сомнительно, но затем входят в научный оборот общественной науки, формируя ее стандартный понятийный аппарат. Характеризуя наследие Роберта Мертон, Л. Козер отмечает, что одним из признаков его особого статуса в общественной науке стало терминологическое творчество, создававшее адекватную основу для описания социальных феноменов современного общества: «Важнейший аспект его способности проникать в суть явлений, используя “глину” повседневности, — это его удивительный талант создавать новые социологические термины и категории. Именованье значит создавать Мир как начало всех наблюдаемых явлений. Поэтому понятно, что мир, наблюдаемый социологами, приобрел новое качество, когда в нем обрели свою жизнь такие понятия, как “ролевой репертуар”, “интуитивное озарение” (Serendipity), “эффект Матфея”, “самосбывающаяся реальность”, и всё, всё, всё, что стало знакомой обстановкой социологической рефлексии. Эмпиризм, который не опирается на теорию, скользит по поверхности социальной реальности. Концептуальное именованье, которое осуществлял Мертон, позволяло проникать в существо изучаемых явлений. Мертон — один из наших передовых производителей социологического аппарата, позволяющего охватить изучаемое явление» [24, р. 9].

### **Методологический индивидуализм как решение проблемы перехода**

Мертон не просто создавал категории, не имеющие прямых эмпирических референтов, он был одним из тех, кто всерьез занялся проблемой структуры теоретического знания, расположив между «интуитивным прозрением», обобщающей метафорикой и эмпирическим исследованием «промежуточное звено» — теорию среднего уровня. Одна из важных задач теории среднего уровня состоит в том, чтобы создавать теоретические фреймы для конкретных исследовательских ситуаций. Если на самом общем уровне рефлексирования находят отражение общие тенденции и долговременные ситуации, зачастую без всякой связи с тем, что происходит в конкретном обществе, то в теории среднего уровня предметом осмысления становится «хронотоп» — ситуация, которая складывается в определенное время и в конкретном месте. Раймон Будон продолжил традицию Мертона, выбрав для «срединного уровня» рефлексии иной термин — «методологический индивидуализм» [3].

Будон полагал: дело здесь не в том, что общие теории неверны, а в том, что любые общие подходы и применяемые в них категориальные модели в ходе эмпирического исследования неизменно подвергаются уточнению. По итогам анализа открываются специфические обстоятельства, позволяющие достичь глубокого понимания и уточнения используемых в общей теории категорий. Наиболее ярко эти различия проиллюстрировал Карл Маркс в двух работах — «Манифест Коммунистической партии» [9] и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [8]. В «Манифесте» он выдвинул ключевой тенденцией и одновременно двигателем

развития борьбу социальных классов. Внутри каждой общественно-политической формации есть два класса-антагониста, при этом интерес одного из них состоит в том, чтобы удерживать господство, заняв ключевые точки в измерениях власти и собственности, а интерес другого заключается в том, чтобы ослабить или разрушить систему господства правящего класса, расширяя через систему новых институтов пространство свободы. В «Восемнадцатом брюмера» в хронологическом порядке исследуется становление авторитарного режима во Франции, понятие «класс» тоже используется, но трактуется оно совсем не так, как в «Манифесте». Позиции классов, даже тех, в рядах которых преобладали сторонники демократии и свободы, выглядели амбивалентно. Противоречивую и непоследовательную позицию по отношению к грядущему перевороту заняли рабочие, остановившие свои требования на создании рабочих касс. Как оказалось, рабочие — при том что они по общим положениям марксистской теории составляли ядро пролетариата — далеко не всегда готовы выступать с политическими требованиями демократического характера, а в некоторых случаях склонялись к поддержке тех политических сил, которые на этом конкретном этапе жизни обеспечивали социальный порядок. Противоречивой, непоследовательной в политическом плане оказалась буржуазия, в действиях которой сиюминутный интерес взял верх над фундаментальными долговременными интересами. Неожиданным образом собственные интересы обрели в текущей игре и новые социальные силы — армия и пестрое сообщество люмпенов, которых Маркс иронично именовал *la bohème*. Иными словами, в той политической борьбе, которая развернулась во Франции накануне прихода к власти Луи Бонапарта, субъектную роль играли не только классы (хотя и они тоже), но и другие социальные группы, сформированные политической конъюнктурой и сиюминутными интересами политических игроков. Отменяет ли анализ Маркса общие идеи, изложенные в «Манифесте», подрывает ли он эвристическую силу понятия «класс», которое находится в самом основании марксистской теории?

Эрик Райт, один из наиболее влиятельных марксистов конца XX в., уверенно утверждает, что это не так [26, р. 12]. Общие концептуальные схемы и анализ социальных ситуаций не противоречат друг другу, как не противоречат друг другу анализ воды в конкретном водоеме и общая формула воды, которая позволяет понимать ее состав и свойства. Химик, узнавший формулу воды, получает инструмент, позволяющий после анализа состава воды в водоеме определить, какие примеси в ней находятся и как по ним можно судить о взаимодействии воды с грунтами, которые формируют берега и дно. Без этого инструмента было бы затруднительно строить гипотезы о том, как возник водоем и какие изменения он претерпевал под влиянием меняющихся климатических условий. Общие, или субстантивные, понятия, как они именуется в логике, формируют основу общей теоретической схемы и позволяют исследователю, двигаясь от нее, формировать программу исследования. В реальности во Вселенной нигде не отыскать воды, которая в точности соответствовала бы химической формуле, но это нисколько не смущает исследователей. Без субстантивных, основополагающих характеристик, воплощающихся в наборе ключевых категорий, затруднительно, если вообще возможно, создавать стратегию конкретного исследования и интерпретировать его результаты. Формула воды неизменна и определяет ее общие свойства, не имеющие временных границ; состав воды в любом водоеме лишь отчасти соот-

ветствует формуле и может меняться в зависимости от ситуации. Анализ состава воды необходим для того, чтобы определить, пригодна ли она для питья и как он изменился со времени прошлого замера.

В логическом плане в основе существования общих категорий лежит принцип тождества предмета самому себе, формирующий фундамент мысли как таковой и научного мышления в том числе, но он не отменяет изменчивости объекта. «Необходимость рассматривать предмет мысли как тождественный самому себе представляет собой один из важнейших принципов мышления (принцип тождества), — пишет Е.К. Войшвилло. — Формулировку его можно найти у Аристотеля: невозможно ничего мыслить, если не мыслишь (каждый раз) что-нибудь одно. При правильном понимании этого принципа он вовсе не находится, как иногда думают, в противоречии с признанием изменчивости предметов и не исключает возможности познания их изменений. Наоборот, изменения, переходы предмета из одного состояния в другое могут быть поняты и описаны лишь при условии, если точно зафиксировано, что именно подвергается изменению и что является результатом этих изменений» [4, с. 22–23].

## **Между макро и мезо: еще одна попытка теоретической трансценденции**

Джорджа Ритцера беспокоил жесткий конфликт между социологами-марксистами и адептами структурного функционализма [20]. Идеиные основания двух главных теоретических платформ социологии казались несовместимыми. Различались они не только идеологическими ориентациями, но и категориями, которые использовали для исследований современного общества. Обойти вниманием такую проблему, как неравенство, не могли ни те ни другие, но объяснения неравенства предлагались противоположные. Марксисты видели причины неравенства в противоречиях между классами, по-разному локализованными в измерениях собственности и господства. Структурные функционалисты считали, что неравенство — это следствие работы социальных институтов и в этом смысле неизбежное для общества явление, борьба с которым ведет к ослаблению социальной интеграции и разрушению общества. Желая преодолеть водораздел между двумя исследовательскими парадигмами, Ритцер предложил собственный мультипарадигмальный подход. Мультипарадигмальным он был не потому, что предполагал гибридное слияние двух парадигм (хотя такие попытки и делались), а потому, что фокусировал внимание на конкретных исследовательских задачах. Каких бы взглядов ни придерживался социолог, столкнувшись с конкретной научной задачей, он будет формировать первичные теоретические представления об объекте исходя из принципа соответствия, используя наиболее надежные исследовательские процедуры. Речь идет о том самом среднем уровне, который предваряет эмпирическое исследование и который не может отойти далеко от изучаемого объекта в его текущем состоянии. На площадке конкретного исследовательского проекта, считал Ритцер, возможно согласие по конкретным предварительным определениям объекта и предмета и, следовательно, по тем рабочим категориям, которые даются в его описании. Добившись относительного согласия, исследо-

ватели могут в конечном итоге преодолеть или смягчить имеющиеся между ними идейные противоречия. Такое свойство имеет «истина», если говорить высоким стилем, или «истинное положение дел», если использовать терминологию научной логики. Таким образом, категоризация как процесс описания объекта происходит не только своевольно, подчиняясь исследователю и его пресуппозициям, но и в ограничениях, налагаемых на социолога состоянием объекта и возможностями представить его с наибольшей точностью. Притяжение истинного положения дел таково, что логические процедуры, сопровождающие теоретизирование, ограничены определенным набором показателей, и только в этом случае аргументация исследователя будет принята как убедительная.

## Заключение

В современной российской социологии теоретизирование сталкивается с рядом серьезных ограничений. Во-первых, российская социология с ее очередного идейного поворота в конце 1980-х, расставшись с тем, что она считала марксистским заблуждением, робко и неохотно использует категории, не имеющие прописки в признанных трудах зарубежных ученых. Эта привязка к наиболее сильным исследовательским программам тормозит процесс осознания собственно российских исследовательских программ, рождение социологической теории, ориентированной на российское общество.

Во-вторых, в российской общественной науке теоретизирование нередко замещается воспроизводством известных идеологических конструктов, которые, как и следовало ожидать, имеют в основе категории, укорененные в измерении власти и политики. И хотя многие из этих конструктов показали себя непригодными в описании российского общества, они тем не менее остаются опорными точками в публичной полемике о текущем моменте и будущем. Одна из особенностей этих конструктов в том, что они носят предельно общий и часто метафорический характер, не имея адекватного референта в общественной жизни.

Иллюстрацией конфликта между идеологической схемой и потребностью в изучении реального положения дел служит дискуссия об «азиатском способе производства», развернувшаяся в России в 1920-е гг. Стройная марксистская классовая схема столкнулась с реальностью азиатских обществ и, в частности, с необходимостью вписать в нее бюрократию, не только обладавшую властью, но и осуществлявшую контроль над собственностью. С одной стороны, советские марксисты опасались (по понятным причинам) отходить от установленной «сакральной» схемы, устанавливающей стандартную аргументацию в области идеологии, а с другой — практическая политика диктовала необходимость приближения к наблюдаемой реальности. Противоречие между категориальным базисом идеологии и реальностью преследовало советское государство на протяжении всей его истории.

В-третьих, в тех категориальных схемах, которые используются в теоретизировании о российском обществе, преобладают дихотомии, которые, соприкоснувшись с реальностью, сразу же обнаруживают свою условность. Возьмем, к примеру, текущую дискуссию о социальной структуре российского общества.

С.Г. Кордонский и сочувствующие ему коллеги настаивают на том, что современная Россия представляет собой сословное общество [6]. Марксисты, считающие, что в России утвердился капитализм, полагают, что в основе значимых социальных различий лежат классовые противоречия. Появляются и другие схемы, которые опять же полагаются на одномерную, дихотомическую логику. Между тем нет никаких причин, по которым социальная структура не может рассматриваться как многомерная, как имеющая наряду с классовыми сословные или культурные различия. Вопрос лишь в том, как уместить эту многомерность в одну теоретическую конструкцию, объясняющую и существующие противоречия, и неожиданные совпадения групповых интересов. Категоризация не обязывает к догматической эксклюзии, ее назначение в том, чтобы, сохраняя научную традицию, создать теоретический базис для понимания текущего состояния общества.

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**

**Черныш Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 719-09-40. **Электронная почта:** chernysh@fnisc.ru

---

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 2. P. 9–28. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.1**

Research Article

**MIKHAIL F. CHERNYSH<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

### **CATEGORIZATION AS A FORM OF THEORIZING IN SOCIOLOGY**

*Abstract.* Formalization of scientific knowledge is underlain by the process of categorization. Searching for the subject of a study is conditioned by the creation of relevant categories that name it, defining its contents and draw a line between the subject and other related categories. In the process of theorizing the subject acquires predicates — a collection of indicators that identify its contents and meaning. The process is tantamount to institutionalization of the subject and expansion of its description with the help of complex predicates of the second and third level. Hence the subject is embedded into a descriptive structure, formed by a set of interconnected scientific categories. The structure of theoretical categories and the empirical study are engaged in a complex theoretical interaction that imply a change of language constructs and a possible reduction of key concepts to facilitate the creation of empirical indicators. The contradiction between the theoretical construction and empirical, inductive basis of a study often led to a denial of the necessity and existence of the high-level conceptual structures that inform scientific reflection. Further complications were related to the fact that many categories used in sociology are metaphorical and therefore vulnerable to ideological manipulation. However, the praxis of sociology, as any other science, shows that high-level reflection and general categories are necessary. They sustain the continuity of research and allow to observe changed in the subject under study.

*Keywords:* theorizing; sociological categories; operationalism; predicates; sociological metaphors.

**For citation:** Chernysh, M.F. Categorization as a Form of Theorizing in Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1

**Acknowledgments.** The article was prepared within the framework of the project “Quantitative and qualitative changes in the social structure in the post-Soviet period”, supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-18-00450).

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Mikhail F. Chernysh** — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). **Phone:** +7 (495) 719-09-40. **Email:** chernysh@fnisc.ru

## ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Александр Д., Смит Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. 2010. С. 11–27. EDN: [NTYQKH](#)  
*Alexander J., Smith F.* A Strong Program in Cultural Sociology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 9. No. 2. 2010. P. 11–27. (In Russ.)
2. *Аристотель.* Категории; Об истолковании / Пер. с древнегреческого А. Кубицкого, Э. Радлова. М.: Изд-во АСТ, 2023. — 160 с.  
*Aristotle. Cateogiries; On interpretation.* Transl. by A. Kubitskiy, E. Radlov. Moscow: AST publ., 2023. 160 p. (In Russ.)
3. *Будон Р.* Место беспорядка / Пер. с фр. М.М. Кириченко. М.: УРСС. 1998. — 283 с.  
*Boudon R. La Place de Desordre.* Transl. from French by M.M. Kirichenko. Moscow: URSS publ., 1998. 283 p. (In Russ.)
4. *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989. — 240 с.  
*Voishvillo E.K. Concept as a form of reflection. Logical and epistemological analysis.* Moscow: Moscow State University publ., 1989. 240 p. (In Russ.)
5. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А.В. Кезина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1993. № 6. С. 11–26.  
*Carnap R. The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language.* Transl. by A.V. Kezin. *Vestnik of Moscow University. Series 7. Philosophy.* 1993. No. 6. P. 11–26. (In Russ.)
6. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России (I часть) // Мир России. 2010. № 17 (3). С. 37–66.  
*Kordonski S.G. The Estate-based structure of post-Soviet Russia. Part 1. Mir Rossii.* 2010. No. 17 (3). P. 37–66. (In Russ.)
7. *Лекторский В.А.* Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–22. DOI: [10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22](#) EDN: [YVKKQP](#)  
*Lektorski V. Constructionist realism as a modern form of eplistemological realism. Filosofia nauki i tekhniki.* 2018. Vol. 23. No. 2. P. 18–22. DOI: [10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22](#) (In Russ.)
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 115–217.  
*Marx K., Engels F. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Collected works.* 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat publ., 1957. P. 115–217. (In Russ.)
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.  
*Marx K., Engels F. The Manifesto of the Communist party. Collected works.* 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat publ., 1955. P. 419–459. (In Russ.)
10. *Фреге Г.* Избранные работы / Пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. — 159 с.

- Frege G. *Selected works*. Transl. from Germ. Moscow: Dom intellectualnoi knigi publ., 1997. 159 p. (In Russ.)
11. Фрэйзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете / Пер. с англ. 2-е изд., М.: Политиздат, 1990. — 542 с.  
Frazer J. *Folklore in the Old Testament*. Transl. from Eng. 2nd ed. Moscow: Politizdat publ. 1990. 542 p. (In Russ.)
  12. Хантингтон С. Культуры — это серьезно // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. С. Хантингтона и Л. Харрисона; Пер. с англ. А. Захарова. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 5–10.  
Huntington S. Cultures are serious matter. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress*. Ed. by S. Huntington and L. Harrison; Transl. from Eng. by A. Zakharov. Moscow: Moscow School of Political Studies publ., 2002. P. 5–10. (In Russ.)
  13. Bourdieu P. *La Distinction. Critique Sociale du Jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1979. 670 p.
  14. Bridgman P. *Reflections of a Physicist*. N.Y.: Philosophical Library, 1955. 392 p.
  15. Bridgman P. *The Logic of Modern Physics*. N.Y.: Macmillan, 1927. 228 p.
  16. Davis K., Moore W. Some principles of Stratification. *American Sociological Review*. 1944. Vol. 10. No. 2. P. 242–249. DOI: [10.2307/2085643](https://doi.org/10.2307/2085643)
  17. Giddens. A. *The Transformation of Intimacy*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 212 p.
  18. Hull C. The problem of intervening variables in molar behavior theory. *Psychological Review*. 1943. Vol. 50 (3). P. 273–291. DOI: [10.1037/h0057518](https://doi.org/10.1037/h0057518)
  19. Kroeber A., Kluckhohn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge: Museum, 1952. 223 p.
  20. Ritzer G. *Sociological Theory*. 8<sup>th</sup> ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2011. 827 p. DOI: [10.1002/9781444347388.ch6](https://doi.org/10.1002/9781444347388.ch6)
  21. Searle J. *The Making the Social World. The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p. DOI: [10.1093/acprof:osobl/9780195396171.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780195396171.001.0001)
  22. *The Theory of Social Action. Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons*. Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 171 p.
  23. Sorokin P. *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*. Chicago: Regnery Co., 1956. 357 p.
  24. *The Idea of Social Structure. Papers in Honor of Robert K. Merton*. Ed by L. Coser. N.Y.: Routledge, 2017. 547 p. DOI: [10.4324/9781315132563](https://doi.org/10.4324/9781315132563) [1<sup>st</sup> published in 1975].
  25. Tumin M. Some principles of stratification: A critical analysis. *American Sociological Review*. 1953. Vol. 18. No. 4. P. 387–394. DOI: [10.2307/2087551](https://doi.org/10.2307/2087551)
  26. Wright E.O. *Classes*. L.: Verso, 1985. 344 p. DOI: [10.1016/S0002-9378\(85\)80136-8](https://doi.org/10.1016/S0002-9378(85)80136-8)

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024; поступила после рецензирования и доработки: 08.05.2025; принята к публикации: 15.05.2025.

Received: 15.12.2024; revised after review: 08.05.2025; accepted for publication: 15.05.2025.

# МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.2  
EDN: MPMQGO

*А.М. АЛМАКАЕВА<sup>1, 2</sup>, Е.А. НАСТИНА<sup>1</sup>, А.В. ДОГУЗОВ<sup>1</sup>*

<sup>1</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

<sup>2</sup> Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).  
119034, Москва, ул. Пречистенка, д. 38.

## ДИНАМИКА СЧАСТЬЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В УСЛОВИЯХ ЭКЗОГЕННЫХ ШОКОВ<sup>1</sup>

*Аннотация.* Целью работы является анализ влияния двух экзогенных шоков — пандемии COVID-19 и СВО на Украине — на счастье и удовлетворенность жизнью населения РФ. Эмпирической базой выступают три волны общероссийского панельного исследования, собранные с помощью телефонного опроса (САТИ). Анализ динамики средних не выявил существенного влияния этих событий ни на один из рассматриваемых показателей субъективного благополучия для россиян в целом по стране. В то же время показано, что наряду с отсутствием общих трендов наблюдается значимая вариация по группам с различным набором ресурсов. В целом под влиянием двух шоковых событий наиболее выраженное снижение счастья и удовлетворенности произошло в группе опрошенных с плохим материальным положением и экстернальным локусом контроля. Обладатели интернального локуса контроля, напротив, смогли повысить удовлетворенность жизнью после начала пандемии и СВО, однако для счастья этот эффект проявился только в отношении периода COVID-19. Социальный капитал в виде сетей поддержки оказал буферный эффект в случае начала военного конфликта, но не для пандемии коронавируса. Полученные выводы позволяют подтвердить ранее установленный факт о более тесной связи между материальными аспектами, локусом контроля и удовлетворенностью жизнью по сравнению с оценками счастья.

*Ключевые слова:* субъективное благополучие; счастье; удовлетворенность жизнью; экзогенные шоки; кризис; буферные ресурсы.

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за замечания и комментарии, позволившие усовершенствовать текст статьи.

**Для цитирования:** Алмакаева А.М., Настина Е.А., Догузов А.В. Динамика счастья и удовлетворенности жизнью в условиях экзогенных шоков // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 29–50. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.2) EDN: MPMQGO

## Введение

Конец XX – начало XXI в. с полным правом можно назвать временем турбулентности и серьезных социальных трансформаций. Для россиян этот период стал особенно драматичным. Череда различных кризисных событий, начавшихся после распада Советского Союза, формирует контекст жизни граждан РФ на протяжении последних 30 лет. В 2020 г. мир столкнулся с угрозой нового типа — пандемией COVID-19. Самоизоляция как средство борьбы с распространением вируса стала серьезным испытанием, повлиявшим не только на экономическую ситуацию, но и на привычный образ жизни миллионов людей. Россияне не стали здесь исключением. Специальная военная операция (СВО), начавшаяся 24 февраля 2022 г., ознаменовала новый этап пересборки существующего социального порядка. Эти факторы повлекли за собой множество последствий и сказались на поведенческих практиках, мироощущении и настроениях россиян [3; 4; 10; 12; 14]. Становятся актуальными вопросы: как люди пережили эти изменения? Смогли ли они приспособиться к ним? Кто пострадал от кризисов больше всех, а кто, наоборот, оказался в выигрыше?

Анализировать эффекты кризисов можно, применяя различные подходы. Во-первых, обращаясь к динамике объективных статистических показателей. Во-вторых — к описанию различных поведенческих практик, возникающих у населения в ответ на новые условия. Наконец, в-третьих, используя субъективные оценки, отражающие происходящие в жизни индивидов трансформации. Спектр таких субъективных оценок может довольно сильно варьироваться. Так, например, в контексте последних двух кризисов в поле зрения исследователей попадали такие тренды, как тревожность, депрессия и психологическое благополучие (psychological well-being) [4; 9]; оптимизм и его различные корреляты [2; 7]; материальное положение [2; 4]. В данной статье мы обратимся к отдельным компонентам субъективного благополучия (subjective well-being).

Субъективное благополучие, отражающее самооценки людьми своего положения [23], можно рассматривать как интегральную характеристику происходящих изменений, их характера и глубины воздействия на жизнь индивида в целом и ее различные аспекты. Отечественные исследователи регулярно отслеживают динамику субъективного благополучия. В большинстве таких опросов состав респондентов, репрезентирующих население РФ, меняется от замера к замеру. Однако для корректного оценивания реальных последствий кризисных событий необходим панельный дизайн, где в каждой временной точке опрашиваются одни и те же участники. В таком случае риск воздействия неучтенных параметров из-за разного набора респондентов сводится к минимуму. Благодаря этому панельные исследования, наряду с экспериментами, — это «золотой стандарт» установления причинно-следственных связей.

Наиболее масштабным панельным исследованием в России сегодня является «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ), стартовавший в 1994 г.<sup>2</sup> Этот проект содержит некоторые показатели субъективного благополучия, но их набор довольно ограничен. Так, для интересующего нас периода с 2019 по 2022 г. доступны лишь оценки удовлетворенности работой и ее отдельными сферами, а также оценки удовлетворенности жизнью в целом. Поэтому для целей настоящей статьи использованы данные трех волн общероссийского телефонного опроса, собранные в 2019–2020, 2021 и 2022 гг. (характеристики базы данных см. в соответствующем подразделе статьи). Они содержат традиционные показатели счастья и общей удовлетворенности жизнью. Нас интересуют два основных вопроса: а) какие показатели субъективного благополучия продемонстрировали значимое снижение; б) какие ресурсы или буферы смогли смягчить воздействие кризисов.

## Определение, структура и измерение субъективного благополучия

Субъективное благополучие — чрезвычайно популярная тема в социальных науках. Ей посвящено огромное количество статей и книг. Так, на сайте «Всемирной базы данных о счастье»<sup>3</sup>, основателем которой является один из самых известных ученых этого направления Р. Винховен, содержится около 15 000 публикаций<sup>4</sup>. Это неудивительно, поскольку субъективное благополучие считается одним из показателей качества жизни и нередко входит в различные международные рейтинги.

В самом общем виде субъективное благополучие отражает то, как сами индивиды оценивают свою жизнь в определенный период [24], уровень ее гармоничности и успешности. В данный момент существует множество подходов к измерению и структуре субъективного благополучия. Относительно устоявшейся практикой является выделение двух отдельных компонентов — эмоционального (аффективного) и рационального (когнитивного). Первый включает ощущения счастья, а также негативный и позитивный аффекты, под которыми понимаются различные эмоциональные переживания и реакции человека. Второй — общую удовлетворенность жизнью и частные удовлетворенности в различных сферах жизни [23].

Наиболее распространенные показатели субъективного благополучия в социологических исследованиях — ощущение счастья и общая удовлетворенность жизнью. Такой подход применяется в крупных межстрановых проектах,

<sup>2</sup> Проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS–HSE: URL: <http://www.hse.ru/rlms> и URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>

<sup>3</sup> Официальный сайт «Всемирной базы данных о счастье» — URL: <https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/>

<sup>4</sup> What is this Bibliography of Happiness? // World Database of Happiness. — URL: <https://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/collections/bibliography/what-is-this-bibliography-of-happiness/> (дата обращения 12.09.2024).

таких как Европейское социальное исследование, Всемирное исследование ценностей, Европейское исследование ценностей и т. д. Российские исследовательские компании ФОМ и ВЦИОМ также включают эти показатели в свои мониторинги. Несколько реже в опросные инструменты попадают частные удовлетворенности и еще реже — оценки позитивного и негативного аффектов. Последнее неудивительно, поскольку такие методики довольно громоздки и увеличивают когнитивную нагрузку на респондента. Например, методика PANAS (Positive and Negative Affect Schedule)<sup>5</sup> [32] содержит 20 прилагательных, описывающих эмоции, возникавшие у опрашиваемого за последнюю неделю. Список возможных сфер жизни для оценки частных удовлетворенностей также может быть довольно обширным. Так, методика PWI (Personal Wellbeing Index) помимо общей удовлетворенности жизнью предполагает оценку еще восьми дополнительных сфер [33]. А Р. Камминс [21], делая обзор различных исследований, насчитал более 300 жизненных аспектов.

Счастье и удовлетворенность жизнью как обобщенные показатели субъективного благополучия, хотя и не отличаются большой детальностью, вполне позволяют отследить общие тренды, не усложняя и не удлиняя при этом опросный инструмент. Как показали Э. Динер и его коллеги в подробной обзорной статье [22], шкала удовлетворенности жизнью обладает достаточно высокой валидностью. Во-первых, она довольно устойчива при неизменных условиях. Кроме того, этот показатель коррелирует с целым рядом теоретически связанных конструктов: 1) с другими мерами субъективного благополучия, не основанными на самооценке; 2) с психологическими характеристиками, отражающими хорошее настроение; 3) с позитивными изменениями в жизни индивида; 4) с уровнем гражданских и политических свобод в государстве, уровнем коррупции, ВВП на душу населения и средним доходом домохозяйства.

Счастье, отражающее аффективный компонент субъективного благополучия, довольно тесно связано с общей удовлетворенностью. Так, по данным разных исследований корреляция между этими показателями варьируется в пределах от 0.4 до 0.7 [15; 16; 18; 19; 26; 30]. Данные всех волн Всемирного исследования ценностей<sup>6</sup> и Европейского социального исследования<sup>7</sup> показывают сходные результаты для подавляющего числа стран<sup>8</sup>. Учитывая комплексную эмоционально-рациональную природу субъективного благополучия, для повышения валидности измерения *счастье* и *удовлетворенность жизнью* нередко комбинируют в один обобщающий индекс [6; 25].

В то же время эмпирически установлено, что эти два феномена могут демонстрировать разные паттерны. Г. Татарова и А. Кученкова обобщают их в несколько групп [16]. Это, во-первых, связь счастья и удовлетворенности жизнью с другими параметрами. Например, на основе данных из девяти стран, принявших участие

<sup>5</sup> В русской адаптации она получила название ШПАНА (Шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта) [8].

<sup>6</sup> Официальный сайт Всемирного исследования ценностей — URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/>

<sup>7</sup> Официальный сайт Европейского социального исследования — URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/>

<sup>8</sup> Расчеты авторов.

в Европейском исследовании ценностей в 1999 г., П. Гунделах и С. Крайнер обнаружили значимое расхождение [26]. Так, счастье в большей степени было связано с наличием партнера и стабильных отношений, а удовлетворенность жизнью — с locus контроля. В работе У. Сэриса и А. Андреевской [31], которые использовали российскую панельную выборку, счастье было больше связано с позитивной оценкой брака, а удовлетворенность жизнью — с хорошим финансовым положением.

Второе отличие относится к уровням счастья и удовлетворенности жизнью в разных группах, а точнее, разрыву между этими показателями. Здесь наблюдается довольно противоречивая картина. Так, по данным Европейского социального исследования и опросам ФОМа, уровень счастья в России выше, чем уровень общей удовлетворенности<sup>9</sup> [13; 17]. Г. Татарова и А. Кученкова [16] на данных РМЭЗ показывают, что этот паттерн не является универсальным, но зависит от этапа жизненного цикла. Если для людей в возрасте от 15 до 29 лет, находящихся в бездетном браке, эти показатели совпадают, то для людей в возрасте 50–72 лет без супруга и с совершеннолетними детьми разрыв составляет почти 20%: 47% удовлетворенных и 28% счастливых.

Третье отличие касается трендов счастья и удовлетворенности жизнью. Так, В. Сибирев и Н. Головин [13] обнаружили, что эти показатели действительно демонстрируют несколько разную динамику. Сходную картину показывают данные упомянутых выше Всемирного исследования ценностей и опроса ФОМа (см. также: [5; 6; 17; 25]).

Таким образом, счастье и удовлетворенность жизнью нельзя считать абсолютно идентичными феноменами. Поэтому в рамках данного исследования мы не будем комбинировать их в один индекс, а рассмотрим отдельно друг от друга.

## **Кризисы и их влияние на показатели субъективного благополучия**

Социально-экономические кризисы или экзогенные (внешние) шоки сопровождают жизнь обществ на протяжении всей истории. С точки зрения возможных причин, масштаба, длительности и тяжести последствий они довольно многообразны, поэтому устоявшегося определения экзогенного шока нет. В самом общем виде его можно описать как резкое изменение, существенно влияющее на жизнь большого количества индивидов, которое они не в состоянии контролировать. Такой подход позволяет дифференцировать общественные макрокризисы (массовое падение рынков, пандемия, военные действия, природные катастрофы, распад государств и т. д.) и микрокризисы или кризисы личные (болезнь, смерть близких, увольнение, потеря денег, развод и т. д.). При этом вторые довольно часто являются отражением или следствием первых, а вот обратная зависимость скорее редкое исключение, чем общее правило.

Накоплен достаточно большой опыт изучения влияния экзогенных шоков на субъективное благополучие и его отдельные компоненты. Россия в данном случае является уникальным кейсом, поскольку последние три десятилетия она

<sup>9</sup> Удовлетворенность жизнью и счастье // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14331> (дата обращения 12.09.2024).

проходит через целую серию достаточно серьезных испытаний: распад СССР, дефолт 1998 г., мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., девальвация рубля и введение первых санкций в 2014 г., пандемия COVID-19, СВО на Украине. Все эти события по-разному влияли на счастье и удовлетворенность жизнью. Так, по данным Всемирного исследования ценностей, распад СССР и трансформация политического, экономического и социального строя привели к резкому падению удовлетворенности жизнью, однако снижение уровня счастья было далеко не таким значительным [6; 25]. Дефолт 1998 г. принес дальнейшее снижение доли счастливых, а вот доля удовлетворенных жизнью даже несколько выросла. После кризиса 2008–2009 гг. опять обнаруживается спад счастья, но не удовлетворенности [6; 25]. Если говорить о недавних событиях, то, по данным ВЦИОМа, ни пандемия COVID-19, ни начало СВО резких изменений в уровне счастья не принесли. Так, в ноябре 2019 г. доля счастливых россиян составляла 81%, такой же она оставалась в апреле и ноябре 2020 г., к ноябрю 2021 г. — подросла на 3 п. п., после этого некоторое время незначительно снижалась и в октябре 2022 г. достигла 81%.<sup>10</sup> По данным ФОМа, никаких спадов в удовлетворенности жизнью не было, а был даже зафиксирован некоторый рост: в ноябре 2019 г. средний уровень удовлетворенности составлял 5,9 по шкале от 0 до 10, а в августе 2023 г. — уже 6,6<sup>11</sup>.

Различные исследования используют несколько отличающиеся шкалы с точки зрения и дробности (числа ответов), и вопросной формы. Как следствие, они могут показывать немного разные тенденции, однако в целом можно утверждать: тренды счастья и удовлетворенности похожи, но не идентичны друг другу [6; 13; 17; 25].

Складывается впечатление, что события 2020–2022 гг. мало повлияли на счастье и удовлетворенность населения России, однако полученные результаты требуют дальнейшей валидации. Во-первых, для выявления реального эффекта кризиса необходимо использовать панельный дизайн, где участниками являются одни и те же люди. Во-вторых, даже если общие тренды не выражены, они могут значительно различаться в зависимости от социально-демографических характеристик, поскольку группы обладают разными возможностями и, соответственно, различным запасом прочности. Иными словами, эти характеристики могут служить буферами в период экзогенных шоков.

## **Буферные ресурсы субъективного благополучия в кризисные периоды**

В самом общем виде буфер, или буферный механизм, можно определить как набор ресурсов, позволяющих либо снизить, либо полностью нивелировать негативные воздействия личных или общественных кризисных событий [28]. Все буферы можно классифицировать по двум основаниям: 1) осязаемость [20]; 2) источник ресурсов.

<sup>10</sup> Счастье в России: мониторинг. 2023 // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-5> (дата обращения 12.09.2024).

<sup>11</sup> Счастье и благополучие. 2023 // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14913> (дата обращения 12.09.2024).

1. Материальные/нематериальные. Первые характеризуют экономические возможности индивида (материальное положение, имущественная обеспеченность, наличие сбережений и т. д.), а вторые — его психологические и социальные характеристики (т. н. «большая пятерка» личностных черт, локус контроля, степень религиозности [28], сети социальной поддержки [28], чувство национальной гордости [6] и т. д.).

2. Внутренние/внешние. Внутренние ресурсы принадлежат самому человеку, внешние — его окружению, которое можно трактовать в узком и в широком смысле. В узком — это возможности различных социальных групп, в которые включен индивид. В широком — экономическая, социальная и институциональная среда страны проживания. Например, уровень государственных затрат на социальную политику или тип системы социального обеспечения [29].

Поскольку мы ограничены выборкой лишь в одной стране, в рамках данного исследования нас будут интересовать внутренние личные ресурсы индивидов. В первую очередь это: материальное положение, религиозность, локус контроля и сети поддержки. Выбор таких буферов обоснован, с одной стороны, наличием измерительных инструментов и имеющихся данных, а с другой — результатами предыдущих исследований. В целом все они должны снижать негативное действие кризиса, но механизмы у них различаются.

Материальное положение обеспечивает физическое выживание и «подушку безопасности», которую можно расходовать, пока индивид находится в затруднительном экономическом положении [28]. Социальные сети друзей, родственников и знакомых нивелируют негативное влияние внешних шоков либо за счет психологической поддержки со стороны участников сети, либо за счет той же экономической помощи в виде денег, продуктов или услуг [29]. Религиозность ориентирует человека на принятие жизненных невзгод [28; 29]. Локус контроля — как склонность приписывать ответственность за происходящее либо собственным, либо внешним силам — действует сходным образом. Если внешний локус порождает чувство беспомощности и бессмысленности каких-либо усилий в кризисной ситуации, то внутренний локус, напротив, способствует активной жизненной позиции и уверенности в собственных силах. Действительно, исследования показывают, что интернальный локус не только положительно связан с субъективным благополучием [1], но и способствует выбору таких видов социальной активности и взаимодействия, которые, в свою очередь, позволяют поддерживать более высокий уровень удовлетворенности жизнью и психического здоровья [27]. К сожалению, в литературе уделено мало внимания буферному эффекту локуса контроля.

## Данные

Материалом для анализа выступили данные трех волн общероссийского телефонного опроса, собранные в 2019–2020, 2021 и 2022 гг. Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ, руководитель проекта А.В. Андреев). Во всех волнах методом сбора информации был телефонный опрос (САТ) со случайной генерацией номеров с фиксированными префиксами (Random Digit Dialing — RDD). Список префиксов формировался на основе Реестра российской

системы и плана нумерации<sup>12</sup>, использовались префиксы ABC-3(4,8)xx и DEF-9xx и генерация пропорционально наполненности каждого префикса. Привязка респондента к региону проверялась дополнительно в начале интервью. Основой для построения панели послужила база респондентов, принявших участие в большом опросе в 60 регионах РФ (охват 90%), отобранных таким образом, чтобы учесть все экономическое, геоклиматическое и культурное разнообразие России. Выборка состояла из 18768 респондентов, репрезентировавших население каждого из 60 регионов. Увеличение размера выборки и включение дополнительных муниципальных образований не представлялось возможным по финансовым причинам. Кроме того, маловероятно, что оставшиеся 10% населения РФ смогли бы кардинально изменить картину. Первая часть регионального исследования собиралась в основном в июне–октябре 2019 г., вторая — в мае–июне 2020 г.

Вторая волна была проведена в I квартале 2021 г., а третья — в IV квартале 2022 г. Для этих волн были построены выборки из общей базы участников первой волны исследования с использованием случайной вероятностной стратифицированной выборки. Объем выборочной совокупности во второй волне составил 1517 респондентов, в третьей волне — 1312, из них 565 приняли участие во всех трех волнах. Описание выборки по социально-демографическим показателям и ключевым переменным приводится в таблице Приложения.

## Переменные

Ключевыми зависимыми переменными в анализе выступают два показателя субъективного благополучия: *удовлетворенность жизнью* и *счастье*. Для оценки когнитивного показателя респонденту предлагалось оценить, в какой степени он удовлетворен «своей жизнью в целом», по шкале от 1 до 5, где 1 означает, что респондент «совершенно не удовлетворен», а 5 — «полностью удовлетворен». Для оценки аффективного показателя использовался вопрос: «Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы...» с вариантами ответа от 1 «очень счастливы» до 4 «совсем не счастливы». Шкала была перевернута так, чтобы более высокое значение соответствовало более высокому уровню счастья. Как уже было сказано, удовлетворенность и счастье все же представляют разные аспекты субъективного благополучия, поэтому в рамках анализа они будут рассматриваться по отдельности, а не в форме композитного индекса. Это позволит более детально оценить, какой показатель более подвержен влиянию кризисов и какие буферные механизмы позволяют более успешно такое влияние нивелировать.

Различия в динамике удовлетворенности жизнью и счастья рассмотрены для следующих потенциальных буферов: наличие высшего образования (0 — нет, 1 — да), занятость (0 — неработающий, 1 — работающий), субъективная оценка дохода (от 1 «жить на такой доход очень трудно» до 4 «живете на этот доход, не испытывая материальных затруднений»), религиозность (0 — нерелигиозный человек или атеист, 1 — религиозный человек), локус контроля, то есть влияние на ход своей жизни (от 1 «совсем не влияю» до 10 «сильно влияю»), семейное положение («брак/сожителство», «холост/не замужем», «разведены», «вдовец/вдова») и сети

<sup>12</sup> Официальный сайт Реестра — URL: <https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric/downloads>

поддержки, то есть количество людей, исключая близких членов семьи, к которым человек может обратиться за помощью в трудной ситуации (от 1 «ни одного» до 4 «7 и более»). При этом в моделях также использован ряд контрольных переменных: пол, возраст, размер населенного пункта («Москва и Санкт-Петербург», «столица области», «другие города области», «сельские поселения»).

## Динамика различных элементов благополучия жителей России в 2019–2022 гг.

Рассмотрим общую динамику показателей субъективного благополучия в условиях двух экзогенных шоков. Для более точного сравнения база данных ограничена теми, кто принял участие во всех трех волнах опроса, это 565 респондентов. После получения сбалансированной панели данных для корректировки социально-демографических смещений была использована процедура взвешивания для групп индивидов по полу, возрасту и типу населенного пункта.

Счастье и удовлетворенность жизнью оказались довольно стабильными даже под воздействием экзогенных шоков (рис. 1). Так, если оперировать взвешенными средними значениями (левый график), то изменения в удовлетворенности жизнью между первой и второй волнами составляют лишь 0.06 по 5-балльной шкале и не являются значимыми согласно парному t-критерию Стьюдента ( $t = 1.88$ ,  $p = 0.06$ ), а при сравнении периодов до и после начала СВО вообще не превышают 0.01 ( $t = -0.28$ ,  $p = 0.78$ ). Изменения в уровне счастья также очень малы и статистически незначимы ( $\Delta_{1-2} = 0.03$ ,  $t_{1-2} = -0.70$ ,  $p_{1-2} = 0.48$ ;  $\Delta_{2-3} = 2$ ,  $t_{2-3} = 0.78$ ,  $p_{2-3} = 0.44$ ). Схожая динамика, или, точнее, ее отсутствие, наблюдается и в случае анализа взвешенной доли «скорее» или «очень» счастливых и «скорее» или «полностью» удовлетворенных жизнью (правый график): максимальные изменения не превышают 3% и не являются значимыми согласно критерию хи-квадрат (значения p-value варьируются от 0.23 до 0.62).

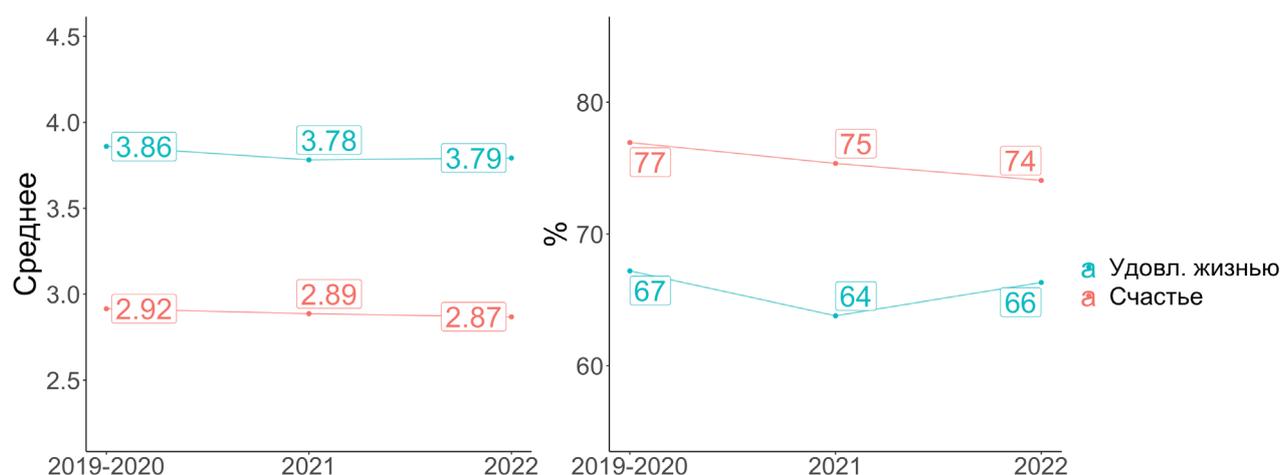


Рис. 1. Динамика показателей субъективного благополучия

*Примечание:* Слева представлены средние значения по годам, справа — доли «скорее» или «очень» счастливых и «скорее» или «полностью» удовлетворенных жизнью.

## Влияние буферных механизмов на динамику субъективного благополучия

Отсутствие среднего тренда не означает, что исследуемые показатели субъективного благополучия не претерпели никаких изменений в эти турбулентные времена. Возможно, что общая низкая волатильность складывается из разнонаправленной динамики, характерной для групп, обладающих разными буферными ресурсами. Для проверки этого предположения были рассчитаны индивидуальные изменения в удовлетворенности жизнью и в уровне счастья для каждого периода ( $\Delta = t_1 - t_2$ ). Так, основными переменными при анализе факторов динамики в период пандемии являются разницы между значениями 2019 г. — начала 2020 г. и 2021 г. ( $n = 1517$ ), а в период с начала СВО — между значениями 2021 и 2022 гг. ( $n = 565$ ). Далее эти изменения использовались в качестве зависимых переменных в ковариационном анализе (ANCOVA), позволяющем выявить различия в средней динамике между группами с разными уровнями предиктора. Модели включали последовательно каждый из буферов<sup>13</sup>, а также контрольные переменные и исходный уровень исследуемого показателя субъективного благополучия в качестве ковариатов. В случае если тест указывал на наличие существенных межгрупповых различий, оценивались размер и значимость изменения показателя для каждой из анализируемых групп. При анализе изменений удовлетворенности жизнью и уровня счастья в период СВО использовалось взвешивание.

**Пандемия ( $\Delta$  2019/2020 – 2021).** Для начала рассмотрим изменения в период пандемии. Значимые различия в динамике когнитивного аспекта субъективного благополучия наблюдались для россиян с разным статусом на рынке труда ( $F(1, 1484) = 4.22, p = 0.040$ ): удовлетворенность жизнью тех, у кого на момент начала пандемии была работа, осталась примерно на том же уровне, в то время как неработающие люди, включая тех, кто находился в долгосрочном отпуске или на пенсии, более тяжело перенесли кризис ( $\Delta = -0.12, p = 0.003$ , см. рис. 2).

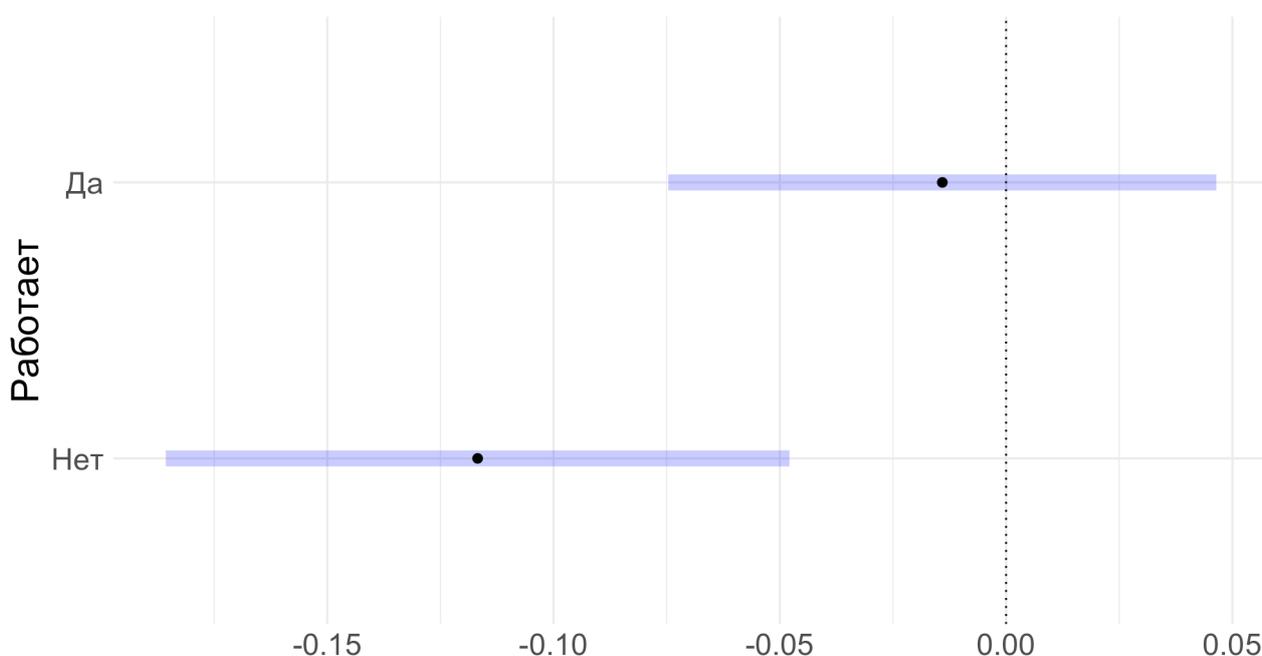
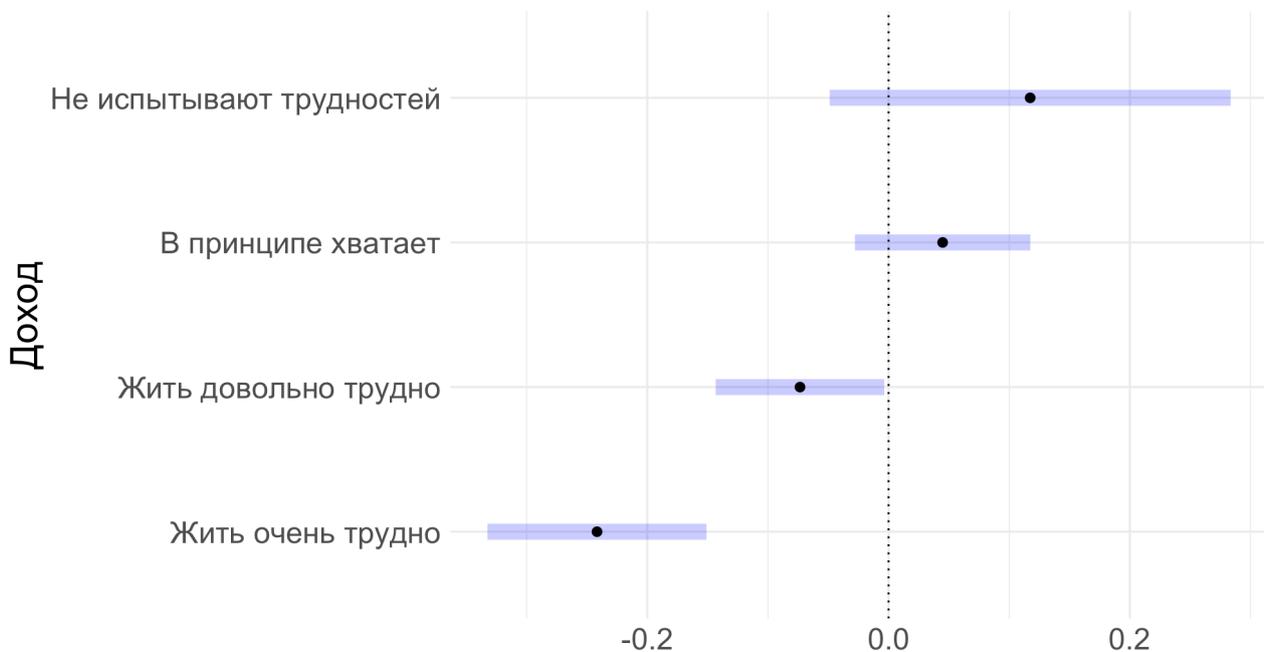


Рис. 2. Средние изменения в удовлетворенности жизнью во время пандемии в зависимости от трудового статуса

<sup>13</sup> Наличие или уровень буферных ресурсов фиксировались на начало периода: 2019–2020 гг. для пандемии и 2021 г. для СВО (при наличии данных).

Другим важным фактором дифференциации в контексте динамики удовлетворенности жизнью стал воспринимаемый доход ( $F(3, 1456) = 8.93, p < 0.001$ ): наиболее пострадавшими оказались те, кто отметил, что на такой доход «жить очень трудно» ( $\Delta = -0.24, p < 0.001$ ) и «довольно трудно» ( $\Delta = -0.07, p = 0.039$ ), в то время как у тех, чья самооценка материального положения выше, удовлетворенность жизнью значимо не изменилась (см. рис. 3).

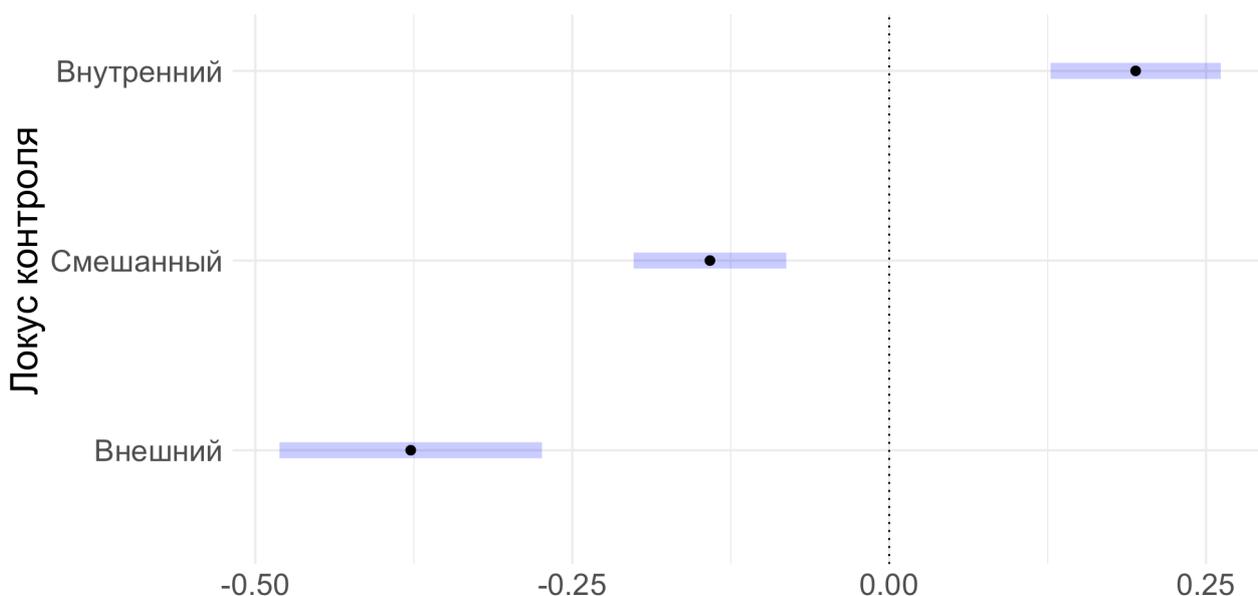


**Рис. 3. Средние изменения в удовлетворенности жизнью во время пандемии в зависимости от дохода**

Наконец, самые значительные различия в трендах проявляются в зависимости от преобладающего типа локуса контроля ( $F(2, 1467) = 46.92, p < 0.001$ ). Как видно на рисунке 4, те, для кого характерен внешний или смешанный тип, испытали снижение удовлетворенности жизнью ( $\Delta_{\text{внеш.}} = -0.37, p < 0.001$  и  $\Delta_{\text{смеш.}} = -0.14, p < 0.001$ ), а те, у кого локус внутренний, напротив, стали даже более удовлетворены ею ( $\Delta_{\text{внут.}} = 0.19, p < 0.001$ )<sup>14</sup>.

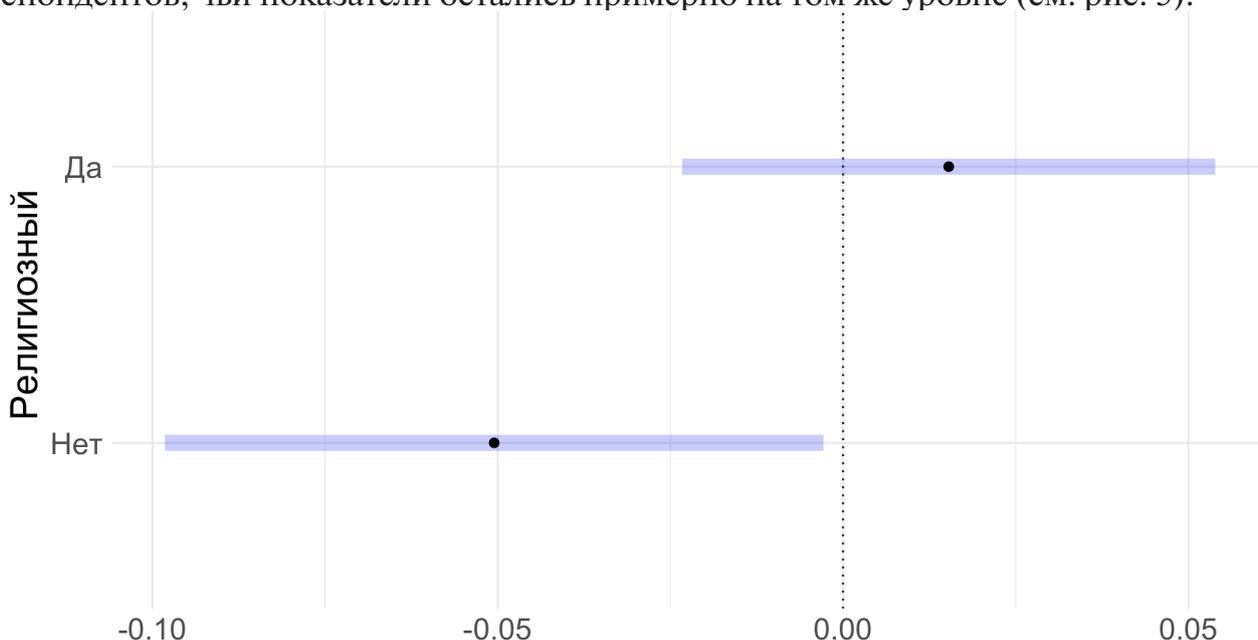
В то же время, согласно результатам ковариационного анализа, различий в динамике удовлетворенности жизнью не наблюдалось для религиозных / нерелигиозных ( $F(1, 1390) = 0.92, p = 0.337$ ), состоящих в отношениях / одиноких, разведенных и вдовых ( $F(2, 1477) = 2.37, p = 0.068$ ), людей с высшим образованием и без него ( $F(1, 1484) = 0.20, p = 0.653$ ) и обладателей сетей поддержки разного размера ( $F(3, 1423) = 0.63, p = 0.592$ ).

<sup>14</sup> Тип локуса контроля определялся на основе исходной числовой шкалы с учетом скошенного распределения: внешний тип приписывался при значениях 1:4, смешанный — 5:7, внутренний — 8:10.



**Рис. 4. Средние изменения в удовлетворенности жизнью во время пандемии в зависимости от типа локуса контроля**

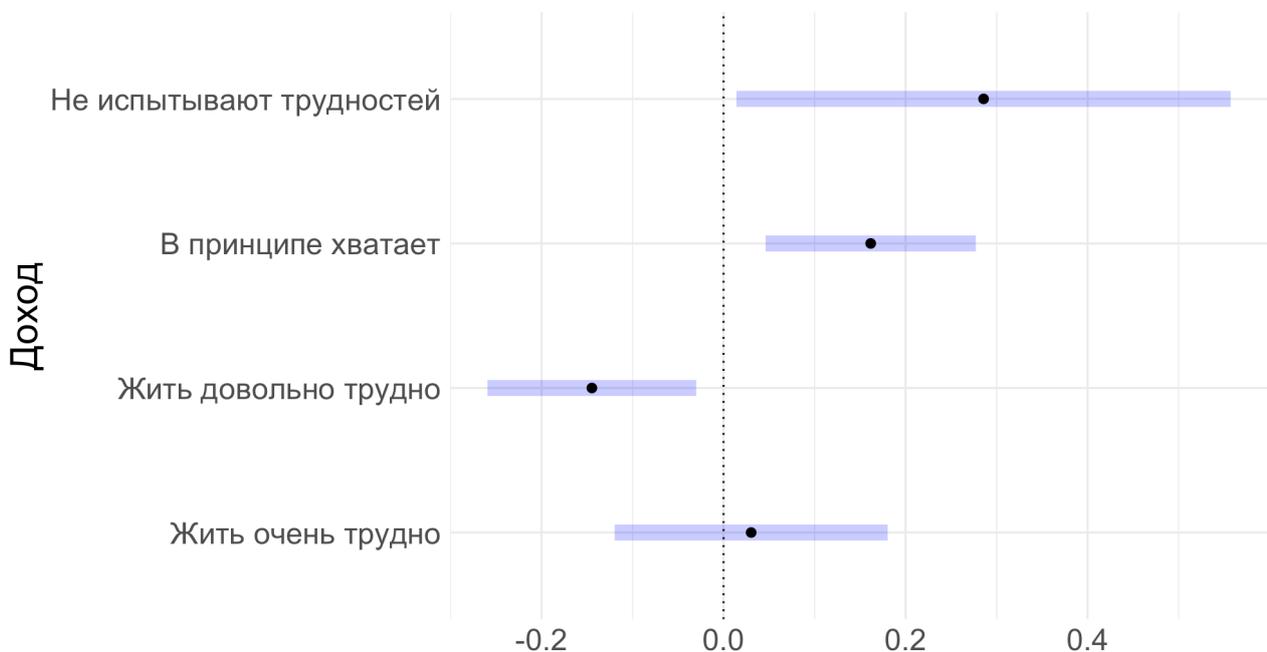
Что касается изменений в уровне счастья в сравнении с допандемийным периодом, то здесь влияние также оказал локус контроля ( $F(2, 1430) = 26.07, p < 0.001$ ), при этом паттерн остался примерно таким же, как и в случае с удовлетворенностью жизнью: респонденты с внешним локусом стали значимо менее счастливы ( $\Delta = -0.22, p < 0.001$ ), для внутреннего локуса характерно повышение уровня счастья ( $\Delta = 0.10, p < 0.001$ ), а те, у кого локус смешанный, не продемонстрировали серьезных изменений по этому показателю ( $\Delta = 0.03, p = 0.128$ ). Кроме того, дифференцирующим параметром стала религиозность ( $F(2, 1369) = 4.33, p = 0.038$ ): те, кто идентифицировал себя как нерелигиозный и атеист, в среднем отмечали несколько более низкий уровень счастья ( $\Delta = -0.05, p = 0.038$ ), в отличие от религиозных респондентов, чьи показатели остались примерно на том же уровне (см. рис. 5).



**Рис. 5. Средние изменения в уровне счастья во время пандемии в зависимости от религиозности**

В то же время уровень образования ( $F(1, 1452) = 0.49, p = 0.483$ ), семейное положение ( $F(3, 1445) = 1.62, p = 0.184$ ), сети поддержки ( $F(3, 1412) = 2.33, p = 0.072$ ), статус на рынке труда ( $F(1, 1452) = 0.81, p = 0.362$ ) и финансовое благополучие ( $F(3, 1424) = 2.89, p = 0.034$ )<sup>15</sup> не оказали значимого влияния на динамику счастья в этот период.

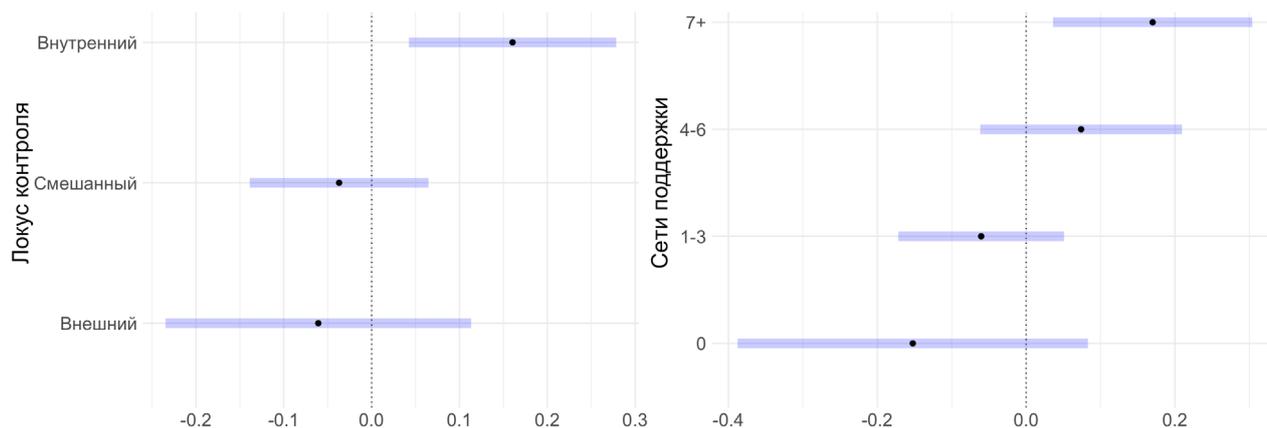
**СВО (Δ 2021–2022).** Теперь обратимся к данным до и после начала специальной военной операции и связанной с этим экономической и социальной турбулентности. Ключевым дифференцирующим воздействием на удовлетворенность жизнью обладает материальное положение ( $F(3, 544) = 5.70, p < 0.001$ ). Однако, в отличие от предыдущего периода, наиболее пострадавшей оказалась доходная группа, отмечающая заметные, но не критические материальные трудности ( $\Delta_2 = -0.14, p = 0.014$ ) (рис. 6). Любопытно, что для групп, положительно оценивающих свой доход, удовлетворенность жизнью за этот период даже повысилась ( $\Delta_3 = 0.16, p = 0.006$ ;  $\Delta_4 = 0.29, p = 0.039$ ).



**Рис. 6. Средние изменения в удовлетворенности жизнью во время СВО в зависимости от дохода**

Значимым внутренним буфером снова выступил локус контроля ( $F(2, 545) = 3.54, p = 0.030$ ): те, кто считает, что их жизнь в первую очередь зависит от них самих, а не от внешних обстоятельств, показали позитивную динамику в удовлетворенности жизнью, несмотря на кризис ( $\Delta = 0.16, p = 0.008$ ), в то время как изменения для других групп оказались отрицательными и незначимыми. Схожая ситуация характерна и для сетей поддержки ( $F(3, 536) = 3.10, p = 0.027$ ): обладатели широкого круга близких, готовых помочь в трудную минуту, оказались к концу 2022 г. в среднем более удовлетворены жизнью, чем в предыдущий период (см. рис. 7).

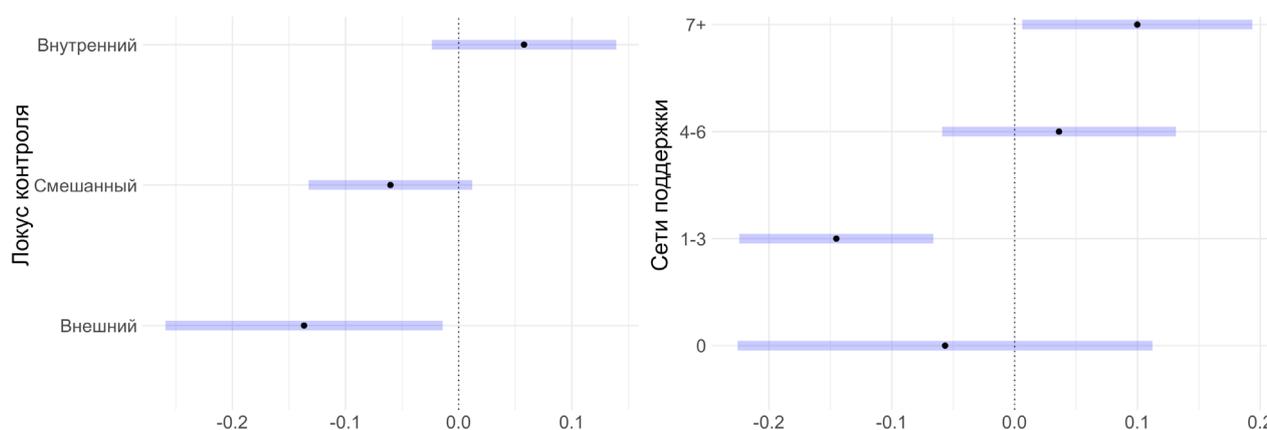
<sup>15</sup> Несмотря на значимые результаты ковариационного анализа, изменение в уровне счастья за этот период ни для одной из доходных групп не отличалось от 0 на 95%-ном уровне достоверности (p-value от 0.059 до 0.62).



**Рис. 7. Средние изменения в удовлетворенности жизнью во время СВО в зависимости от типа локуса контроля и сетей поддержки**

Что касается других факторов, таких как трудовой статус ( $F(1, 553) = 0.42, p = 0.517$ ), семейное положение ( $F(3, 550) = 0.42, p = 0.741$ ), образование ( $F(1, 553) = 0.01, p = 0.918$ ) и религиозность ( $F(1, 515) = 2.21, p = 0.137$ ), то значимых различий в динамике не наблюдается.

Для счастья набор буферных механизмов в этот период оказался идентичным: материальное положение ( $F(3, 534) = 4.02, p = 0.008$ ), локус контроля ( $F(2, 553) = 3.88, p = 0.021$ ) и сети поддержки ( $F(3, 534) = 5.74, p < 0.001$ ). Тем не менее детали их воздействия несколько различаются. Так, например, в случае с воспринимаемым материальным достатком те, кому жить на получаемый доход «довольно трудно», испытали снижение как удовлетворенности жизнью, так и счастья ( $\Delta_2 = -0.10, p = 0.017$ ), однако значимого позитивного тренда для более высокодоходных групп в случае аффективного субъективного благополучия обнаружено не было ( $\Delta_3 = 0.08, p = 0.056$ ;  $\Delta_4 = 0.05, p = 0.613$ ). Что касается локуса контроля, то уровень счастья снизился для тех, кто считает, что их жизнью скорее управляют внешние обстоятельства ( $\Delta = -0.14, p = 0.028$ ), но не изменился для других групп. В случае с сетями поддержки значимое падение наблюдается для тех, у кого лишь 1–3 близких человека, на которых можно положиться ( $\Delta = -0.15, p < 0.001$ ), в то время как обладатели широких сетей и по этому показателю субъективного благополучия остались «в плюсе» ( $\Delta = 0.10, p = 0.037$ ) (см. рис. 8).



**Рис. 8. Средние изменения в уровне счастья во время СВО в зависимости от типа локуса контроля и сетей поддержки**

Наличие других потенциальных буферов не отразилось на динамике: трудоустройство ( $F(1, 542) = 0.21, p = 0.646$ ), семейное положение ( $F(3, 539) = 1.95, p = 0.119$ ), высшее образование ( $F(1, 542) = 0.94, p = 0.331$ ) и религиозность ( $F(1, 506) = 0.96, p = 0.326$ ).

## Заключение

В целом можно заключить, что, несмотря на два глобальных и разнородных кризиса, субъективное благополучие россиян в период пандемии и после начала СВО в среднем осталось устойчивым. Объяснением такой стабильности могут служить объем и масштаб этих кризисов в контексте массового ухудшения экономического положения, изменения политического строя и слома старых социальных норм. Все же эти трансформации оказались не сопоставимы с шоком после распада СССР, когда наблюдалось резкое падение показателей субъективного благополучия [25].

В то же время результаты исследования позволяют продемонстрировать некоторую динамику, обусловленную наличием или отсутствием у индивида буферных ресурсов, которые могли бы в некоторой степени нивелировать негативное влияние неопределенности и резких изменений привычного уклада на субъективное восприятие жизни. Так, ключевым и универсальным дифференцирующим фактором является локус контроля. Очевидно, именно установки, связанные с тем, от чего в большей степени зависит жизнь человека — от его действий или же от случая, и определяют то, воспринимается кризисная ситуация как трагедия или как вызов. Если «фаталисты» практически во всех случаях испытали снижение субъективного благополучия, то обладатели внутреннего локуса контроля, напротив, показали рост удовлетворенности жизнью, а в пандемию — и уровня счастья, несмотря на сотрясающие мир социальные катаклизмы.

Еще одним важным буфером выступает материальное положение респондента, однако конкретный механизм не универсален и зависит от аспекта субъективного благополучия и типа кризиса. Например, в случае с удовлетворенностью жизнью наблюдается разная динамика для низкодоходных групп: в случае пандемии пострадали самые малоимущие, а во время СВО — те, кто оценивал свой доход как с трудом, но все же покрывающий нужды домохозяйства. Можно предположить, что во втором случае люди потеряли то небольшое, что сумели сохранить в период пандемии, тогда как наиболее беднейшая группа уже успела адаптироваться к новой реальности. Рост показателя удовлетворенности жизнью у тех, кто в той или иной степени был доволен своим материальным положением перед началом конфликта, показывает, что они, вероятно, могли найти точки финансового роста за счет возможностей, связанных с новыми экономическими и промышленными задачами страны. Схожий тренд выявлен и для занятости: пандемию лучше всего перенесли работающие люди, а вот для второго кризиса, связанного с началом СВО, занятость уже не сыграла никакой роли. Дальнейшее исследование взаимосвязи между материальными буферами в разрезе профессиональных групп может уточнить наше понимание данного феномена.

Сети поддержки, образование, брачный статус и религиозность не оказали буферного эффекта на удовлетворенность жизнью в период пандемии. После начала СВО картина почти идентичная за одним исключением — сработал буферный эффект социального капитала, по всей видимости, сыгравшего роль источника эмоциональной поддержки. Все же два рассматриваемых экзогенных шока были разными по своему характеру. Если пандемия была связана с временным изменением образа жизни, то начало СВО затронуло и мировоззренческие установки. Вероятно, поэтому во втором случае моральная поддержка обрела значимость.

Что касается уровня счастья, то здесь в целом наблюдаются некоторые схожие тренды в отношении материального положения и локуса контроля, но они выражены слабее. Это подтверждает более тесную взаимосвязь между когнитивным субъективным благополучием и материальными факторами в сравнении с его эмоциональным аспектом [31].

## Ограничения исследования

Одним из ограничений данного исследования является выбор временных точек опроса второй и третьей волн. Так как опрос проводился не сразу после начала СВО и пандемии, то есть шанс, что мы просто «пропустили» резкое падение счастья и удовлетворенности. Тем не менее это представляется маловероятным, если учесть результаты других исследований на сходную тему. Так, наши выводы соотносятся с выводами Е.И. Рассказовой и коллег [11], сделанными на основе анализа ответов стихийно отобранных респондентов на более коротком промежутке времени (с 17 до 26 апреля 2020 г.). Не видно резких скачков счастья и удовлетворенности жизнью и на общероссийских данных ВЦИОМа<sup>16</sup> и ФОМа.<sup>17</sup>

Кроме того, часть данных первой волны была собрана в мае–июне 2020 г., в связи с чем она может служить «точкой отсчета» лишь с некоторыми оговорками. Признавая это ограничение, мы провели дополнительные проверки на надежность и не обнаружили значимых различий по каким-либо ключевым параметрам между ответами респондентов в 2019 г. и в 2020 г.

Еще одной проблемой является так называемое «осыпание» или выбытие респондентов из панели. Во-первых, оно значительно снижает объем выборки, что сказывается на возможностях проведения более детального анализа, например с использованием не одного признака, а их сочетания. Во-вторых, если выбытие не случайно, а связано с характеристиками респондента, это может приводить к искажению результатов. Если первую проблему уже невозможно решить на стадии анализа, то вторая как раз поддается оценке. Однако в нашем случае «осыпание» панели никак не привязано к благополучию, а больше зависит от социально-демографических характеристик: возраста, образования, занятости, наличия детей. При этом даже в отношении этих параметров смещение небольшое и не превышает 9%.

<sup>16</sup> Счастье в России: мониторинг. 2023 // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-5> (дата обращения: 12.09.2024).

<sup>17</sup> Счастье и благополучие. 2023 // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14913> (дата обращения: 12.09.2024).

Наконец, нужно отметить, что счастье и удовлетворенность жизнью являются не единственными индикаторами субъективного благополучия, тренды которых в условиях кризисов заслуживают внимания. Отсутствие значимой динамики в данной работе не означает, что не были затронуты другие более волатильные компоненты субъективного благополучия и социального самочувствия, например, позитивный и негативный аффекты, тревожность, оптимизм и т. п. Согласно исследованиям, изменения подобного рода имели место [2; 7], однако смеем предположить, что они не вылились в долгосрочную динамику оценок качества жизни и общего уровня счастья.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Описательная статистика по основным переменным

Переменные	Волна 1	Волна 2	Волна 3	Сбалансированная панель
	(N=18768)	(N=1517)	(N=1312)	(N=565)
<b>УЖ</b>				
Сред. (СО)	3.81 (1.05)	3.74 (0.92)	3.87 (0.93)	3.79 (1.05)
<b>Счастье</b>				
Сред. (СО)	2.93 (0.66)	2.87 (0.67)	2.89 (0.68)	2.87 (0.69)
Пол, %				
Мужской	45,2	48,0	45,0	48,5
Женский	54,8	52,0	55,0	51,5
Возраст, %				
18–34	28,4	20,8	17,3	15,9
35–54	36,7	33,9	38,6	34,3
55 и старше	34,8	45,2	44,1	49,7
<b>Населенный пункт, %</b>				
Москва и СПб	5,4	12,7	7,5	13,3
Столица региона	32,8	28,1	30,9	27,1
Другие города	36,0	36,1	35,4	35,9
Сельская местность	25,8	23,1	26,3	23,7
<b>Материальное положение, %</b>				
Жить очень трудно	24,1	23,7	21,2	22,1
Жить довольно трудно	34,7	36,1	30,6	36,3
В принципе хватает	32,2	32,7	37,8	32,9
Без материальных затруднений	7,1	6,1	9,0	7,3

Переменные	Волна 1	Волна 2	Волна 3	Сбалансиров. панель
	(N=18768)	(N=1517)	(N=1312)	(N=565)
<b>Локус контроля</b>				
Сред. (СО)	6.80 (2.51)	6.53 (2.34)	6.77 (2.44)	6.64 (2.62)
<b>Сети поддержки, кол-во человек</b>				
0	8,2	—	—	8,5
1–3	35,9	—	—	37,9
4–6	28,0	—	—	24,4
7+	26,0	—	—	26,5
<b>Высшее образование, %</b>				
Нет	32,0	35,3	—	38,2
Есть	68,0	64,7	—	61,8
<b>Религиозность, %</b>				
Нерелигиозный	35,9	—	—	40,0
Религиозный	59,0	—	—	53,1
<b>Трудовой статус, %</b>				
Не работает	42,9	44,8	45,4	47,4
Работает	57,1	55,2	54,6	52,6
<b>Семейное положение, %</b>				
В браке / в отношениях	63,5	64,9	—	62,7
Холост / не замужем	14,4	10,0	—	10,1
Разведены	10,2	11,0	—	11,7
Вдовец/вдова	11,4	13,8	—	15,4

*Примечание:* Прочерк обозначает, что вопрос в этой волне не задавался. Для сбалансированной панели представлена описательная статистика согласно ответам в первой волне.

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

**Алмакаева Анна Михайловна** — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований имени Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Научный редактор, Научно-методический департамент, ВЦИОМ. **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 12244. **Электронная почта:** aalmakaeva@hse.ru

**Настина Екатерина Александровна** — кандидат социологических наук, заместитель заведующего Лаборатории сравнительных социальных исследований имени Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 12244. **Электронная почта:** enastina@hse.ru

**Догузов Асланбек Вячеславович** — аспирант, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 12244. **Электронная почта:** avdoguzov@hse.ru

---

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 2. P. 29–50. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.2**

Research Article

**ANNA M. ALMAKAEVA<sup>1,2</sup>, EKATERINA A. NASTINA<sup>1</sup>, ASLANBEK V. DOGUSOV<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

<sup>2</sup> VCIOM.

38, Prechistinka str., 119034, Moscow, Russian Federation.

### **DYNAMICS OF HAPPINESS AND LIFE SATISFACTION UNDER CONDITIONS OF EXOGENOUS SHOCKS**

*Abstract.* The paper aims to analyze the effects of the COVID-19 pandemic and the special military operation (SMO) in Ukraine on the Russian people's happiness and life satisfaction. It relies on three waves of a national panel study conducted via CATI. We failed to identify any substantial impact of those two exogenous shocks on average dynamics of happiness and life satisfaction. Our research, however, shows significant variation between groups of different means. In general, respondents of poor financial status and external locus of control show a higher decrease in happiness and life satisfaction. Following the onset of the SMO and the pandemic, people with internal locus of control, in contrast, report higher levels of life satisfaction. Happiness follows the same pattern, but exclusively in connection with COVID-19. Social capital, operationalized as social support networks, mitigates the otherwise negative effect of the SMO, but not the effect of pandemics. Our findings support earlier research on the stronger influence of economic status and locus of control on life satisfaction compared to happiness.

*Keywords:* subjective well-being; happiness; life satisfaction; exogenous shocks; crisis; buffering resources.

**For citation:** Almackaeva, A.M., Nastina, E.A., Dogusov, A.V. Dynamics of Happiness and Life Satisfaction Under Conditions of Exogenous Shocks. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 29–50. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.2

**Acknowledgment.** The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

The authors express their gratitude to the anonymous reviewers for their comments and remarks, which helped improve the article.

#### **INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**

**Anna M. Almackaeva** — Candidate of Sociological Sciences, Head of the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University. Scientific editor; VCIOM. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 # 12244. **Email:** aalmackaeva@hse.ru

**Ekaterina A. Nastina** — Candidate of Sociological Sciences, Deputy Head of the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 # 12244. **Email:** enastina@hse.ru

**Aslanbek V. Dogusov** — Postgraduate student at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 # 12244. **Email:** avdoguzov@hse.ru

---

### **ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES**

1. *Андреенкова А.В., Андреенкова Н.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: Сравнительный анализ // *Дискурс*. 2019. Т. 5. № 1. С. 67–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81 EDN: YLMYEL

- Andreenkova A.V., Andreenkova N.V. Comparative Analysis of Life Satisfaction Determinants in Russia and in Europe. *Diskurs*. 2019. No. 5 (1). P. 67–81. DOI: [10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-1-67-81) (In Russ.)
2. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 3–29. DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372) EDN: YJWKUW  
Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. Perception of Economic Changes during the Special Military Operation in Russian Public Opinion. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 3–29. DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372) (In Russ.)
3. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. — 109 с. DOI: [10.19181/INAB.2021.2](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2)  
*Information and analytical bulletin (INAB). Russian Society under Conditions of Pandemic: a Year Later (Experience of Sociological Diagnostics)*. 2021. No. 2. 109 p. DOI: [10.19181/INAB.2021.2](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2) (In Russ.)
4. Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения / Под ред. В. Радаева. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. — 122 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6) EDN: WKNRCY  
*How Russians Cope with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population*. Ed. by V. Radaev. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2023. 122 p. DOI: [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6) (In Russ.)
5. Камалов Э.А. Счастье во время кризиса: как россияне переживают пандемию COVID-19 // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 4 (9). С. 27–33. EDN: RZXFUC  
Kamalov E.A. Happiness during Crises: How Russians Cope with COVID-19 Pandemic. *Sotsiodigger*. 2021. Vol. 2. No. 4 (9). P. 27–33. (In Russ.)
6. Камалов Э.А., Понарин Э.Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 177–205. DOI: [10.14515/monitoring.2020.1.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08) EDN: PGLZFG  
Kamalov E.A., Ponarin E.D. National Pride and Subjective Well-Being of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020. No. 1. P. 177–205. DOI: [10.14515/monitoring.2020.1.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08) (In Russ.)
7. Нестик Т. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 5–17. DOI: [10.31857/S020595920026152-3](https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3) EDN: RDKPYL  
Nestik T. Social Optimism under Crises: Results of Longitudinal Study. *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2023. Vol. 44. No. 3. P. 5–17. DOI: [10.31857/S020595920026152-3](https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3) (In Russ.)
8. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110. EDN: QYXAPB  
Osin E. Measuring Positive and Negative Emotions: Development Russian Version of PANAS. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*. 2012. Vol. 9. No. 4. P. 91–110.
9. Палкина А.В., Соболева Н.Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 54–78. DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364) EDN: CHMZXH

- Palkina A.V., Soboleva N.E. Gender Differences in Anxiety and Depression during the COVID-19 Pandemic in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 54–78. DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364) (In Russ.)
10. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. М.: Аспект Пресс. 2021. — 248 с.  
*COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction*. Ed. by A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov. Moscow: Aspect Press publ., 2021. 248 p. (In Russ.)
11. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: [10.17759/cpp.2020280205](https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205) EDN: [IFFTQC](https://www.edn.ru/IFFTQC)  
Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. The Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2020. Vol. 28. No. 2. P. 90–108. DOI: [10.17759/cpp.2020280205](https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205) (In Russ.)
12. Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 2022. — 352 с.  
*Russian Society and the Challenges of Time*. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir publ., 2022. 352 p. (In Russ.)
13. Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315. DOI: [10.14515/monitoring.2020.1.12](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12) EDN: [VTJEIS](https://www.edn.ru/VTJEIS)  
Sibirev V.A., Golovin N.A. Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020. No. 1. P. 296–315. DOI: [10.14515/monitoring.2020.1.12](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12) (In Russ.)
14. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда «Общественное Мнение», 2021. — 319 с.  
*Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project*. Head of the Project A.A. Oslon. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation publ., 2021. 319 p. (In Russ.)
15. Сушко П.Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094) EDN: [YBPQUP](https://www.edn.ru/YBPQUP)  
Sushko P.E. Happiness and Social Well-being in the Assessments of Russians: the Problem of Distinguishing Between Concepts. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 48–62. DOI: [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094) (In Russ.)
16. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 565–589. DOI: [10.19181/ezheg.2020.24](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24) EDN: [FRWRDQ](https://www.edn.ru/FRWRDQ)  
Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. “Life Satisfaction” and “Personal Happiness” in Sociological Measurement of Subjective Well-being. *Russia under reform: Yearbook*. Iss. 18. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf publ., 2020. P. 565–589. DOI: [10.19181/ezheg.2020.24](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.24) (In Russ.)
17. Широканова А.А. Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 1. С. 4–24. DOI: [10.21638/spbu12.2020.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.101)  
Shirokanova A.A. Trends of Subjective Well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2020. Vol. 13 (1). P. 4–24. DOI: [10.21638/spbu12.2020.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.101) EDN: [JXMNDE](https://www.edn.ru/JXMNDE) (In Russ.)

18. Badri M.A., Alkhaili M., Aldhaheeri H., Yang G., Albahar M., Alrashdi A. Exploring the Reciprocal Relationships between Happiness and Life Satisfaction of Working Adults—Evidence from Abu Dhabi. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. Iss. 6. P. 3575. DOI: [10.3390/ijerph19063575](https://doi.org/10.3390/ijerph19063575)
19. Çakır V.O., Harmandar Demirel D. A Student-Oriented Study: Analyzing the Relationship between Happiness and Satisfaction with Life. *Journal of Educational Issues*. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 150–161. DOI: [10.5296/jei.v5i1.14661](https://doi.org/10.5296/jei.v5i1.14661)
20. Cummins R.A. Subjective Wellbeing, Homeostatically Protected Mood and Depression: A Synthesis. *Journal of Happiness Studies*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 1–17. DOI: [10.1007/s10902-009-9167-0](https://doi.org/10.1007/s10902-009-9167-0)
21. Cummins R.A. The Domains of Life Satisfaction: An Attempt to Order Chaos. *Social Indicators Research*. 1996. Vol. 38. No. 3. P. 303–328. DOI: [10.1007/BF00292050](https://doi.org/10.1007/BF00292050)
22. Diener E., Inglehart R., Tay L. Theory and Validity of Life Satisfaction Scales. *Social Indicators Research*. 2013. Vol. 112. No. 3. P. 497–527. DOI: [10.1007/s11205-012-0076-y](https://doi.org/10.1007/s11205-012-0076-y)
23. Diener E., Napa Scollon C., Lucas R.E. The Evolving Concept of Subjective Well-Being: The Multifaceted Nature of Happiness. *Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener*. Ed. by E. Diener. Dordrecht: Springer Netherlands, 2009. P. 67–100. DOI: [10.1007/978-90-481-2354-4\\_4](https://doi.org/10.1007/978-90-481-2354-4_4)
24. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life. *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 403–425. DOI: [10.1146/annurev.psych.54.101601.145056](https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145056)
25. Foa R.S., Inglehart R., Ponarin E., Karabchuk T. Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. 2018. Vol. 19. No. 6. P. 1639–1656. DOI: [10.1007/s10902-017-9888-4](https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4)
26. Gundelach P., Kreiner S. Happiness and Life Satisfaction in Advanced European Countries. *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. No. 4. P. 359–386. DOI: [10.1177/1069397104267483](https://doi.org/10.1177/1069397104267483)
27. Kesavayuth D., Binh Tran D., Zikos V. Locus of Control and Subjective Well-being: Panel Evidence from Australia. *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17. No. 8. P. e0272714. DOI: [10.1371/journal.pone.0272714](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0272714)
28. Kuhn U., Brulé G. Buffering Effects for Negative Life Events: The Role of Material, Social, Religious and Personal Resources. *Journal of Happiness Studies*. 2019. Vol. 20. No. 5. P. 1397–1417. DOI: [10.1007/s10902-018-9995-x](https://doi.org/10.1007/s10902-018-9995-x)
29. Reeskens T., Vandecasteele L. Economic Hardship and Well-Being: Examining the Relative Role of Individual Resources and Welfare State Effort in Resilience Against Economic Hardship. *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 18. No. 1. P. 41–62. DOI: [10.1007/s10902-016-9716-2](https://doi.org/10.1007/s10902-016-9716-2)
30. Saris W.E. What Influences Subjective Well-being in Russia? *Journal of Happiness Studies*. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 137–146. DOI: [10.1023/A:1011556429502](https://doi.org/10.1023/A:1011556429502)
31. Saris W.E., Andreenkova A. Following Changes in Living Conditions and Happiness in Post Communist Russia: The Russet Panel. *Journal of happiness studies*. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 95–109. DOI: [10.1023/A:1011579608121](https://doi.org/10.1023/A:1011579608121)
32. Watson D., Clark L.A., Tellegen A. Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54. No. 6. P. 1063–1070. DOI: [10.1037/0022-3514.54.6.1063](https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063)
33. Žemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J.P., Ciecuch J., et al. Measurement Invariance of Personal Well-Being Index (PWI-8) Across 26 Countries. *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 18. No. 6. C. 1697–1711. DOI: [10.1007/s10902-016-9795-0](https://doi.org/10.1007/s10902-016-9795-0)

Статья поступила в редакцию: 18.12.2024; поступила после рецензирования и доработки: 13.05.2025; принята к публикации: 15.05.2025.

Received: 18.12.2024; revised after review: 13.05.2025; accepted for publication: 15.05.2025.



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.3  
EDN: NPTLZU

**Т.Ю. ЧЕРКАШИНА<sup>1, 2</sup>**

<sup>1</sup> Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.  
630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, д. 17, каб. 316.

<sup>2</sup> Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.  
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338.

## НЕРАВЕНСТВО РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ ПО ЖИЛИЩНОМУ БОГАТСТВУ: УРОВЕНЬ И ДИНАМИКА<sup>1</sup>

*Аннотация.* По мере накопления имущества массовыми слоями его использование, а не только рост доходов, становится фактором формирования социально-экономической стратификации. В номенклатуре активов, образующих имущество домохозяйств, жилье занимает особое место, так как доля стоимости жилищных активов в совокупном богатстве домохозяйств высока, а неравенство по жилищному богатству определяет неравенство по богатству в целом. В России дом или квартира является самым распространенным объектом частной собственности домохозяйств, но условия для накопления жилищных активов в постсоветское время были изменчивы. Цель исследования: определить в динамике степень неравенства российских домохозяйств по жилищному богатству — стоимостной оценке квартир и домов, находящихся в собственности членов домохозяйств. Используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) и Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ, проект Минфина РФ и Центробанка РФ), хронологический охват анализа — 2006–2022 гг.; индикаторы жилищного богатства — стоимость основного (занимаемого) жилья и всех квартир и домов, принадлежащих домохозяйству.

По данным РМЭЗ, в рассматриваемый период наиболее выраженное жилищное неравенство наблюдалось в конце нулевых годов, когда коэффициент Джини по стоимости основного жилья находился в диапазоне 0,599...0,633. В течение 2010-х гг. ( $G=0,517...0,531$ ) уровень жилищного неравенства был относительно стабилен, а с конца этого десятилетия оно начало медленно расти (до  $G=0,551$  в 2022 г.). С дифференциацией по совокупному жилищному богатству (измерена на данных ВОДПФ) наблюдается та же тенденция. К 2022 г. в рост неравенства большой вклад стали вносить различия, связанные, помимо стоимости отдельных жилых объектов, с количеством квартир и домов в собственности домохозяйств.

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», № 121040100280-1.

Но только анализ данных следующих волн обследований позволит понять, свидетельствуют ли эти тенденции о том, что изменился механизм формирования жилищной стратификации или же это ситуативные вариации показателей неравенства.

*Ключевые слова:* жилищное неравенство; стоимость жилья; жилищное богатство; коэффициент Джини; Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ); Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ).

**Для цитирования:** Черкашина Т.Ю. Неравенство российских домохозяйств по жилищному богатству: уровень и динамика // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 51–78. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.3) EDN: NPTLZU

## Введение

В структуре накопленного имущества (богатства) частных домохозяйств жилье — главная составляющая. Во-первых, это проявляется в высокой доле стоимости жилищных активов в совокупном богатстве домохозяйств. Так, в среднем по 29 странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на стоимость собственного занимаемого жилья в среднем приходится примерно 50% от общего богатства домохозяйств, от 28% в США до 65% в Словакии [24]. По расчетам на данных Luxembourg Wealth Study, доля суммарного жилищного богатства, включающего занимаемое жилье и другую жилую недвижимость, в совокупном богатстве домохозяйств колеблется от 33% в США и 50,4% в Великобритании до 76% в Словакии и 77,5% в Греции [29]. В Китае доля жилищных активов в общем богатстве семьи в 1995 г. составляла 35,4%, а к 2012 г. превысила 70% [33; 35]. Как видим, для конкретных стран в зависимости от источников данных и методов измерения жилищного богатства цифры могут отличаться, но все исследования сходятся в том, что из финансовых и нефинансовых активов жилье вносит наибольший вклад в совокупное богатство домохозяйств. И, как правило, именно с жилья большинство домохозяйств начинают формировать свой портфель собственности [23].

Во-вторых, неравенство по жилищному богатству вносит определяющий вклад в неравенство по богатству в целом. Декомпозиция коэффициента Джини, выполненная на данных Household Finance and Consumption Survey для девяти крупнейших стран еврозоны, показала, что неравенство домохозяйств по стоимости жилищных активов составляет в среднем 42% от величины коэффициента, отражающего неравенство по богатству в целом [25]; в Китае эта доля составляет 73% [35].

В-третьих, в межстрановых сравнениях показатели неравенства по доходам слабо / никак не коррелируют с неравенством населения по богатству, а «страны с самой высокой концентрацией богатства принадлежат ко всем трем “мирам благосостояния”: либеральному (США), социал-демократическому (Швеция и Норвегия) и консервативному (Австрия и Германия)» [29, р. 13]. Классические различия режимов государств, принадлежащих к этим «мирам», первоначально учитывали цели и инструменты регулирования *доходов* населения. Но «несовпадение» показателей доходного и имущественного неравенств предполагает, что эти два вида экономического неравенства определяются разными факторами, разными институциональ-

ными инструментами. Среди таковых регулирование рынков жилья, жилищного строительства, ипотечного кредитования занимает значимое место, учитывая определяющую роль жилищных активов в общем имущественном неравенстве [19; 31]. По мере накопления богатства (имущества) массовыми слоями населения «использование существующих семейных активов, а не увеличение доходов, становится все более важным фактором социальной стратификации» [22, р. 268].

Лишь недавно были опубликованы оценки структуры богатства российских домохозяйств и уровня неравенства домохозяйств по совокупному богатству, выполненные на микроданных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам. Расчеты показали, что основу неликвидного богатства (недвижимого и движимого имущества) российских домохозяйств составляет основное жилье (76–77% от общего объема неликвидного богатства в стоимостном выражении), около 17% приходится на дополнительные объекты недвижимости (квартиры, дома в России или за рубежом) [8, с. 18–19]. А о степени неравенства российских домохозяйств по богатству, которое выше доходного, можно судить по коэффициенту Джини (к примеру, в 2022 г. он находился в диапазоне от 0,589 до 0,602 в зависимости от выбранных показателей богатства [8, с. 24]).

Как видим, вклад стоимости жилья в общее богатство российских домохозяйств существен и сопоставим с величинами, характерными для бывшего социалистического лагеря, если не превышает их. Жилье вплетено во множество политик современного российского государства. В рамках демографической политики рождаемость стимулируется с помощью материнского (семейного) капитала, который используется большинством получателей для улучшения жилищных условий. Льготная ипотека без категорийных требований к заемщикам была включена в 2020 г. в меры поддержки населения во время пандемии COVID-19, а по итогам также поддержала строительную отрасль, активизировала инвестиционные мотивы у части домохозяйств и повысила стоимость жилья [12; 13; 14, с. 47; 16]. В социальной политике жилье наряду с другим имуществом с 2021 г. стало учитываться при определении прав малоимущих семей на получение социальной поддержки от государства<sup>2</sup>. За почти четверть века в России выросли жилищное строительство и масштабы ипотечного кредитования, увеличилась доля семей, имеющих дополнительное жилье. В то же время квартиры в новостройках становятся меньше, стареет жилой фонд — всё это так или иначе сказывается на жилищных условиях, экономической ценности квартир и домов, доступности и мотивации покупки жилья и, можно предположить, на жилищном неравенстве. Что же с ним происходит в этих динамичных условиях — жилищное неравенство в России растет, снижается или не меняется?

Для ответа на этот вопрос необходимо количественное измерение жилищных условий, лучше всего — денежная оценка стоимости жилья, которым владеют члены домохозяйства. Из открытых источников подобные переменные используются в Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа

---

<sup>2</sup> Министерство труда и социальной защиты. Возможности для малообеспеченных граждан. — URL: <https://mintrud.gov.ru/vozmozhnosti/maloobespechennym-grazhdam> (дата обращения 17.02.2025).

экономики» (РМЭЗ НИУ ВШЭ)<sup>3</sup>, где в анкету домохозяйств с 2000 г. включен вопрос о примерной рыночной стоимости основного (занимаемого) жилья, а также во Всероссийском обследовании домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ)<sup>4</sup>, содержащем вопросы о возможной цене продажи как занимаемого собственного жилья, так и дополнительных объектов жилой недвижимости, и об оставшейся задолженности по кредитам на покупку или строительство каждого из объектов (при наличии задолженности). Данные ВОДПФ позволяют определить неравенство домохозяйств по чистому жилищному богатству с 2013 г.

В статье будут представлены оценки неравенства российских частных домохозяйств по жилищному богатству в виде основного (занимаемого) жилья (на данных РМЭЗ и ВОДПФ) и совокупного жилищного богатства (на данных ВОДПФ).

## Обзор литературы

В исследованиях жилищного неравенства в контексте неравенства по богатству, выполненных в последние три-четыре десятилетия, как правило, первый шаг — определение уровня домовладения (доли домашних хозяйств, проживающих в квартирах или домах, принадлежащих их членам), а также идентификация жилищных классов или места на жилищной лестнице, выстроенной по критерию собственности на жилье. В большинстве стран на нормативной жилищной лестнице аренда жилья находится на нижних ступенях, а владение им — на верхних [21; 26]. Можно спорить и дискутировать, под влиянием каких факторов стала складываться такая норма, но в настоящее время жилищная политика многих государств, в том числе России, подразумевает стимулирование и субсидирование домовладения [9; 18].

Для примера приведем данные об уровне домовладения в некоторых странах. Так, в Китае доля домохозяйств, владеющих занимаемым жильем, по данным Китайского обследования финансов домохозяйств (China Household Finance Survey, CHFS) составляла в 2015 г. 73% [28]. По данным за 2022 г. (последний из доступных), в среднем в странах ОЭСР 46,2% домохозяйств проживали в собственном жилье, еще 24,7% — в собственном, обремененном ипотекой. Для стран Европейского союза эти показатели составляют 56,2% и 18,8% соответственно. В топ-10 стран ОЭСР по доле домохозяйств — собственников занимаемого жилья вошли восемь стран — бывшие социалистические — с максимальными долями в Румынии (93,6%), Хорватии (85,8%) и Болгарии (83,5%)<sup>5</sup>. Столь высокий уровень домовладения, достигнутый благодаря приватизации жилья его съемщиками в 1990-е гг., предопределяет попадание бывших социалистических стран в кластер с отдельным «посткоммунистическим» жилищным режимом [30].

<sup>3</sup> Данные и другие материалы мониторинга доступны на сайте НИУ ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/rfms>

<sup>4</sup> Данные, инструментарий и публикации с результатами обследования доступны на сайте Банка России. — URL: [https://www.cbr.ru/ec\\_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-potrebitel-skim-finansam](https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-potrebitel-skim-finansam)

<sup>5</sup> OECD Affordable Housing Database. — URL: <https://www.oecd.org/content/oecd/en/data/datasets/oecd-affordable-housing-database.html> (дата обращения 07.02.2025).

Но это же обстоятельство поместило в исследовательскую повестку проблему дифференциации домовладельцев. Если при высоком уровне собственности на занимаемое жилье этот критерий плохо работает на различение жилищных условий и жилищных групп, то что же может дифференцировать жилую собственность? Исследования в бывших соцстранах показывают, что важно учитывать исторически сформировавшийся институциональный и экономический контекст, который будет задавать критерии современной жилищной стратификации. Сопоставляя характеристики жилья с социально-классовыми характеристиками их владельцев в Румынии, выяснили, что для различения жилищных групп важно учитывать «качество» жилья, и наивысшее оно у городских квартир — в противоположность сельским домам, как правило неблагоустроенным [32]. В Чехии через пятнадцать лет после начала рыночных реформ из четырех измерений жилищного неравенства — владение жильем, доля расходов на жилье в располагаемых доходах, размер жилья (жилой площади на каждого члена домохозяйства) и жилищное богатство домохозяйств (стоимость жилья) — именно последнее оказалось наиболее связанным с социальным статусом и, видимо, будет ключевым индикатором неравенства в жилищных условиях в будущем [27]. Как подчеркивают М. Люкс с коллегами, если для измерения жилищной стратификации использовать показатель владения жильем, то можно было бы говорить о низком уровне жилищного неравенства в стране, тогда как анализ стоимостных характеристик жилья показывает, что жилищное неравенство в Чешской Республике трансформировалось в неравенство по богатству. В методологическом плане это исследование важно как аргумент, что для измерения жилищной стратификации в бывших социалистических странах становится возможным и актуальным использовать данные о стоимости жилья.

Для определения масштабов жилищного неравенства, как правило, обращаются к данным массовых обследований домохозяйств, в которых респонденты дают денежную оценку стоимости объектов жилой недвижимости, принадлежащих членам домохозяйства, и сообщают о кредитной задолженности, связанной с этими объектами. По мнению исследователей, как раз в отношении жилья проблема массовых социально-экономических обследований — непредставленность верхних экономических слоев — не так важна: наиболее остро она проявляется в отношении финансовых и бизнес-активов, сконцентрированных у находящихся на вершине экономической стратификации [20]. В исследованиях жилищного неравенства «аналитический интерес направлен на неравенство богатства как явление, охватывающее все население; в некотором смысле, на неравенство среди оставшихся 99%» [29, р. 570].

О жилищном неравенстве можно судить по таким цифрам: в среднем по 29 странам ОЭСР 46% общего объема жилищного богатства в виде квартир и домов, занимаемых владельцами, принадлежит домохозяйствам из высшей, самой обеспеченной квинтильной группы. На середину распределения (вторая, третья и четвертая квинтильные группы) приходится 51% жилищного богатства; соответственно, 20% самых бедных в жилищном плане домохозяйств владеют примерно 3% богатства в виде занимаемого жилья. Уровень обеспеченности дополнительной жилой недвижимостью ниже, чем обеспеченности основным жильем, но жилищное богатство в виде дополнительного жилья сконцентрировано в верхней части распределения. У 20% самых богатых по этому измерению сосредоточено

примерно 75% жилищного богатства в виде дополнительной недвижимости, у трех средних квинтильных групп — 24%, оставшийся 1% принадлежит домохозяйствам из нижнего квинтиля [24]. И о значимости жилищных активов говорит то, что доля дополнительной жилой недвижимости в ряде стран ОЭСР превышает долю финансовых активов в совокупном богатстве домохозяйств [20].

Согласно расчетам на данных обследований домохозяйств из ряда стран, коэффициент Джини для суммарного жилищного богатства, включающего занимаемое жилье и другую жилую недвижимость, находится в диапазоне от 0,546 в Словении и 0,483 в Словакии до 0,840 в США, 0,759 в Германии и 0,713 в Австрии [29]. По расчетам на данных СНФС, коэффициент Джини для совокупного жилищного богатства в Китае в 2011 г. имел сравнительно высокое значение: 0,680 [34] и 0,698 [33]. К 2017 г. G вырос до 0,719, при этом в Китае жилищное неравенство несколько ниже в городах (коэффициент Джини составлял 0,626 в 2011 г. и 0,661 в 2017 г.), чем в совокупности сельских домохозяйств (0,712 в 2011 г. и 0,702 в 2017 г.) [33].

Жилищное неравенство в России определяют, реализуя, как правило, структурный подход — через выделение иерархически расположенных групп населения или семей, отличающихся размером жилплощади, приходящейся на одного члена семьи [4; 7], количеством объектов жилой недвижимости, которыми владеют или пользуются члены домохозяйства [17]. Жилищные группы также идентифицируют по соответствию стандартам, которые учитывают несколько характеристик: площадь жилого помещения и количество комнат на одного человека, наличие коммунальных удобств, доступ в Интернет. Уровень с самой низкой жилищной обеспеченностью определен как жилищная бедность; по расчетам на данных РМЭЗ, в 2018 г. группа «бедных по жилищной обеспеченности» составляла 36% от численности населения страны, в 2019 г. — 33,8% [1; 2]. Выделение жилищных страт горожан — активный средний слой собственников, базовый слой, слаборекурсивный кластер — осуществлялось на комбинировании ресурсных характеристик жилья (полезная площадь, новизна, показатели комфорта) и жильцов (возможности инвестиций в жилье, уровень образования и мобильность) [15].

В отечественной исследовательской практике имеются, хотя и малочисленные, примеры обследований домохозяйств, где респонденты так или иначе давали оценки стоимости своего жилья, которые использовались для определения экономического неравенства.

Новосибирские социологии с начала 1980-х гг. для распределения семей по уровню материального благосостояния кроме индикаторов текущих денежных доходов и сбережений использовали денежные оценки фондов семейной экономики, жилищных условий и накопленного имущества семьи в виде предметов длительного пользования. Жилищные условия оценивались по возможной продажной цене дома [11]. Очевидно, что в 1980-е гг. в условиях государственной собственности на городской многоквартирный жилищный фонд такую методику можно было полноценно реализовать только в сельских населенных пунктах, где жилье в личной собственности граждан могло быть предметом купли-продажи. Но даже при такой локализации часть сельских семей проживали в многоквартирных домах (12%, как было зафиксировано в обследовании в одном из районов Алтайского края в 1985–1986 гг.), что затрудняло определение продажной цены этого жилья.

Да и не все респонденты, жившие в частном доме, могли назвать возможную цену его продажи (к сожалению, масштабы пропусков ответов не указаны). В таких случаях вменялись средние по населенному пункту значения стоимости жилья соответствующего качества и элементов благоустройства [10].

В 2003 г. в Национальном обследовании бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) среди вопросов о жилищных условиях респондентов просили указать ежемесячную сумму, за которую можно было бы арендовать их жилье<sup>6</sup>. На основе регрессионного моделирования с использованием этих данных и с учетом других характеристик жилья и его месторасположения рассчитывалась стоимость жилья, принадлежащего домохозяйствам, что позволило построить распределение и оценить неравенство домохозяйств по жилищному богатству. Средняя стоимость жилья в России по этим расчетам была 8,92 тыс. евро (примерно в 3 раза меньше, чем в Сербии и Польше, включенных в сравнительное исследование), коэффициент Джини для совокупности собственников жилья был равен 0,410, но, если учитывать все домохозяйства и определить величину жилищного богатства тех, кто не имеет собственного жилья, равной нулю, G увеличивается до 0,631 [36].

При дефиците данных о стоимостном измерении жилья, принадлежащего российским домохозяйствам, есть примеры использования показателей общей и жилой площади помещений для количественных оценок неравенства. Как показали расчеты на данных Обследования бюджетов домашних хозяйств (Росстат), во второй половине нулевых годов коэффициент Джини (по общей площади жилья на одного члена домохозяйства) был равен примерно 0,30 без учета качества жилья и 0,40–0,43 с его учетом [6]; по данным РМЭЗ, с 1996 по 2014 г. индекс Джини (по общей площади жилых помещений) вырос с 0,300 до 0,324 [5]. В упомянутом сравнительном исследовании коэффициенты дифференциации российских домохозяйств по площади жилья, определенные по данным НОБУС, составили в 2003 г. 0,224 для всех домохозяйств и 0,188 для занимающих приватизированное жилье; для Польши (2001 г.) эти показатели были равны 0,257 и 0,140, для Сербии (2003 г.) 0,259 и 0,231 соответственно [36]. То есть значения показателей жилищного неравенства, измеренного через площадь жилья, относительно низки, так как не учитывают другие характеристики жилья, которые влияют на его стоимость.

## Контекст и гипотезы исследования

Для предположений о динамике жилищного неравенства в России за последние годы необходимо учитывать экономический и институциональный контекст. Жилищная политика с середины нулевых годов в явном виде стимулирует приобретение жилья, а предложение со стороны строительной индустрии делается с учетом того, что платежеспособный спрос со стороны населения не очень вы-

<sup>6</sup> Аналогичный вопрос с 2012 г. задают собственникам и тем, кто арендует жилье, в Выборочном наблюдении доходов населения и участия в социальных программах, проводимом Росстатом: «Оцените, сколько стоит ежемесячная аренда такого же жилья, как Ваше (или которым Вы пользовались), учитывая район проживания, тип жилого дома, состояние и оборудование жилья». Но ответы на этот вопрос не включены в открыто публикуемые микроданные обследования. — URL: [https://rosstat.gov.ru/itog\\_inspect](https://rosstat.gov.ru/itog_inspect) (дата обращения 27.01.2025).

сокий. Число построенных квартир (отдельных жилых помещений, в том числе домов) увеличилось почти в 4 раза: с 373 тыс. в 2000 г. до почти 1,5 млн в 2023 г., но средний размер этих помещений сократился с 81,1 до 76,2 кв. м (табл. 1). В целом в жилом фонде за это время увеличились доли однокомнатных (с 23,2 до 26%) и четырехкомнатных и более (с 6,4 до 8,3%) квартир и домов при сокращении долей двух- и трехкомнатных. И если площадь одно- и двухкомнатных жилых помещений выросла за это время примерно на 5 кв. м, то средний размер жилья с большим количеством комнат увеличился гораздо существеннее. То есть по обобщенным характеристикам жилого фонда наблюдается медленная, но устойчивая тенденция к *поляризации* всей совокупности жилых помещений по размеру: увеличиваются крайние сегменты, представленные как большими квартирами и домами, так и небольшим жильем, которое может быть первым купленным объектом в биографии собственников или объектом инвестиционных вложений для «уже собственников».

Таблица 1

## Жилищное строительство и жилой фонд в РФ, 2000–2023 гг.

Характеристики жилого фонда и жилищного строительства	Год								
	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023
Доля жилого фонда, находящаяся в собственности граждан, %	58,1	73,7	82,2	87,1	90,0	90,1	91,0	91,4	не опубликовано
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), кв. м	19,2	20,8	22,6	24,3	26,1	26,7	27,5	28,2	28,8
Число построенных квартир, тыс.	373	515	717	1195	1120	1122	1205	1290	1449
Средний размер построенных квартир, кв. м общей площади	81,1	84,5	81,5	71,4	73,2	73,3	76,8	79,6	76,2
Доля однокомнатных квартир в общем количестве построенных квартир, %	20	28	34	43	46	43	расчет значений показателя прекращен		
Введено в действие жилых домов, млн кв. м общей площади жилых помещений*	30,3	43,6	58,4	85,3	80,3/ 82,0	82,2	92,6	102,7	110,4
из них доля, %, введенных в действие в городской местности*	76,24	78,21	74,83	72,68	70,61/ 70,12	69,95	70,84	67,87	66,85
в сельской местности*	23,76	21,79	25,17	27,32	29,39/ 29,88	30,05	29,16	32,13	33,15

## Продолжение таблицы 1

Характеристики жилого фонда и жилищного строительства	Год								
	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023
В жилом фонде доля квартир с разным количеством комнат, %	23,2	23,2	23,5	24,1	25,2	25,4	25,6	25,8	26,0
однокомнатных	41,0	40,4	39,8	38,9	38,2	38,1	38,0	37,9	37,8
двухкомнатных	29,4	29,3	29,0	28,4	27,9	27,7	27,6	27,5	27,4
трехкомнатных	6,4	7,1	7,8	8,1	8,3	8,3	8,3	8,4	8,3
четырёхкомнатных и более									
Средний размер одной квартиры, кв. м общей площади жилых помещений	49,1	50,4	52,8	54,6	56,2	56,3	56,9	57,3	57,6
однокомнатной	32,0	32,3	33,4	35,0	36,2	36,4	36,7	37,1	37,1
двухкомнатной	45,4	45,7	47,1	48,3	49,4	49,3	50,0	50,4	50,7
трехкомнатной	60,4	61,0	63,2	65,2	66,9	67,0	67,8	68,5	69,0
четырёхкомнатной и более	82,6	91,8	101,8	104,5	110,2	109,8	112,0	112,6	113,3
Удельный вес площади жилых помещений, оборудованных одновременно водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами, %	49,4	59,2	62,4	65,5	68,6	69,5	70,5	71,7	73,1
в городской местности	61,9	74,5	77,3	78,4	80,1	80,6	81,3	82,3	83,4
в сельской местности	16,6	20,0	23,9	30,8	36,3	37,5	39,1	41,1	44,3

\* С августа 2019 г. в общем вводе жилых домов учитываются дома, построенные населением на земельных участках, предназначенных для ведения садоводства. Приводятся два значения показателя: без домов, построенных на садовых участках (как учитывалось до 2019 г.), и с домами, построенными на садовых участках (как учитывалось с 2019 г. и позднее).

*Источник:* составлено по данным статистических сборников и баз данных Росстата<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Российский статистический ежегодник. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Жилищные условия. — URL: [https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye\\_usloviya](https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya); Жилищное хозяйство в России. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13234>; Строительство. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения 20.11.2024).

Вторая тенденция — улучшение сельского жилого фонда, что проявляется в росте доли жилых помещений, построенных в сельской местности (с 24 до 33% в период с 2000 до 2023 г.), и доли площади жилых помещений в сельской местности, оборудованных основными коммунальными удобствами (почти трехкратный рост: с 16,6% в 2000 г. до 44,3% в 2023 г.). Можно предположить, что эти тенденции отражают *другую ось поляризации* жилого фонда: плохое состояние жилья в отдаленных сельских населенных пунктах сочетается с развитием пригородов крупных городов, номинально относящихся к сельской местности.

С начала века существенно выросла доля жилого фонда, находящегося в собственности граждан, — с 58,1% в 2000 г. до 91,4% в 2022 г.: до начала 2010-х увеличивалась доля домохозяйств, проживающих в собственном жилье, — как за счет продолжающейся, но снижающейся по ежегодному охвату бесплатной приватизации жилья, так и за счет его покупки; с начала 2010-х доля домохозяйств — собственников занимаемого жилья, по данным РМЭЗ, стабилизировалась в диапазоне 80–84%. Согласно Комплексному наблюдению условий жизни населения (Росстат) в 2011–2022 гг. в жилье, принадлежащем кому-либо из членов домохозяйств, проживали 87–90% домохозяйств [3], то есть мы наблюдаем расширение в рассматриваемый период слоя домохозяйств-собственников. Но данные РМЭЗ также демонстрируют увеличение доли домохозяйств, имеющих другую квартиру, с примерно 5–6% в середине нулевых до 10–11% в начале 2020-х гг. (в Москве — с 10–11 до 22–23%) при сравнительно стабильной доле домохозяйств, владеющих другим домом, в том числе дачей, — 19–21%.

С учетом представленных разноплановых тенденций сложно однозначно сказать, как меняется дифференциация жилищного богатства в виде основного (занимаемого) жилья, но можно предполагать, что:

— *гипотеза 1*: при определении жилищного богатства для *части* домохозяйств к стоимости занимаемого жилья добавляется стоимость других жилых объектов, поэтому неравенство по совокупному жилищному богатству будет выше, чем по жилищному богатству в виде занимаемого жилья;

— *гипотеза 2*: даже за рассматриваемый период с начала 2010-х гг. жилищное неравенство вырастает преимущественно за счет увеличения показателей неравенства в 2019–2020 гг. Предположение опирается на расчеты Института экономики города, согласно которым коэффициент доступности жилья (КДЖ), показывающий, за сколько лет российское домохозяйство из 3 человек со среднедушевыми доходами условно сможет накопить средства для покупки стандартной квартиры площадью 54 кв. м исходя из средней цены 1 кв. м общей площади, по данным Росстата, с 2020 г. стал расти с 3,3 до 3,9 в 2022 г. после десятилетнего периода снижения<sup>8</sup>. Позднее аналитики Института представили расчеты, что этот рост был более выражен в крупных городах, а из составляющих КДЖ темпы роста стоимости жилья опережали темпы роста доходов населения<sup>9</sup>;

— *гипотеза 3*: рост жилищного неравенства также будет обусловлен увеличением количества объектов жилой недвижимости у «богатых жильем».

<sup>8</sup> Мониторинг доступности жилья в России, а также в разрезе регионов и крупнейших городских агломераций. — URL: <https://www.urbaneconomics.ru/research/analytics/monitoring-dostupnosti-zhilya-v-rossii-takzhe-v-razreze-regionov-i-krupneyshih> (дата обращения 25.05.2025).

<sup>9</sup> Доступность жилья в городах, городских агломерациях и регионах России. — URL: <https://www.urbaneconomics.ru/research/analytics/dostupnost-zhilya-v-gorodah-gorodskih-aglomeracijah-i-regionah-rossii> (дата обращения 25.05.2025).

## Данные и показатели

О жилищном богатстве возможно и правомерно говорить лишь в том случае, когда жилищные условия домохозяйств определены через стоимость принадлежащего им жилья. Анкета РМЭЗ включает вопрос: «Какова сегодня приблизительно рыночная цена такого жилья, как Ваше?»; аналогичный вопрос в анкете ВОДПФ звучит так: «Если бы Вы сегодня захотели продать это жилье, сколько смогли бы за него получить в рублях?» Затруднившимся ответить на этот вопрос в ВОДПФ предлагали выбрать интервал значений, в который попадает стоимость жилья. Кроме этого, в анкете ВОДПФ присутствуют вопросы о возможной цене продажи дополнительных объектов жилой недвижимости, которые есть в собственности членов домохозяйств (до трех квартир и до трех домов, в том числе дач, садовых домиков), а также о невыплаченных остатках по кредитам, взятым на покупку или строительство квартир или домов. То есть данные ВОДПФ позволяют рассчитать величину как совокупного, так и чистого жилищного богатства — разницу между стоимостью жилья и имеющимися финансовыми обязательствами, связанными с его приобретением, тогда как с использованием данных РМЭЗ возможно определить лишь долю жилищного богатства в виде основного жилья. Отметим следующие особенности расчета переменных, характеризующих жилищное богатство домохозяйств.

— Значения переменных рыночной стоимости квартир и домов, принадлежащих членам домохозяйств, равны тем величинам в денежных единицах, которые назвали респонденты, либо в ВОДПФ принимали значение середины выбранного интервала, если респонденты затруднялись ответить точнее. Если домохозяйство занимало жилье, не принадлежащее его членам, либо не обладало другими объектами жилой недвижимости, то соответствующие переменные принимали значение 0. В ВОДПФ в первые четыре волны респонденты могли называть стоимость квартир или домов в иностранной валюте; эти величины конвертировались в рубли по среднегодовому курсу валют.

Отвечая на вопрос в анкете ВОДПФ о возможной цене продажи занимаемого жилья, респонденты могли не только отказаться или затрудниться ответить, назвать сумму в рублях или указать интервал, в который попадает значение возможной цены жилья, но также выбрать варианты «жилье продать невозможно» или «жилье не подлежит продаже». В 2022 г. этот вопрос предварялся вопросом: «Как думаете, Вы сможете легко и быстро продать эту недвижимость, если возникнет необходимость?»; отрицательно ответивших на него просили назвать причины, затрудняющие продажу жилья. Наиболее часто называемая причина — «мало кто хочет купить жилье в этом населенном пункте» (38,7% от считающих, что их основное жилье продать невозможно), затем «старая постройка, сейчас другие запросы» (30,6%), «неудобное расположение жилья» (30,5%), «сейчас не лучшая экономическая ситуация для продажи жилья» (17,2%). Из тех, кто ответил, что их основное жилье не подлежит продаже, 97% имели не выплаченные на момент опроса кредиты на покупку этого жилья. Но обратное утверждение, что имеющие невыплаченные кредиты будут вместо указания стоимости жилья выбирать вариант «жилье не подлежит продаже», неверно: из тех, кто не выплатил кредиты на покупку занимаемого жилья, 78,3% назвал его текущую рыночную стоимость

в рублях, и только 10,8% ответили, что «жилье не подлежит продаже». То есть при ответах на вопрос о стоимости квартир или домов за выбором вариантов «жилье продать невозможно» или «жилье не подлежит продаже» не стоит какая-то однозначная ситуация; и приведенные данные можно воспринимать как аргумент в пользу решения вменить значения стоимости жилья в таких случаях вместо того, чтобы счесть ее равной 0 или исключить эти наблюдения из анализа.

– 6–9% домохозяйств, согласно данным ВОДПФ, проживают в жилье, которое принадлежит как членам, так и нечленам домохозяйств, но в каких долях — неизвестно. Дополнительные квартиры и дома также могут находиться в собственности членов не только обследуемого домохозяйства, но в отношении дополнительных квартир и домов в анкете нет вопроса, уточняющего это. Во всех случаях вся указанная стоимость жилья «приписывалась» обследуемому домохозяйству, что потенциально завышает величину жилищного богатства у части домохозяйств.

– Отсутствующие значения стоимости объектов жилой недвижимости в собственности определялись на основе стоимости 1 кв. м в квартирах или домах в территориальной единице и общей площади жилья. Территориальные единицы образованы пересечением значений переменных «Первичная единица отбора» и «Размер населенного пункта» в ВОДПФ ( $psu*size$ ) и «Первичная единица отбора» и «Тип населенного пункта» в РМЭЗ ( $psu*status$ ). Если респонденты не указали общую площадь своего жилья, то при импутировании пропущенных значений учитывалась жилая площадь либо вменялись значения площади с учетом количества комнат в жилом помещении.

– В ВОДПФ спрашивали только о самом крупном кредите, который члены домохозяйства брали на покупку или строительство каждого жилого объекта, поэтому при определении остатков по кредитам гипотетически возможна недооценка кредитных обязательств. Если респондент не назвал величину оставшихся долгов по кредитам, значение соответствующей переменной определялось по другим указанным параметрам кредита либо наблюдение исключалось из анализа. Но в 2022 г. импутирование можно было осуществить только для основного жилья, о кредитах на приобретение дополнительных квартир и домов детально не спрашивали.

– В ВОДПФ в 2022 г. респондентов просили рассказать о дополнительных квартирах и домах, находящихся только на территории РФ, в 2013–2020 гг. также спрашивали о недвижимости за границей. Для унификации расчетов в каждой волне учитывались квартиры и дома, находящиеся на территории России. Но около 15–20% дополнительных жилых объектов находятся не в регионе проживания респондентов (без указания, в каком именно); если респонденты не называли стоимость такого жилья, чтобы не исключать эти наблюдения из анализа, пропущенные значения заполнялись с учетом стоимости 1 кв. м квартир или домов в регионе проживания респондента. Это, пожалуй, самое спорное допущение, на котором базируется работа с пропущенными значениями переменных.

– У исследователей нет единого подхода к тому, как поступать с отрицательными значениями чистого жилищного богатства при расчете коэффициента Джини: наблюдения с отрицательными значениями могут исключать [34] или

включать [25; 35] в анализ, заменять отрицательные значения на нулевые [8]. В данной работе наблюдения с отрицательными значениями чистого жилищного богатства включены в расчеты.

В большей части расчетов коэффициент Джини определялся по формуле:

$$G = 1 - 2 \sum_{i=1}^n (X_i cum Y_i) + \sum_{i=1}^n (X_i Y_i)$$

где:

$X_i$  — доля домохозяйств, принадлежащая  $i$ -й группе (при ранжировании домохозяйств по величине жилищного богатства),

$Y_i$  — доля жилищного богатства, сосредоточенная у  $i$ -й группы,

$cum Y_i$  — кумулятивная доля жилищного богатства,

$n=10$ .

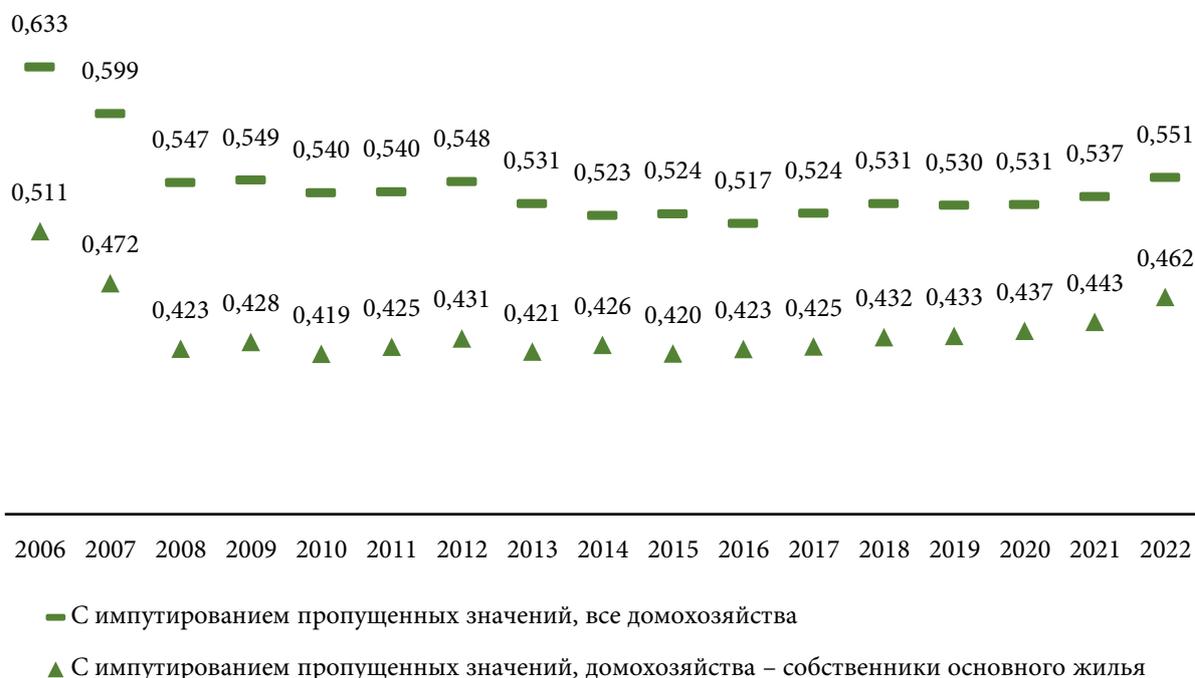
Из-за того, что значения переменных стоимости жилья, полученные из ответов респондентов, сконцентрированы на круглых значениях, не всегда децильные группы домохозяйств оказываются в реальности равнонаполненными. Для расчета  $G$  по приведенной формуле это некритично, но для сравнения в динамике совокупностей домохозяйств, оказавшихся в разных частях распределения по жилищному богатству в 2013 и 2022 г., все домохозяйства строго разделены на группы по 10% объектов — со случайным распределением домохозяйств, оказавшихся «на границах» децильных групп.

Для расчета коэффициента Джини и декомпозиции индекса Тейла для отдельных категорий домохозяйств, чье чистое жилищное богатство выше 0 (будут представлены в табл. 4 и 5), использовался модуль INEQDECO для статистического пакета Stata.

## Результаты

**Неравенство российских частных домохозяйств по жилищному богатству в виде основного (занимаемого) жилья.** В динамике значений коэффициента Джини, рассчитанного на данных о стоимости занимаемого жилья для всей совокупности домохозяйств, включенных в репрезентативную выборку РМЭЗ, выделяются три периода: в 2006–2012 гг. неравенство по жилищному богатству (в виде основного жилья) снижалось с максимального в наблюдаемые годы уровня — 0,599...0,633 — до 0,540...0,550; в 2013–2017 гг. жилищное неравенство при таком способе измерения стабилизировалось на самом низком уровне ( $G=0,517...0,531$ ); а с 2018 г. начало расти: с 0,530 до 0,551 в 2022 г. (рис. 1). Сокращение жилищного неравенства в начале рассматриваемого периода связано с увеличением доли домохозяйств, занимающих жилье, которое принадлежит кому-либо из их членов: в 2006 г. она составляла 73,4%, в 2007 г. — 75,2%, в 2008–2012 гг. — 78–79%. Соответственно, сокращался вклад в неравенство домохозяйств, не владеющих занимаемыми квартирами или домами.

Логично, что из значений коэффициентов Джини выше будут те, что рассчитаны для совокупности «все домохозяйства», включающей обладателей «нулевого» жилищного богатства; меньшие значения  $G$  наблюдаются для совокупности домохозяйств, проживающих в принадлежащем им жилье (рис. 1).



**Рис. 1. Коэффициенты Джини, отражающие неравенство российских домохозяйств по примерной рыночной стоимости основного (занимаемого) жилья, РМЭЗ, 2006–2022 гг.**

ВОДПФ охватывает более короткий период, но за последнее десятилетие фиксирует аналогичную тенденцию увеличения жилищного неравенства (по стоимости занимаемого жилья) с 0,554 в 2015–2018 гг. до 0,573 в 2022 г. (рис. 2).



**Рис. 2. Коэффициенты Джини, отражающие неравенство российских домохозяйств по возможной цене продажи основного (занимаемого) жилья, ВОДПФ, 2013–2022 гг.**

Различия в значениях  $G$ , отражающих неравенство российских домохозяйств по стоимости занимаемого жилья и по чистому жилищному богатству в виде такого жилья, невелики (рис. 3). Отчасти это связано с тем, что доля домохозяйств, имеющих на момент обследования остатки по кредитам, взятым на приобретение этого жилья, сравнительно низкая, но увеличившаяся с 2,5% в 2013 г. до 4,6% в 2022 г. И у еще меньшей доли домохозяйств чистое жилищное богатство в виде основного жилья ниже 0, то есть кредитные обязательства выше возможной цены продажи этих квартир или домов. И хотя значения коэффициентов Джини, отражающие жилищное неравенство российских домохозяйств, рассчитанные по данным ВОДПФ, выше, чем по данным РМЭЗ, их динамика отражает одну и ту же тенденцию последних лет — небольшой рост  $G$  с 2018–2020 гг.



**Рис. 3. Коэффициенты Джини, отражающие неравенство российских домохозяйств по жилищному богатству в виде основного (занимаемого) жилья, РМЭЗ, ВОДПФ, 2006–2022 гг., все домохозяйства, с импутированием пропущенных значений**

**Неравенство российских частных домохозяйств по совокупному жилищному богатству.** Жилищное неравенство, измеренное по совокупной стоимости всех жилых объектов в собственности, как правило, выше, чем по стоимости занимаемого жилья, но эти различия малы, а в отдельные годы значения  $G$  по этим двум измерениям жилищного богатства совпадают (табл. 2). И только в 2022 г. дифференциация домохозяйств по совокупному жилищному богатству, в том числе чистому, явно превысила неравенство по стоимости основного (занимаемого) жилья. Одна из причин близких значений  $G$  в этих измерениях в том, что проживание в несобственном жилье не означает отсутствия у членов домохозяйств прав собственности на другие жилые объекты. К примеру, в 2022 г. из домохозяйств, проживающих в государственном или муниципальном жилье, в 19,3% случаев их члены были (со)владельцами другого жилья; среди проживающих в жилье, принадлежащем родственникам или знакомым, члены 25,2% домохозяйств (со)владели

другими квартирами или домами; среди коммерческих квартиросъемщиков такие обладатели другого жилья были в 24,6% домохозяйств. В целом проживали в жилье, не принадлежащем членам домохозяйства, 20,1%, но только в 15,6% домохозяйств у их членов не было никакой жилой недвижимости в собственности. В остальных волнах ВОДПФ примерно такие же цифры. То есть, в сравнении с измерением стоимости основного жилья, при измерении совокупного жилищного богатства сокращается доля тех, чье жилищное богатство равно 0, что работает на снижение  $G$ , но одновременно появляются домохозяйства, чье жилищное богатство увеличивается за счет вторых квартир и домов, что приводит к росту  $G$ . По соотношению значений  $G$  для разных измерений видим, что эти тенденции до 2020 г. скорее уравнивали друг друга.

Таблица 2

**Коэффициенты Джини, отражающие неравенство российских домохозяйств по жилищному богатству, ВОДПФ, 2013–2022 гг.,**

*все домохозяйства, с импутированием пропущенных значений*

Показатели жилищного богатства	Год				
	2013	2015	2018	2020	2022
Возможная цена продажи основного жилья	0,569	0,554	0,554	0,556	0,573
Чистое жилищное богатство в виде основного жилья	0,573	0,558	0,565	0,564	0,576
Возможная цена продажи всех жилых объектов в собственности	0,569	0,561	0,559	0,560	0,587
Чистое жилищное богатство	0,573	0,563	0,565	0,564	0,592

В 2022 г. дифференциация домохозяйств по совокупному жилищному богатству стала заметно отличаться от неравенства по стоимости их основного жилья (на 0,014–0,016 пункта). С 2013 по 2022 г. произошло сокращение жилищного богатства, приходящегося на все группы домохозяйств в средней части распределения с увеличением с 59,8 до 62,6% богатства, приходящегося на две самые обеспеченные группы (рис. 4).

Заметим, что если не осуществлять импутирование пропусков значений переменных при ответах на вопросы о возможной цене продажи квартир или домов, принадлежащих членам домохозяйств, и об остатках по кредитам, взятым на приобретение этого жилья, а исключить из анализа наблюдения с пропусками значений хотя бы одной переменной, то рассматриваемая выборка сократится в каждой волне на 15–20%, а по сравнению с ситуацией, когда замена пропусков осуществляется, значения коэффициента Джини вырастут за счет искусственного увеличения доли домохозяйств с «нулевым» жилищным богатством (см. Приложение).

Децильные группы	2013	2022
1 и 2	0	0,3
3	2,1	2,1
4	3,8	3,3
5	5,3	4,8
6	7,3	6,5
7	9,3	8,6
8	12,4	11,7
9	17,7	18,0
10	42,1	44,6

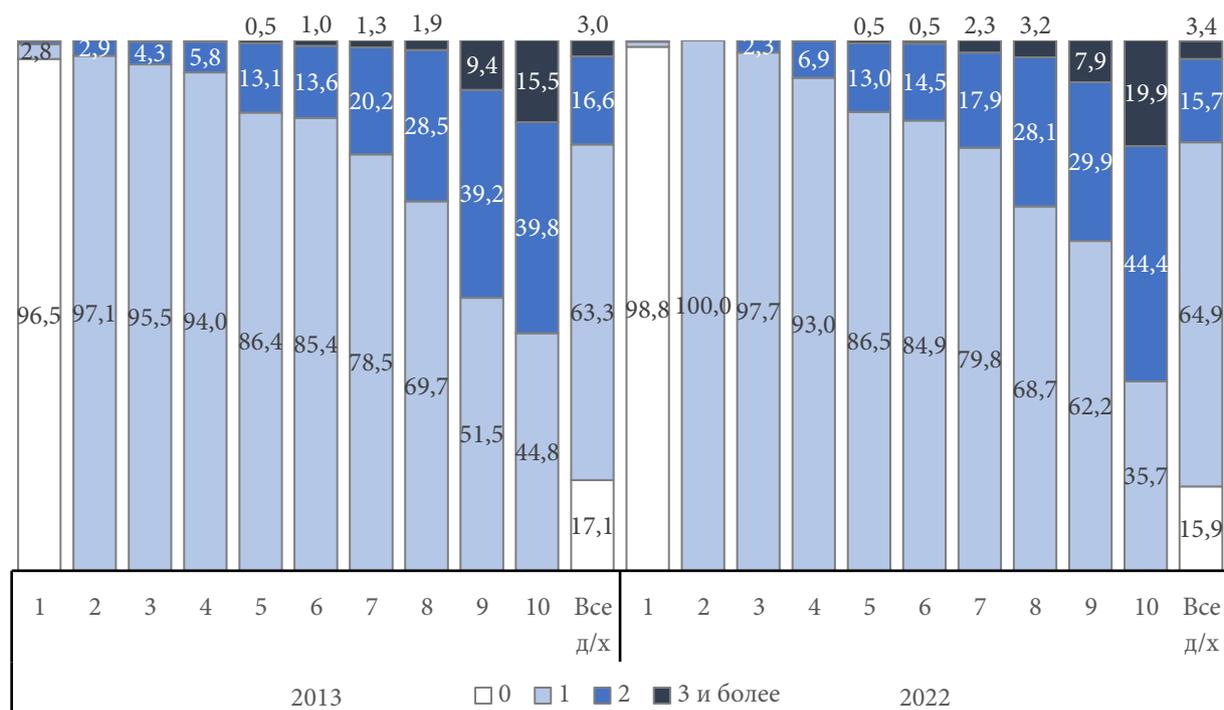


*Примечание:* Жилищное богатство домохозяйств в первой группе меньше или равно 0, во второй — выше 0; суммарно доля домохозяйств в двух первых группах составляет 20%. Остальные группы включают по 10% домохозяйств.

**Рис. 4. Кривая Лоренца, отражающая распределение совокупного чистого жилищного богатства по децильным группам, ВВПФ, %**

**Структурная проекция неравенства российских домохозяйств по жилищному богатству.** Простое структурирование всей жилой собственности домохозяйств по количеству объектов, включая занимаемое жилье, проясняет природу тенденции к росту жилищного неравенства: с 2013 по 2022 г. в десятой децильной группе по чистому жилищному богатству с 44,8 до 35,7% сократилась доля домохозяйств, имеющих только одно жилье, с 15,5 до 19,9% выросла доля тех, у кого три и более квартиры или дома (рис. 5). То есть на верхней ступени жилищной стратификации оказываются те, чья жилая собственность не только дорожает, но и «прирастает» новыми объектами.

Значения G для домохозяйств, члены которых обладают тем или иным количеством квартир или домов, свидетельствует о высоком разбросе стоимости объектов, но неравенство домохозяйств — собственников одного жилого объекта скорее стабильно в течение периода наблюдения, находясь в диапазоне 0,453...0,466 (табл. 3). Вклад межгруппового неравенства в общий индекс Тейла вырос за почти десятилетие с 0,091 до 0,155 и стал определяющим для роста значений общего индекса — с 0,443 до 0,511. То есть если за высокие значения коэффициентов жилищного неравенства «отвечают» как большие различия в стоимости квартир или домов (разного размера и находящихся в разных населенных пунктах), так и количество жилых объектов в собственности домохозяйств, то за *увеличение* этих коэффициентов с 2013 г. — только вторая составляющая.



*Примечание:* Жилищное богатство домохозяйств в первой группе меньше или равно 0, во второй — выше 0; суммарно доля домохозяйств в двух первых группах составляет 20%. Остальные группы включают по 10% домохозяйств.

**Рис. 5.** Доля домохозяйств, различающихся по количеству жилых объектов в собственности, в децильных группах по чистому жилищному богатству, ВОДПФ, %

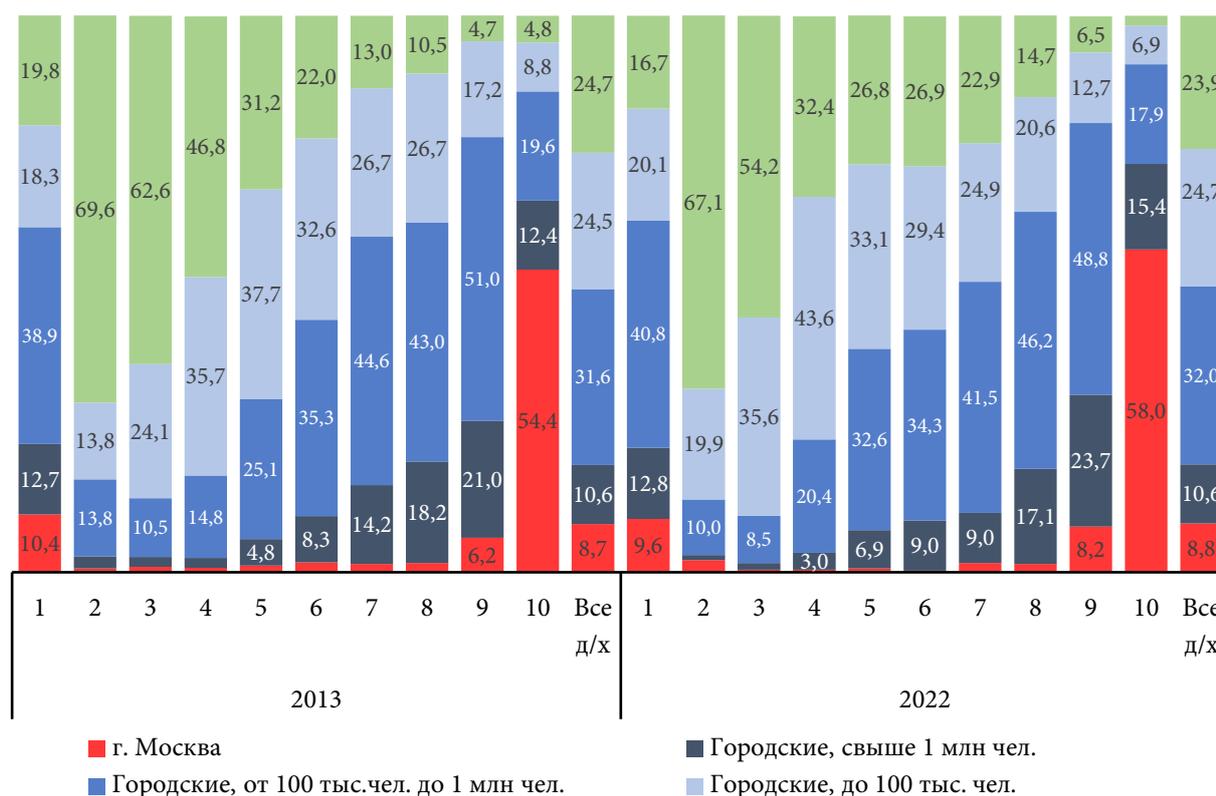
*Таблица 3*

Дифференциация домохозяйств, обладающих разным количеством квартир или домов, по чистому жилищному богатству, ВОДПФ, домохозяйства, обладающие «ненулевым» жилищным богатством

Количество жилых объектов в собственности членов домохозяйства	Год				
	2013	2015	2018	2020	2022
<b>Коэффициент Джини</b>					
1	0,463	0,453	0,455	0,455	0,466
2	0,427	0,404	0,427	0,416	0,452
3 и более	0,404	0,408	0,448	0,440	0,436
<b>Индекс Тейла (<math>\alpha=1</math>) и его декомпозиция</b>					
Общий индекс Тейла	0,443	0,453	0,464	0,461	0,511
Внутригрупповое неравенство	0,352	0,336	0,351	0,338	0,356
Межгрупповое неравенство	0,091	0,116	0,114	0,123	0,155

*Территориальная проекция неравенства российских домохозяйств по жилищному богатству.* Среди не имеющих никакого жилья в собственности несколько больше представлены городские домохозяйства из столицы и городов с численностью насе-

ления более 100 тыс. чел. (по сравнению с их долей среди всех домохозяйств) (рис. 6). На другом полюсе жилищной стратификации десятая децильная группа более чем на половину состоит из московских домохозяйств, их доля в этой группе увеличилась с 54,4% в 2013 г. до 58% в 2022 г. Также среди 10% самых богатых в плане жилья стало больше на 3 п. п. домохозяйств из городов-миллионников, однако сельские домохозяйства практически покинули эту страту (их доля сократилась до 1,8% в 2022 г.). В целом при территориальном структурировании групп, выделенных по величине совокупного чистого жилищного богатства, сельские домохозяйства сконцентрированы в нижних слоях жилищной стратификации, но по мере продвижения вверх по ступеням жилищной лестницы увеличивается доля домохозяйств из крупных городов.



*Примечание:* Жилищное богатство домохозяйств в первой группе меньше или равно 0, во второй – выше 0; суммарно доля домохозяйств в двух первых группах составляет 20%. Остальные группы включают по 10% домохозяйств.

**Рис. 6.** Доля домохозяйств из разных типов населенных пунктов в децильных группах по чистому жилищному богатству, ВОДПФ, %

Если домохозяйства из сельских и малых городских населенных пунктов Московской области рассматривать вместе с остальными домохозяйствами данных территориальных групп, то эти совокупности окажутся наиболее дифференцированными по величине жилищного богатства: в 2013–2022 гг. G для сельских домохозяйств был в диапазоне 0,418–0,458, для домохозяйств из малых городов – в диапазоне от 0,380 до 0,425 (табл. 4). При аналитическом объединении Москвы и Московской области в единое пространство жилищное неравенство среди остальных сельских домохозяйств существенно сокращается и в целом уменьшается степень дифференциации домохозяйств внутри территориальных групп. Но при любой территориальной

классификации наблюдается увеличение жилищного неравенства с 2013 по 2022 г. внутри территориальных групп и между ними. И если до 2020 г. вклады внутри- и межгруппового неравенства в общую величину индекса Тейла были близки, то в 2022 г. вклад межгруппового неравенства стал существенно выше. Проще говоря, с учетом предыдущих эмпирических данных, домохозяйства столичных регионов еще больше «оторвались» от остальной России по стоимости всего жилья, принадлежащего им.

Таблица 4

**Дифференциация городских и сельских домохозяйств (при разных вариантах территориального деления) по чистому жилищному богатству, ВОДПФ, домохозяйства, обладающие «ненулевым» жилищным богатством**

Типы населенных пунктов (по численности населения) и территории	Год				
	2013	2015	2018	2020	2022
<b>Коэффициент Джини</b>					
г. Москва	0,323	0,312	0,333	0,329	0,330
Городские, свыше 1 млн чел.	0,323	0,327	0,351	0,361	0,356
Городские, от 100 тыс. чел. до 1 млн чел.	0,343	0,346	0,352	0,358	0,378
Городские, до 100 тыс. чел.	0,380	0,390	0,387	0,394	0,425
Сельские населенные пункты	0,457	0,458	0,437	0,418	0,429
<b>Индекс Тейла (<math>\alpha=1</math>) и его декомпозиция</b>					
Общий индекс Тейла	0,443	0,453	0,464	0,461	0,511
Внутригрупповое неравенство	0,222	0,232	0,234	0,227	0,241
Межгрупповое неравенство	0,220	0,221	0,230	0,234	0,271
<b>Коэффициент Джини</b>					
г. Москва, Московская обл.	0,379	0,388	0,388	0,390	0,398
Городские, свыше 1 млн чел.	0,323	0,327	0,351	0,361	0,356
Городские, от 100 тыс. чел. до 1 млн чел.	0,336	0,338	0,341	0,352	0,362
Городские, до 100 тыс. чел.	0,341	0,371	0,352	0,363	0,378
Сельские населенные пункты	0,409	0,429	0,386	0,392	0,397
<b>Индекс Тейла (<math>\alpha=1</math>) и его декомпозиция</b>					
Общий индекс Тейла	0,443	0,453	0,464	0,461	0,511
Внутригрупповое неравенство	0,216	0,241	0,227	0,235	0,242
Межгрупповое неравенство	0,227	0,212	0,237	0,226	0,270

## Обсуждение и заключение

Показатели неравенства, в том числе жилищного, интересны социологам в качестве индикаторов социально-экономических процессов, применения государством институциональных инструментов, сказывающихся на обеспеченности

экономическими благами. Но несмотря на кардинальное изменение отношений собственности в начале 1990-х, дальнейшее регулирование и стимулирование приобретения объектов собственности, связанных с экономическим благосостоянием, эмпирических данных и исследований о неравенстве россиян по имущественным накоплениям, богатству, в том числе жилищному, не так много. Как можно судить по публикациям, в этой статье впервые представлены подробные оценки текущего жилищного неравенства российских домохозяйств.

В исследовании использованы базы данных, разные по хронологии и содержанию, но РМЭЗ, включающий данные о стоимости только основного (занимаемого) жилья, охватывает почти двадцатилетний период. Снижение жилищного неравенства, измеренного по стоимости основного жилья, с середины нулевых до почти середины 2010-х гг. связано с уменьшением относительной численности домохозяйств, занимающих не принадлежащее им жилье, но данные не позволяют однозначно определить, в какой мере это сокращение было эффектом хоть и затухающей по масштабам, но продолжавшейся бесплатной приватизации жилья, а в какой — следствием начала реализации различных государственных программ, стимулирующих его покупку. «Подталкивание» домохозяйств к приобретению жилых объектов в собственность достигло пика в 2020–2024 гг. в виде программ льготной ипотеки на покупку квартир в новостройках. Скорее всего, эффект именно этих программ, прямой и косвенный (в виде повышения стоимости жилья), зафиксирован на данных ВОДПФ за 2022 г. В целом:

— жилищное неравенство российских домохозяйств за два последних десятилетия не было стабильным: измеренное для жилищного богатства в виде основного жилья, оно снижалось с максимального в наблюдаемый период уровня в 2006–2007 гг. —  $G$  было равно 0,599...0,633, стабилизировалось в 2010-е гг. на  $G=0,517...0,531$ ; с конца 2010-х росло: с 0,530 до 0,551 в 2022 г. Так, измеренное жилищное неравенство в 2006 г. ( $G=0,633$ ) было близко к значениям, зафиксированным на данных другого обследования (НОБУС) в 2003 г. —  $G=0,631$  [36];

— данные не позволяют безоговорочно принять гипотезу 1 о том, что уровень неравенства по совокупному жилищному богатству будет выше, чем по стоимости основного жилья: такое соотношение двух измерений однозначно только в начале 2020-х гг., а в течение предшествующего десятилетия уровни этих двух неравенств близки. Но у нас нет оснований отвергнуть гипотезу 2: с середины 2010-х гг. до 2022 г. дифференциация домохозяйств по совокупному чистому жилищному богатству выросла, хотя и не очень существенно (от  $G=0,554$  до 0,573);

— различия жилых объектов по стоимости вносят определяющий вклад в общее жилищное неравенство российских домохозяйств, но в начале 2020-х гг. более значимой становится дифференциация, связанная с количеством жилых объектов в собственности, что согласуется с гипотезой 3;

— распределение городских и сельских домохозяйств в жилищной стратификации, определенной по стоимости жилья, воспроизводит доходное неравенство: сельские домохозяйства сконцентрированы преимущественно в нижних слоях, по мере продвижения вверх увеличивается доля домохозяйств из крупных городов. Собственники жилья из Москвы представлены в основном в группе самых «жилищно обеспеченных» домохозяйств (20%).

Согласно полученным результатам, в перспективе на рост жилищного неравенства в стране могут «работать» более высокие темпы роста стоимости жилья в крупных городах и столице. В то же время ужесточение условий ипотечного кредитования может снизить стремление приобретать жилье в инвестиционных целях, будет сдерживающим фактором увеличения жилищного богатства части домохозяйств за счет приобретения дополнительных квартир и домов.

В статье представлена «верхушка айсберга» выполненных расчетов и сравнений, аргументирующих выбранные методические решения. Так, в РМЭЗ можно было бы сформировать территориальные единицы для расчета стоимости 1 кв. м жилья на основе переменной *site* «Номер населенного пункта», но, как показал анализ данных, не во всех так получаемых территориальных ячейках в отдельные волны было достаточно наблюдений для расчета средней стоимости 1 кв. м общей площади квартиры или дома. И аналогичной переменной нет в ВОДПФ, что снижало бы унифицированность расчетов на разных базах данных. В ВОДПФ в 2013–2020 гг. можно было бы учитывать жилую недвижимость в собственности членов домохозяйств, находящуюся за границей РФ, но это затруднило бы сравнение с расчетами на данных 2022 г. Поэтому преобразования переменных и реконструкция пропущенных значений стоимости объектов жилой недвижимости осуществлялись таким образом, чтобы обеспечить максимальную сопоставимость расчетов на данных РМЭЗ и ВОДПФ, унифицировать расчеты во всех волнах и исключить минимальное количество домохозяйств при невозможности восстановить пропуски в значениях переменных стоимости жилых объектов. Тем не менее расчеты частично базируются на спорных допущениях (например, что все вторые жилые объекты полностью принадлежат обследуемым домохозяйствам, что стоимость 1 кв. м второго жилья можно определить, исходя из значений этого показателя для основного жилья, хотя порядка 15–20% вторых жилых объектов находятся вне региона проживания домохозяйства). То есть «калькулируемость богатства» (определение стоимости имущества в собственности) сдерживается как респондентами, затрудняющимися или отказывающимися назвать возможную цену продажи объектов домохозяйства, так и инструментарием обследований (отсутствуют вопросы, ответы на которые помогли бы корректно заменить пропущенные значения). Чтобы компенсировать это, расчеты выполнены на двух базах данных, для различных измерений жилищного богатства и различных совокупностей домохозяйств, чтобы не столько добиться точных значений показателей неравенства, сколько зафиксировать устойчивые тенденции, а также продемонстрировать пусть и ограниченную, но пригодность данных, состоящих из ответов респондентов на вопросы о стоимости их жилья, для оценки жилищного неравенства.

Представленное исследование может развиваться в нескольких направлениях. Например, определение вклада демографических факторов в динамику жилищного неравенства. Можно скептически относиться к доле домохозяйств, состоящих из одного человека, полученной во Всероссийской переписи населения 2020 (2021) гг., — 41,8%<sup>10</sup>, но мало кто не согласится, что доля домохозяйств из одиночек растет. Если таких домохозяйств становится больше, меняется ли численность групп, владеющих

<sup>10</sup> Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств. — URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8\\_Chislo\\_i\\_sostav\\_domochozyajstv](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozyajstv) (дата обращения 09.02.2025).

небольшими и, как следствие, более дешевыми квартирами? Также стоит использовать особенность данных РМЭЗ и ВОДПФ как панельных, чтобы определить, как менялась в течение периода наблюдения стоимость основного жилья, как жилищное богатство прирастало вторыми квартирами или домами. ВОДПФ позволяет определить, как за последнее десятилетие менялась доля домохозяйств, приобретших второе жилье разными способами — через покупку, приватизацию, наследование, то есть возможно идентифицировать отклик структуры жилой собственности домохозяйств на изменения институциональных и экономических условий. В-третьих, обе базы данных позволяют сопоставить стоимость жилья с его качественными характеристиками и оценить вклад расположения жилья (в столице, крупном или малом городе, в сельском населенном пункте) и его размера и состояния в общую стоимость. Так как, в-четвертых, государственная статистика отслеживает цены на первичном и вторичном рынках жилья только в региональных центрах и отдельных городах в субъектах Федерации, уникальность РМЭЗ и ВОДПФ в том, что они содержат стоимостные оценки сельского жилья, делают сельский жилой фонд «видимым» в ценовом измерении, поэтому детализация территориальных аспектов жилищного неравенства, представленных в статье, может быть целью дальнейших исследований. Иными словами, в базах данных, использованных в исследовании, имеется потенциал для изучения разных аспектов жилищного неравенства в России, а продолжение расчетов на следующих волнах обследований позволит уточнить данные о том, привело ли активное вмешательство государства в жилищный рынок в 2020–2024 гг. в виде программ льготных ипотек к изменениям в механизме жилищной стратификации.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

**Сравнение дифференциации по суммарному жилищному богатству в разных совокупностях домохозяйств в зависимости от наличия значений переменных жилищного богатства и импутирования пропусков, ВОДПФ**

Стоимость всех объектов жилой недвижимости в собственности				
Год	Совокупности домохозяйств	N / в % от всех домохозяйств в выборке	Доля домохозяйств с суммарным жилищным богатством, равным 0	G <sub>10%</sub>
2013	Все домохозяйства, с импутированными значениями стоимости жилых объектов вместо пропусков	6008 / 98,4	17,4	0,569
2015		5950 / 98,7	15,8	0,561
2018		5933 / 98,7	15,2	0,559
2020		5942 / 98,7	15,4	0,560
2022		5977 / 98,3	15,9	0,587
2013	Домохозяйства, респонденты из которых назвали стоимость всех жилых объектов (без импутирования, с пропусками при неответах)	5203 / 85,3	20,0	0,576
2015		5207 / 86,4	17,8	0,567
2018		5038 / 83,8	17,8	0,563
2020		4998 / 83,0	18,1	0,563
2022		4937 / 81,2	19,3	0,597

Совокупное чистое жилищное богатство				
Год	Совокупности домохозяйств	N / в % от всех домохозяйств в выборке	Доля домохозяйств с чистым суммарным жилищным богатством меньше 0 / равным 0	G <sub>10%</sub>
2013	Все домохозяйства, с импутированными значениями стоимости жилых объектов и остатков по кредитам вместо пропусков	6006 / 98,4	0,2 / 17,4	0,573
2015		5950 / 98,7	0,1 / 15,8	0,563
2018		5932 / 98,7	0,3 / 15,2	0,565
2020		5939 / 98,7	0,2 / 15,4	0,564
2022		5977 / 98,3	0,2 / 16,0	0,592
2013	Домохозяйства, респонденты из которых назвали стоимость всех жилых объектов и остатков по кредитам (без импутирования, с пропусками при неответах)	5186 / 85,0	0,2 / 20,0	0,582
2015		5183 / 86,0	0,0 / 17,9	0,570
2018		5011 / 83,3	0,2 / 18,0	0,568
2020		4977 / 82,7	0,1 / 18,3	0,566
2022		4882 / 80,3	0,1 / 19,5	0,599

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

**Черкашина Татьяна Юрьевна** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующий кафедрой общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. **Телефон:** +7 (383) 363-42-63. **Email:** touch@nsu.ru

**SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 2. P. 51–78. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.3**

Research Article

**TATYANA YU. CHERKASHINA**<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS.

17, Academician Lavrentyev Avenue, 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

<sup>2</sup> Novosibirsk National Research State University.

1, Pirogov St., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

## INEQUALITY OF RUSSIAN HOUSEHOLDS IN HOUSING WEALTH: LEVEL AND DYNAMICS

*Abstract.* As mass strata accumulate property, its use, not just income growth, becomes a factor in the formation of socio-economic stratification. Housing occupies a special place in the range of assets that constitute household property, since the proportion of the value of housing assets in the total wealth of households is high, and inequality in housing wealth makes a decisive contribution to inequality in wealth in general. In Russia a house or an apartment is the most common object of private household ownership, but the conditions for the accumulation of housing assets in the post-Soviet period were inconsistent. The purpose of this study is to identify the degree of inequality of Russian households in the dynamics when it comes to housing wealth — the valuation of apartments and houses owned by household members. Data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE and the All-Russian Survey on Consumer

Finance (Ministry of Finance of the Russian Federation, Central Bank of the Russian Federation) are used; the chronological scope of the analysis is 2006–2022; indicators of housing wealth are the cost of the household's main residence and all apartments and houses belonging to the household.

According to the RLMS data for 2006–2022, the highest housing inequality was observed at the end of the “aughts”, when the Gini coefficient for the cost of household main residence was in the range of 0.599...0.633; after a relatively stable level of housing inequality during the 2010's ( $G=0.517...0.531$ ), ever since the end of this decade it has slowly increased to  $G=0.551$  by 2022. The differentiation in total housing wealth, measured on the All-Russian Survey of Consumer Finance data, shows the same trend. And by 2022 differences related not only to the cost of separate housing objects, but also to the number of apartments and houses owned by households began to make a greater contribution to the growing inequality. However, only analyzing the data from the next waves of surveys will make it possible to understand whether these trends indicate changes in the mechanism of housing stratification formation or whether these are situational variations in inequality indicators.

**Keywords:** housing inequality; housing cost; housing wealth; Gini coefficient; Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE; All-Russian Survey of Consumer Finance.

**Acknowledgment.** This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Actors, drivers, consequences of social changes in the present-day society: theory and empirics”, No. 121040100280-1.

**For citation:** Cherkashina, T.Yu. Inequality of Russian Households in Housing Wealth: Level and Dynamics. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 51–78. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.3)

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Tatyana Yu. Cherkashina** — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head, Department of General Sociology, Novosibirsk National Research State University. **Phone:** +7 (383) 363-42-63. **Email:** [touch@nsu.ru](mailto:touch@nsu.ru)

#### ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Главные сегменты жилищной необеспеченности россиян: качественно-количественные параметры и подходы к сокращению // Российский экономический журнал. 2020. № 5. С. 34–51. DOI: [10.33983/0130-9757-2020-5-34-51](https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-34-51) EDN: LKDWAE  
Bobkov V.N., Odintsova Ye.V. Main segments of housing deprivation of Russians: qualitative and quantitative parameters and approaches to reduction. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2020. No. 5. P. 34–51. DOI: [10.33983/0130-9757-2020-5-34-51](https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-34-51) (In Russ.)
2. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенческая дифференциация // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 2. С. 16–28. DOI: [10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28) EDN: RKHAKU  
Bobkov V.N., Odintsova E.V. The material well-being of Russians: intergenerational differentiation. *Mir novoi ekonomiki*. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 16–28. DOI: [10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28) (In Russ.)
3. Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 51–77. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77) EDN: SWOHHQ  
Bogomolova T., Cherkashina T. The Non-financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes. *Mir Rossii*. 2021. Vol. 30. No. 3. P. 51–77. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77) (In Russ.)
4. Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288. EDN: UMAZNJ

- Burdjak A. Ja. Housing in Post-soviet Russia: Inequality and the Problem of Generation. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2015. Vol. 13. No. 2. P. 273–288. (In Russ.)
5. Гасс Т.А. Бедность и неравенство населения России в жилищной сфере // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 4. / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: ИД ВШЭ, 2017. С. 58–66. EDN: [YNFFZR](#)
- Gass T.A. Poverty and inequality of the Russian population in the housing sector. *XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development*. In 4 books. Book 4. Ed. by E.G. Yasin. Moscow: HSE Publishing House publ., 2017. P. 58–66. (In Russ.)
6. Гасс Т.А. Неравенство населения России в жилищной сфере // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: ИД ВШЭ, 2014. С. 581–590. EDN: [SPVMJJ](#)
- Gass T.A. Inequality of the Russian population in the housing sector. *XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development*. In 4 books. Book 3. Ed. by E.G. Yasin. Moscow: HSE Publishing House publ., 2014. P. 581–590. (In Russ.)
7. Голодова Ж.Г., Смирнов П.А. Подходы к оценке и повышению уровня доступности жилья в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 812–824. DOI: [10.22363/2313-2272-2023-23-4-812-824](#) EDN: [HZHDAB](#)
- Golodova Zh.G., Smirnov P.A. Approaches to assessing and increasing housing affordability in Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 812–824. DOI: [10.22363/2313-2272-2023-23-4-812-824](#) (In Russ.)
8. Гудкова Ю.В., Воронцова А.А., Четверикова Е.В. Неоднородность домохозяйств в России по структуре активов. Аналитическая записка. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. — 34 с. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166262/analytic\\_note\\_20241001\\_dip.pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166262/analytic_note_20241001_dip.pdf). Дата обращения 20.11.2024.
- Gudkova Yu.V., Vorontsova A.A., Chetverikova E.V. *Heterogeneity of households in Russia by asset structure. Analytical note*. Moscow: The Central Bank of the Russian Federation publ., 2024. 34 p. Accessed 20.11.2024. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166262/analytic\\_note\\_20241001\\_dip.pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166262/analytic_note_20241001_dip.pdf) (In Russ.)
9. Косарева Н.Б., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики российских городов // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный выпуск. С. 33–54. EDN: [ZSSBZH](#)
- Kosareva N., Puzanov A., Polidi T. Basic Tendencies in Housing Economics of Russian Cities. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. 2015. Pilot Issue. P. 33–54. (In Russ.)
10. Лисов В.А. Богатые и бедные в сибирской деревне. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1992. — 168 с.
- Lisov V.A. *Rich and poor in a Siberian Countryside*. Novosibirsk: IEIE SB RAS publ., 1992. 168 p. (In Russ.)
11. Лисов В.А., Шапошников А.Н. Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния // Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология». 1988. № 8. Вып. 2. С. 56–66.
- Lisov V.A., Shaposhnikov A.N. Methodology and results of building a typology of families according to the level of material well-being. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya "Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya"*. 1988. No. 8. Iss. 2. P. 56–66. (In Russ.)
12. Никитина Н.С. Анализ факторов, влияющих на динамику цен на жилую недвижимость в России // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 1. С. 208–220. DOI: [10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220](#) EDN: [RBWHNI](#)

- Nikitina N.S. Analysis of factors affecting the dynamics of residential real estate prices in Russia. *Finansy: teoriya i praktika*. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 208–220. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220 (In Russ.)
13. Рощина Я., Илюнькина Н. Анализ влияния мер государственной поддержки ипотечного кредитования на доступность жилья в России: региональный разрез // Деньги и кредит. 2021. № 4. С. 98–123. DOI: 10.31477/rjmf.202104.98 EDN: CHFFPL  
Roshchina Ia., Ilyunkina N. Impact of Government Measures to Support Mortgage Lending on Housing Affordability in Russia: Regional Evidence. *Den'gi i kredit*. 2021. No. 4. P. 98–123. DOI: 10.31477/rjmf.202104.98 (In Russ.)
14. Саватюгин А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит выделения и использования в 2021–2023 годах средств федерального бюджета на цели поддержки рынка ипотечного кредитования» // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2024. № 9 (323). С. 5–49. Дата обращения 23.10.2024. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-9-2024>  
Savatyugin A. Report on the results of the expert-analytical event “Audit of the allocation and use of federal budget funds in 2021–2023 for the purpose of supporting the mortgage lending market”. *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. 2024. No. 9 (323). P. 5–49. Accessed 23.10.2024. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-9-2024> (In Russ.)
15. Старикова М.М., Бушкова-Шиклина Э.В. Жилищное неравенство населения как отражение социальной стратификации (на примере трех городов Кировской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 594–609. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-594-609 EDN: OHJJWG  
Starikova M.M., Bushkova-Shiklina E.V. Housing inequality of the population as a reflection of social stratification (a case study of three cities in the Kirov region). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2019. No. 4. P. 594–609 DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-594-609 (In Russ.)
16. Черкасова Ю.И., Лукаш Д.С. Влияние программ финансирования льготной ипотеки на доступность жилья // Вопросы региональной экономики. 2023. № 3. С. 192–208. EDN: FYYNAR  
Cherkasova Yu.I., Lukash D.S. The Effect of Mortgage Interest Deduction on Housing Affordability. *Voprosy regional'noi ekonomiki*. 2023. No. 3. P. 192–208. (In Russ.)
17. Черкашина Т.Ю. Жилищная дифференциация в постсоветской России: институциональный и экономический контекст динамики жилищных групп // ЭКО. 2018. № 3. С. 60–81. EDN: YWNBHL  
Cherkashina T.Yu. Housing Differentiation in Post-Soviet Russia: the Institutional and Economic Context of the Dynamics of Housing Groups. *EKO*. 2018. No. 3. P. 60–81. (In Russ.)
18. Черкашина Т.Ю. Личная, частная, приватная — что значит для россиян собственность, которой они владеют? // ЭКО. 2023. № 11. С. 110–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-110-130 EDN: WUSGFJ  
Cherkashina T.Yu. Personal, private, proprietary — what does property they own mean to Russians? *EKO*. 2023. No. 11. P. 110–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-110-130 (In Russ.)
19. Bohle D., Seabrooke L. From Asset to Patrimony: The Re-emergence of the Housing Question. *West European Politics*. 2020. Vol. 43. Iss. 2. P. 412–434. DOI: 10.1080/01402382.2019.1663630
20. Causa O., Woloszko N., Leite D. *Housing, wealth accumulation and wealth distribution: Evidence and stylized facts. OECD Economics Department Working Papers*. No. 1588. Paris: OECD Publishing, 2019. DOI: 10.1787/86954c10-en.

21. Christophers B. A tale of two inequalities: Housing-wealth inequality and tenure inequality. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2021. Vol. 53. Iss. 3. P. 573–594. DOI: [10.1177/0308518X19876946](https://doi.org/10.1177/0308518X19876946)
22. Forrest R., Hirayama Y. Late home ownership and social restratification. *Economy and Society*. 2018. Vol. 47. Iss. 2. P. 257–279. DOI: [10.1080/03085147.2018.1459368](https://doi.org/10.1080/03085147.2018.1459368)
23. Gritti D., Cutuli G. Brick-by-brick inequality. Homeownership in Italy, employment instability and wealth transmission. *Advances in Life Course Research*. 2021. Vol. 49. Article 100417. DOI: [10.1016/j.alcr.2021.100417](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2021.100417)
24. *Housing Taxation in OECD Countries. Report. OECD Tax Policy Studies*. No. 29. Paris: OECD Publishing, 2022. DOI: [10.1787/03dfe007-en](https://doi.org/10.1787/03dfe007-en)
25. Kaas L., Kocharkov G., Preugschat E. Wealth Inequality and Homeownership in Europe. *Annals of Economics and Statistics*. 2019. No. 136 (December). P. 27–54. DOI: [10.15609/annaeconstat2009.136.0027](https://doi.org/10.15609/annaeconstat2009.136.0027)
26. Lux M., Gibas P., Boumová I., Hájek M., Sunega P. Reasoning behind choices: rationality and social norms in the housing market behaviour of first-time buyers in the Czech Republic. *Housing Studies*. 2017. Vol. 32. Iss. 4. P. 517–539. DOI: [10.1080/02673037.2016.1219331](https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1219331)
27. Lux M., Sunega P., Katrňák T. Classes and Castles: Impact of Social Stratification on Housing Inequality in Post-Socialist States. *European Sociological Review*. 2013. Vol. 29. No. 2. P. 274–288. DOI: [10.1093/esr/jcr060](https://doi.org/10.1093/esr/jcr060)
28. Niu G., Zhao G. State, market, and family: housing inequality among the young generation in urban China. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2021. Vol. 36. P. 89–111. DOI: [10.1007/s10901-020-09740-w](https://doi.org/10.1007/s10901-020-09740-w)
29. Pfeffer F.T., Waitkus N. The Wealth Inequality of Nations. *American Sociological Review*. 2021. Vol. 86. Iss. 4. P. 567–602. DOI: [10.1177/00031224211027800](https://doi.org/10.1177/00031224211027800)
30. Raviv C., Lewin-Epstein N. Homeownership regimes and class inequality among young adults. *International Journal of Comparative Sociology*. 2021. Vol. 62. Iss. 5. P. 404–434. DOI: [10.1177/00207152211070817](https://doi.org/10.1177/00207152211070817)
31. Schwartz H., Seabrooke L. Varieties of Residential Capitalism in the International Political Economy: Old Welfare States and the New Politics of Housing. *Comparative European Politics*. 2008. No. 6. P. 237–261. DOI: [10.1057/cep.2008.10](https://doi.org/10.1057/cep.2008.10)
32. Soaita A.M., Dewilde C. Housing stratification in Romania: mapping a decade of change. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2021. Vol. 36. P. 1055–1076. DOI: [10.1007/s10901-020-09788-8](https://doi.org/10.1007/s10901-020-09788-8)
33. Wan G., Wang C., Wu Y. What Drove Housing Wealth Inequality in China? *China & World Economy*. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 32–60. DOI: [10.1111/cwe.12361](https://doi.org/10.1111/cwe.12361)
34. Wu L., Bian Y., Zhang W. Housing ownership and housing wealth: new evidence in transitional China. *Housing Studies*. 2018. Vol. 34. Iss. 3. P. 448–468. DOI: [10.1080/02673037.2018.1458291](https://doi.org/10.1080/02673037.2018.1458291)
35. Xie Y., Jin Y. Household Wealth in China. *Chinese Sociological Review*. 2015. Vol. 47. Iss. 3. P. 203–229. DOI: [10.1080/21620555.2015.1032158](https://doi.org/10.1080/21620555.2015.1032158)
36. Yemtsov R. *Housing Privatization and Household Wealth in Transition. Research Paper 2007/002*. Helsinki: UNU-WIDER, 2007. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199548880.003.0015](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199548880.003.0015)

Статья поступила в редакцию: 17.02.2025; поступила после рецензирования и доработки: 26.05.2025; принята к публикации: 30.05.2025.

Received: 17.02.2025; revised after review: 26.05.2025; accepted for publication: 30.05.2025.

# СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.4  
EDN: OUCMJP

**А.А. ПОПЛАВСКАЯ<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».  
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

## **ГИБКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ЖЕЛАЕМОЕ БУДУЩЕЕ ИЛИ ТУМАННАЯ ПЕРСПЕКТИВА? ДИЛЕММЫ РАБОТАЮЩИХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ<sup>1</sup>**

*Аннотация.* Вовлеченность в гибкие форматы занятости выглядит привлекательной в современных реалиях. Молодежь часто представляется как ориентирующаяся на свободный график, удаленную работу и платформенную занятость. При этом социологи предупреждают об обратной стороне гибкости труда, связанной с рисками ненадежности, депрофессионализации, снижения эффективности работы.

В настоящем исследовании проводится анализ предпочтений молодых людей относительно организации их будущей работы. На материалах 38 интервью с имеющими опыт работы студентами бакалавриата разных направлений обучения и регионов выделяются нарративы осмысления проблем выбора формы занятости, связанные не только с анализом контекстуальных возможностей на рынке труда, но и с соотношением работы с собственными жизненной и профессиональной колеями. Нами были выявлены полемические дискурсы (дилеммы), сосредоточенные вокруг проблем продуктивности, удобства и целесообразности гибкости труда. Дилемма профессионализации обращает внимание на противопоставление удобства удаленной работы и относительно более высокой субъективной оценки эффективности труда, возможностей профессионализации в офисе на первых этапах построения карьеры. Дилемма взросления вводит в дискурс представление о жизненной колее работника, который помимо отстраивания эффективности работы из дома начинает переосмысливать понятие «комфорт», в перспективе подразумевающее разделение сфер работы и личной жизни в связи с обретением новых социальных ролей (супружество, родительство). Дилемма «свободной занятости» демонстрирует, что студенты высших учебных заведений, идентифицирующие себя с конкретными специальностями, воспринимают фриланс в качестве временной и несерьезной деятельности, не предоставляющей потенциала для профессионального становления и, соответственно, не входящей в пул долгосрочных карьерных стратегий. Статья полезна для понимания молодежных дискурсов вокруг вопросов организации занятости, а также противоречивости высказываний относительно гибкости труда, что ставит под вопрос повсеместное

---

<sup>1</sup> Автор благодарит анонимных рецензентов журнала за ценные комментарии. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

превозношение ориентации на новые форматы работы и может интерпретироваться как приоритетность вариативности организации труда в разных сферах занятости и на разных жизненных этапах современной молодежи.

*Ключевые слова:* работа; занятость; гибкость труда; организация труда; представления молодежи о будущем; трудовые ориентации; профессионализм; профессиональная колея.

**Для цитирования:** Поплавская А.А. Гибкая организация труда: желаемое будущее или туманная перспектива? Дилемма работающих российских студентов // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 79–95. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.4) EDN: OUCMJP

## Введение

Сегодня в средствах массовой информации можно встретить множество статей на тему приоритетности гибкой организации труда, переориентации занятых интеллектуальным трудом профессионалов на менее структурированные рабочие графики, удаленный и гибридный форматы занятости<sup>2</sup>, а также переосмысления офисной политики работодателей, связанной в том числе со сложностью удержания молодых работников на местах и общим дефицитом квалифицированных кадров<sup>3</sup>, который, впрочем, наблюдается в России уже давно (см., например: [9; 3]). Согласно исследованиям, молодые квалифицированные кадры сегодня чаще меняют работу, чем представители старших поколений в молодом возрасте, и готовы к мобильности ради повышения заработка и позиций [11; 15; 14; 18], а также активнее других групп населения участвуют в платформенной занятости [10].

В научной дискуссии проблема распространения нестандартных форм занятости обсуждается уже около тридцати лет и связывается в основном с вопросами цифровизации и реструктуризации рынка труда [1; 2; 3; 34]. Вопросы наподобие «Сколько часов должен работать человек в связи с автоматизацией рабочих процессов?», «Как часы работы связаны с производительностью труда и качеством жизни?», «Насколько цифровизация способствует или препятствует балансу труда и отдыха, эффективности экономики?» составляют основной пул обсуждаемых тем. В глобальном контексте существует повестка, связанная с инициированием

<sup>2</sup> Разгуляева М., Осипова О. Печеньки и гибкий график. Молодые люди стали придирчивы в выборе работы // Аргументы и факты. AIF.ru. — URL: <https://aif.ru/money/business/pechenki-i-gibkiy-grafik-molodye-lyudi-stali-pridirchivy-v-vybore-raboty> (дата обращения 10.02.2025); Денисова А. Гибкая организация труда важнее заработной платы // Intercomm.Media. — URL: <https://intercomm.media/explore/gibkaya-organizacziya-truda-vazhnee-zarabotnoj-platy/> (дата обращения 10.02.2025); Исследование Jabra: для 59% сотрудников гибкая организация работы важнее, чем зарплата // Cossa. — URL: <https://www.cossa.ru/news/294752/> (дата обращения 10.02.2025).

<sup>3</sup> Игнатова О. За год интерес соискателей к вакансиям с гибким графиком вырос на 79% // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2024/08/26/za-god-interes-soiskatelej-k-vakansiiam-s-gibkim-grafikom-vyros-na-79.html> (дата обращения 10.02.2025); Кушнарев М. Работодатели стали чаще предлагать сотрудникам гибкий график из-за нехватки кадров // Бизнес-секреты. — URL: <https://secrets.tinkoff.ru/novosti/rabotodateli-chashche-predlagaut-sotrudnikam-gibkiy-grafik/> (дата обращения 10.02.2025); Соискатели стали чаще откликаться на вакансии с гибким графиком работы // The HRD. — URL: <https://thehrd.ru/news/soiskateli-stali-chashe-otklikatsya-na-vakansii-s-gibkim-grafikom-raboty/> (дата обращения 10.02.2025).

Международной организацией труда (МОТ) изменений государственной политики в сторону сокращения количества рабочих часов, введения гибкого рабочего графика, а также гибридных форм организации труда, что, согласно докладам, будет способствовать повышению не только уровня удовлетворенности жизнью, но и производительности труда, расцвету инноваций. Таким образом легитимируются практики гибкой организации работы, включающей три составляющие: *гибкость графика, рабочего места и трудовых отношений* [34], что связывается с общим контекстом цифрового, постиндустриального мира.

В эмпирических исследованиях по теме демонстрируется связь между гибкостью труда и повышением удовлетворенности работой и жизнью [22; 36; 20]. Гибкий график благотворно влияет на физическое здоровье работников [32], и, что важнее всего, представители некоторых видов занятости (причем как менее квалифицированной, такой как курьеры или таксисты, так и высококвалифицированной, например IT-специалисты) зарабатывают в разы больше в связи с нестандартными форматами деятельности [22]. Более того, ряд исследований подтверждают идею, что среди сотрудников, практикующих гибкие условия занятости, такие как свободный график, неполные рабочие день или неделя, удаленная работа, гибкий отпуск и т. п., наблюдаются укрепление морального духа, меньший уровень абсентеизма, низкие показатели намерений уволиться, более высокие показатели лояльности фирмам и вовлеченности в рабочие процессы [32; 34; 35; 36].

Однако, несмотря на все позитивные тренды и высокую риторику в сфере гибкости трудовых отношений, их организации во времени и пространстве, социологи высказывают опасения относительно рисков системы «гибкого капитализма». Критика в основном связана с дискурсом автоматизации и обсуждением таких процессов, как снижение спроса на труд, нестабильность работы, незащищенность профессионалов, неопределенность будущего, невозможность получения необходимого для выживания в урбанизированных пространствах заработка, хаотичность режимов труда, отсутствие долгосрочных планов на будущее [33; 26; 17]. Авторы, критически относящиеся к реструктуризации рынка труда, говорят о том, что автоматизация и цифровизация приводят к неуправляемым технологическим изменениям, которые уничтожают рабочие места и целые профессиональные сферы [1; 25], и, более того, на индивидуальном уровне ведут к интенсификации труда, добавляя к выполнению рабочих задач необходимость постоянного поиска последних, вступления в конкуренцию за рабочие места и проекты, что впоследствии приводит к физическому и моральному истощению, а на макроуровне — к уменьшению солидарности и мобилизационных сил трудящихся, а также к отсутствию социальных гарантий со стороны государства [1; 33].

Оценка работником опыта построения гибких карьеры и формата занятости во многом зависит от причин, по которым они возникают. Если переход к нетрадиционному типу занятости инициирован организацией с целью уменьшения издержек по найму персонала и постоянной оплате его труда, безусловно, работники будут терпеть убытки и находиться в незащищенном, прекарном положении [34]. Такие негативные тренды, как неуверенность работника в стабильной занятости и надежном трудоустройстве [37] и — со стороны организаций — отрицательное влияние нефиксированных графиков и удаленной занятости на производительность труда, уменьшение вовлеченности в проекты, невозможность отследить

намерения работника уволиться или уйти в конкурирующую организацию [36; 30], обращают внимание исследователей. Также, например, Лириа Де Менезес и Клэр Келлихер показали, что неформальные гибкие договоренности влияют на производительность труда положительно, а формальное установление удаленного режима, фиксированные договоренности о месте и времени выполнения задач — отрицательно, при том что любой из типов гибкости повышает уровень удовлетворенности работой [30].

Так как мнения относительно гибкости труда зависят от контекста и зачастую противоречат друг другу, важно понять, какой взгляд формируется у молодых людей, будущих специалистов, получивших свой первый опыт занятости (в основном удаленной) в период пандемии COVID-19. В настоящем исследовании мы ставим вопросы: как работающие студенты бакалавриата оценивают перспективы нестандартной занятости, как рационализируют свой выбор за или против гибкости труда? Есть ли у них сомнения относительно организации будущей работы? Какой формат занятости они предпочитают в своих рассуждениях о настоящем и будущем?

## Методология исследования

Исследование выполнено в качественной парадигме, в фокусе — логика оценивания разных форм организации труда работающими студентами высших учебных заведений России.

Эмпирическую базу данных составляют 38 интервью со студентами бакалавриата, проведенные в декабре 2021 г. Одной из особенностей методологии настоящей работы является содержательная взаимосвязь с масштабным количественным опросом студенческой молодежи, который показал, что в целом студенты делятся на две противоположные категории, ориентированные на привычные или на гибкие форматы занятости (желательность построения традиционной/гибкой карьеры; работа из дома/из офиса; положительный/отрицательный выбор гибкого графика среди прочих важных характеристик работы) (см. подробнее: [12, с. 72]). Другая особенность исследования — построение выборки максимальных вариаций, которая квотировалась исходя из результатов количественного этапа исследования и является попыткой представить нарративы потенциальных высококвалифицированных кадров нашей страны. Насколько нам известно, подобных исследований на тему отношения к организации будущей работы пока что не предпринималось.

Описывая выборку, отметим, что все информанты были в возрасте 18–24 лет и уже имели опыт работы. Выборка квотировалась по регионам (16 городов из 6 федеральных округов), направлениям обучения (с преобладанием гуманитарных и инженерно-технических специальностей), а также по гендерной принадлежности информанта с небольшим преобладанием мужчин в выборке (16 женщин и 22 мужчины), что может быть ограничением настоящего исследования. Отметим: в рамках анализа феномена гибкости труда обычно акцентируются различия нарративов мужчин и женщин, однако современные исследования ставят под сомнение данный вывод, говоря о равной распространенности и ценности нестандартных форм занятости для представителей обоих полов (см. подробнее: [21; 31; 23; 27; 8]). Мы также констатируем отсутствие видимых различий в нарративах опрошенных нами молодых мужчин и женщин относительно организации их будущего труда, что может быть связано

с отсутствием значимых различий в жизненных и особенно семейных ситуациях на этапе вхождения в профессию. Соответственно, в разделе с результатами исследования приводим наиболее акцентные для представителей обоих полов нарративы.

Интервью были полуструктурированными, проводились онлайн. Основные блоки гайда посвящались выбору специальности, оценке опыта работы во время учебы, образу будущей работы и рефлексии относительно важности разных ее характеристик и вопросов организации труда. Все интервью транскрибировались вручную, а полученный массив информации анализировался методами открытого, тематического и осевого кодирования. Ввиду широкого теоретического обсуждения в отечественной и зарубежной литературе проблем гибкости труда, а также наличия эмпирического подтверждения ориентации российской молодежи на новые форматы занятости мы пытались найти в собранном материале обоснования в пользу более или менее инновационных форматов занятости (гибкий график, удаленная работа, фриланс). Анализ рассуждений информантов вокруг проблем организации их текущей и будущей работы позволил выявить основные *полевые нарративы*, которые информанты артикулировали, осмыслили и рационализировали в ходе бесед.

## Результаты анализа данных

Собранный эмпирический материал показал, что проблема организации будущей работы осмысливается молодежью в качестве одной из центральных. В рамках ответов на вопрос, что входит в пул наиболее значимых характеристик будущей работы и определяет ее сравнительные преимущества, информанты упоминали гибкий график, возможность удаленной занятости, а также допустимость сочетания подработок и фриланса. Безусловно, все это вторит контексту, в котором молодые люди получают первый опыт работы (COVID-19, появление цифровых платформ, широкие возможности фриланса, акцент на балансе труда и отдыха и т. п.) и не является новой информацией.

Однако в ходе рассуждений информантов выявлялась более сложная, противоречивая логика оценивания нестандартных форм занятости. Помимо важности организационных составляющих будущей работы, нами были выявлены дилеммы, которые студенты пытаются разрешить при выходе на рынок труда, в основном сосредоточенные вокруг *проблем продуктивности, автономии, профессионализации и комфорта*. Эти дилеммы воспринимались не в сиюминутном контексте текущей ситуации на рынке, а, скорее, через призму жизненной перспективы информанта, по терминологии В.И. Ильина — жизненной колеи профессионала<sup>4</sup> (комплекс компетенций и установок, подстраивающихся как под личные потребности и обстоятельства, так и под профессиональное пространство рынка труда) [6].

<sup>4</sup> Введенный В.И. Ильиным термин «профессиональная колея» является методологическим инструментом социолога, позволяющим изучить габитус человека, заставляющий или мотивирующий его идти по определенной профессиональной траектории и ограничивать свою мобильность [6, с. 524]. Профессиональная колея в этом отношении может считаться частным случаем «жизненной колеи» человека, то есть во многом связываться с социокультурным пространством, пониманием своего места в нем, а также зависеть от социальных ролей, которые человек обретает в процессе социализации и под влиянием более широкого круга внешних факторов (например, изменений в социально-политической, экономической ситуации в стране, в мире).

***Дилемма профессионализации:  
конфликт субъективного восприятия продуктивности и комфорта***

В интервью при обсуждении предпочтительных форматов организации будущей работы информантам предлагалось выбрать между офисным типом занятости, ассоциирующимся со строгим распорядком и определенным местом выполнения задач, и работой в удаленном формате, без привязки к месту, времени, коллективу; а также обосновать свой выбор. Согласно результатам анализа, нарративы информантов по этому вопросу были выстроены вокруг соотнесения *рефлексируемого уровня продуктивности* на работе, который оценивался выше именно в связке с очным форматом, коллаборацией с коллегами и руководителями в трудовых коллективах, и *уровнем личного комфорта*, который связывался с работой из дома, отсутствием необходимости ездить в офис, широкими возможностями планирования личной жизни и дел без привязки к строгому рабочему графику. Важно, что данные собирались в постпандемийный период, и у информантов в большинстве кейсов был опыт именно удаленной занятости, который они сравнивали с офлайн-режимом. Информанты признавались, что домашнее пространство не всегда способствовало сосредоточению на задачах и их успешному выполнению, хотя работать из дома по многим причинам было удобнее. В нарративах представлена данная дилемма, которая выражалась во взаимно противоречивых суждениях относительно организационных аспектов труда:

*Гибкость? Я ездил в офис и никому этого не пожелаю. Это ведет к быстрому угасанию. Намного легче находиться в комфортной обстановке, где ты сам можешь управлять своим временем, фокусом внимания... Конечно, развивать людей, которые моложе тебя, в онлайн сложнее... Я думаю, молодому человеку нужно ходить в офис, чтобы развиваться быстрее.* (Интервью 3, мужчина, математические и естественные науки, предприниматель, опыт работы в крупной организации, Москва.)<sup>5</sup>

*Я бы хотел работать из дома, но я понимаю, что дома я работаю хуже, чем, допустим, где-то. Это минус, наверное, для работодателя. Можно в рабочее время делать что угодно.* (Интервью 11, мужчина, гуманитарные науки, административная работа, Москва.)

Согласно высказываниям информантов, очный формат работы благотворно влияет на их интеграцию в профессиональную среду: легче происходит фокусировка на рабочих задачах; создается ощущение причастности к общему делу, появляется чувство коллективной продуктивности; молодые неопытные работники получают быструю обратную связь от коллег и руководителей, что ускоряет процесс принятия решений и позволяет оперативно справляться с возникающими проблемами.

*Дома есть свое настроение. А в офисе рабочая атмосфера, которая мотивирует тебя. Ты видишь людей, которые работают, ты можешь сразу решить какие-то вопросы, у тебя есть отклик. <...> Есть люди (как я), которым*

<sup>5</sup> Цитируя интервью, мы указываем пол, город проживания, специализацию информанта; при наличии значимых различий между направлением обучения и работой информанта указываем также сферу работы.

*нужна четкая дисциплина. Тогда все будет идти в гору. А если, скажем, дать свободы, то наступит прокрастинация. И это всё...* (Интервью 31, женщина, гуманитарные науки, психолог, Подмосковье.)

Отдельно у поддерживающих офисный формат информантов выделялись нарративы об *ответственности работодателя перед своими сотрудниками*, проблеме, которая обсуждается в критических работах об организации труда, акцентирующих внимание на тенденциях передачи рисков по трудоустройству и поиску заказов от работодателя к работнику [33]. Работодатель, во-первых, должен организовать труд своих работников, чтобы они успевали в рабочее, оплачиваемое время выполнять требуемые задачи; во-вторых, обязан предоставить им материальное оснащение (например, технику) и инфраструктуру (например, исправно и быстро работающий Интернет), так как для обеспечения качественных условий труда нужны денежные средства. Лаконично данный аспект представлен в одном из интервью:

*Мне было бы комфортнее работать в офисе. Почему? Для того, чтобы работать из дома, нужна определенная техника. Для того, чтобы обеспечить технику, нужны деньги. Для того, чтобы заработать деньги, нужна работа. Это такой замкнутый круг.* (Интервью 8, мужчина, науки об обществе, сфера услуг, Екатеринбург.)

Безусловно, не все информанты отмечали организованный труд в качестве приоритетного. Были нарративы с обоснованием выбора в пользу гибкого формата занятости, динамичной работы с возможностью *автономно* выстраивать свои временные и пространственные приоритеты. Важно отметить: во внимание в данном случае принимается не столько тайм-менеджмент, сколько то, что профессионалу необходимо *выделять свободное время для творческой перезагрузки и отдыха*, а также *саморазвития и самообучения*. Все это в нарративах информантов связывалось с повышением качества труда, а не с вопросами личного удобства и комфорта. Важно, что такие нарративы были присущи информантам, занятым в сферах социально ориентированного труда, подразумевающего общение с клиентом и решение его проблем (например, лечение, обучение, психологическая помощь и т. п.), то есть в сферах, относящихся к классическому в социологии профессий пониманию профессиональной деятельности [7].

*Если ситуация складывается таким образом, что я понимаю, что будет ущерб моей работе, в смысле ее качеству, то скорее я откажусь от сверхурочной работы и такого [строгого] графика.* (Интервью 2, женщина, гуманитарные науки, психолог, Москва.)

*Все мы знаем, что у нас есть эффект переедания, мы работаем, потом «глаза замыливаются», и ничего не видно... Нужно отвлекаться. Надеюсь, я понятно выражаюсь... Когда ты осуществляешь смену вида деятельности, эффективность работы повышается. То есть поговорили, отвели уроки, покушали, попроверяли, вернулись к урокам с новыми мыслями, с новыми силами, с новыми эмоциями. Поэтому гибкий график здесь — очень классная штука.* (Интервью 19, мужчина, инженерное дело и технические науки, педагог и научный работник, Екатеринбург.)

### ***Дилемма взросления: удобство работы из дома сейчас и намерение перейти к офисному типу занятости в будущем***

Большинство информантов в выборке имели опыт удаленной занятости и гибкого графика работы, так как трудоустроивались в период пандемии и в условиях меняющегося рынка труда или же работали в сферах, где удаленная занятость возможна и уже начинала вводиться работодателями. Информанты подчеркивали, что к гибким условиям труда быстро привыкаешь и они имеют свои безусловные преимущества. Например, сам период выполнения задач занимает не так много часов в течение дня/недели, и оставшееся от работы время можно посвятить собственным делам, саморазвитию и/или отдыху. Все это повышает автономию работника в плане организации собственного труда и зачастую приводит к более своевременному, ответственному, четкому выполнению требуемых работодателем заданий. Конечно, *такие сотрудники хотели бы сохранить возможности гибридной занятости и комфортной работы.*

*Хотелось бы очень гибкость сохранять. Так привычнее. Хотелось бы так: «вот, на, делай», можешь приходить в офис, можешь не приходить, делай [задачу], и всё.* (Интервью 17, мужчина, инженерное дело и технические науки, множественная занятость, Санкт-Петербург.)

*Хоть я в этот день и сходил в театр, но это не освободило меня от того, чтобы изучить весь объем информации.* (Интервью 8, мужчина, науки об обществе, сфера услуг, Екатеринбург.)

При этом в интервью выделялся нарратив о планировании будущего: *изменении жизненной ситуации индивида, а также его семейного положения* в более взрослом возрасте. В этом контексте удобство выстроенного типа нестандартной занятости вызывало сомнения; информанты обоих полов начинали рассуждать о размывании границ между домом и работой, личным и рабочим временем (по теме, которая проблематизируется зарубежными авторами, см., например: [24; 29]). Также упоминались кейсы увеличения продолжительности рабочего дня, переработок во вне рабочее время (по ночам и в выходные дни), проблемы со здоровьем и организацией отдыха.

*...Я могу обнаружить себя через 10 часов: что я не вставала, не ходила даже буквально в туалет. Но я стараюсь с этим бороться. Потому что это на самом деле очень распространено среди программистов, которые практически все работают на удаленке. Это тоже большая проблема: что сложно себя организовывать. Не в том, чтобы начать работать, а в том, чтобы начать **отдыхать**.* (Интервью 16, женщина, медицинские науки, сфера продаж, Воронеж.)

Таким образом, *работа из дома* не виделась потенциальными профессионалами комфортной перспективой на будущее, когда они пройдут этапы взросления<sup>6</sup>. Информанты рассуждали о будущей семье, проблемах совмещения ухода за детьми с занятостью на дому. И офис уже виделся хорошей возможностью разделить

<sup>6</sup> В.В. Радаев считает, что такие события, как достижение финансовой, пространственной и эмоциональной независимости от родителей, в том числе обретение собственной семьи и рождение детей, могут служить индикаторами взрослости человека [14].

сферы личной жизни и работы. Важно, что даже субъективные психологические характеристики (например, отнесение себя к интровертному типу личности<sup>7</sup>) не нивелировали ощущения потенциально негативных последствий размытости пространств дома и работы в связи с взрослением и профессионализацией. В нарративах можно было отметить рассуждения о преимуществах наличия офиса и возможности его посещения время от времени.

*Опять же, вот сейчас я думаю, что удаленка лучше... Но смутные сомнения меня терзают, что все-таки не очень, потому что есть рабочие задачи, а есть домашние. А когда на удаленке дома, всё так сглаживается, сливается — и уже непонятно. Уже хочется в рабочее время отдохнуть, а в свободное время — вечером, там, — что-то поделать, поработать.* (Интервью 24, мужчина, инженерное дело и технические науки, платформенная занятость, Екатеринбург.)

*Да, в нашем случае — это комфорт. У меня есть все условия комфортной работы дома, потому что у меня нет детей, есть своя комната. Но не каждый располагает такими условиями. У кого-то, например, нет даже банального стола, на котором он мог бы разместить оборудование для работы. Поэтому вопрос об удаленке очень индивидуальный.* (Интервью 6, мужчина, инженерное дело и технические науки, инженер, Удмуртия.)

*Мне на это сейчас пофиг. А если будут у меня... дети, наверняка это [наличие офиса] будет важно.* (Интервью 5, мужчина, науки об обществе, аналитик, Москва.)

### ***Дилемма «свободной занятости»: фриланс как временный и «несерьезный» вариант работы***

В одном из наиболее масштабных исследований фрилансеров в России авторы определяют их как высококвалифицированных профессионалов, представителей «свободной занятости» (см. подробнее: [15; 13]). Результаты этих исследований показывают, что фрилансеры привержены внутренним трудовым ценностям, предпочитают независимость, баланс между работой и личной жизнью, демонстрируют сравнительно более высокие уровни удовлетворенности работой и заработной платой по сравнению с офисными работниками [15]. Однако при анализе нарративов интервью со студентами российских вузов, имеющими опыт фриланса во время учебы, выявился иной нарратив, а именно наличие опасений относительно продолжительной вовлеченности во фриланс из-за отсутствия социальных гарантий и необходимости постоянного поиска заказов для поддержания приемлемого уровня дохода. Во время учебы в вузе платформенная занятость воспринимается студентами как хороший вариант подработки, которую можно сочетать с учебой. Однако такой тип занятости в целом кажется не серьезным, а лишь временным, удобным вариантом, приносящим доход.

<sup>7</sup> В рамках отнесения человека к интровертному типу личности мы руководствовались рассуждениями информантов о себе. Например: «...я вообще любитель побыть один, вообще не очень коммуникабельный человек. Удаленка, когда делаешь все сам, никто тебе не мешает, — это прекрасно». (Интервью 24.)

*Фриланс для меня — это не работа, а какая-то подработка. Я бы не назвал это какой-то особо тяжелой, особо времязатратной работой.* (Интервью 11, мужчина, гуманитарные науки, административная работа, Москва.)

Как мы сказали выше, рассуждения о возможности продолжать работать во фрилансе в основном подчеркивают нестабильность данного типа занятости. Во-первых, фрилансеры часто сталкиваются с *непредсказуемостью доходов*. Молодые люди в нарративах отмечали невозможность планирования крупных трат на будущее, таких как, например, покупка квартиры или машины («в один месяц может быть много заказов, а в другой — ни одного»), что создает финансовую нестабильность и затрудняет планирование бюджета. Во-вторых, фрилансеры *не имеют доступа к таким социальным льготам*, обычным для работников организаций, как оплачиваемый отпуск или больничные. Они должны самостоятельно заботиться о своих накоплениях и обеспечивать себе финансовую безопасность на случай болезни или необходимости взять выходной. В-третьих, фрилансерам приходится *самостоятельно выстраивать рабочие графики*. Отсутствие четкого планирования задач может привести к трудностям в управлении временем. Так, некоторые фрилансеры могут слишком увлекаться работой и забывать о личной жизни, в то время как другие испытывают проблемы с самодисциплиной, не могут заставить себя работать.

*Потому что фриланс — это нестабильно. Вот я сейчас работаю на второй работе, типа фриланса, и у меня вот уже третью неделю нет заданий, потому что их нет, всё.* (Интервью 17, мужчина, инженерное дело и технические науки, множественная занятость, Санкт-Петербург.)

*Фриланс — это очень нестабильно. Когда-то деньги есть, когда-то денег нет. Когда-то ты заработал хорошо, отдыхаешь. А потом деньги закончились, и ты в поисках работы мечешься из угла в угол, не знаешь, куда тебе пойти, что делать. Еще фриланс — это же в пенсию не идет, да? Вот эти вот всякие там отчисления. Потом на что я буду жить, если доживу до пенсии? Как-то скорее нет.* (Интервью 24, мужчина, инженерное дело и технические науки, платформенная занятость, Екатеринбург.)

*...Если это какие-то высокие доходы, под 100 и выше тысяч рублей, то, конечно, здесь уже неофициально — это просто небезопасно. Тем более если там какую-то ипотеку оформляют или что-то еще, нужен официальный доход. Поэтому после окончания университета буду переходить на официальное трудоустройство.* (Интервью 16, женщина, медицинские науки, сфера продаж, Воронеж.)

Однако наиболее значимым для социологического осмысления нарративом кажется идея, что фрилансерам для поддержания приемлемого уровня доходов и относительной стабильности заказов приходится постоянно искать клиентов, продвигать свои услуги вовне, а также нести ответственность за результат, так как на начальных этапах они не имеют команды, с которой можно было бы разделить задачи и посоветоваться. Некоторые опрошенные студенты, имеющие опыт работы на фрилансе, начинают ощущать выгорание. Такая занятость воспринимается в качестве не имеющей потенциала к саморазвитию и профессиональному становлению (о чем уже упоминалось в исследованиях платформенной занятости [10, с. 15]).

Так, даже при наличии хорошего заработка, удобства работы онлайн, возможности совмещать оплачиваемую занятость с учебой в университете и/или официальным трудоустройством в интервью со студентами, имеющими более четкие планы на будущее, выделялся дискурс неприятия фриланса как стратегии карьерного развития и отказа от профессиональной стагнации.

*У меня есть пара знакомых, которые работают во фрилансе, и они в целом довольны этим. Я очень рада, что они довольны. Я о себе не думаю как о фрилансере, потому что рекрутерство [профессиональная сфера информанта] во фрилансе странно. А организовывать мероприятия — то, на что меня сейчас тянет, — на фрилансе довольно тяжело. (Интервью 29, женщина, информационные технологии, HR, Москва.)*

*Вот даже сейчас, в 22 года... меня уже начинает бесить, что я кому-то отвечаю в директе в [название социальной сети]. То есть для меня эта **работа максимум до четвертого курса...** Работать в телефоне, делать сторис — это несерьезно. Для меня это **стагнация**. <...> Соответственно, я понимаю, что мне хочется решений каких-то сложных задач. Наверное, многие люди хотят стать врачами, потому что хотят решать сложные задачки в жизни. **Я хочу, чтобы мой мозг работал. Мне это нравится.** (Интервью 7, женщина, здравоохранение и медицинские науки, опыт работы в SMM, Москва.)*

В связи с этим важно выделить нежелание потенциальных профессионалов тратить силы и время на поиск заказов, клиентов, рекламирование своих услуг. Теоретически можно это описать как отказ от идеи коммодификации себя, «продажи персонального бренда на рынке» [28, р. 312–318], то есть сопротивление логике маркетизации. Опрошенные апеллировали к таким смыслам профессиональной деятельности, как саморазвитие, а также социально значимый вклад, что не всегда позволяет фриланс-занятость (см. подробнее: [13]). Особенно ярко данный нарратив выявлялся в рамках общения со студентами, которые учились или работали по профессиям врача, учителя.

## Заключение

Проблема организации труда является одной из наиболее обсуждаемых сегодня. Она встроена в дискуссии о понятиях достойной жизни и работы, а также в общий дискурс цифровизации и реструктуризации современных рынков. Осмысление организации труда молодыми людьми является важной темой ввиду того, что многие работодатели уже меняют свою политику, подстраиваясь во многом под современную молодежь или ее образ.

Но в рамках непосредственного общения с молодыми людьми, их рассуждений, вопреки ожиданиям, нами были выявлены противоречивые дискурсы на тему организации труда. Будущие российские профессионалы если не настроены критично, то уверенно артикулируют внутренние дилеммы и проблемы, с которыми сталкиваются сейчас и могут столкнуться при выборе гибкого формата работы в будущем. Так, меняющийся, хаотичный, неопределенный режим работы кажется опрошенным студентам временным вариантом, не лучшим как на первых этапах профессионального становления (по причине не слишком высокой продуктивно-

сти, невозможности полностью интегрироваться в среду, получить знания и опыт), так и в будущей жизни потенциально семейных работников (из-за трудностей разделить сферы работы и личной, семейной жизни, выстроить профессиональную и жизненную колеи).

В исследовании были выделены три основных полемических дискурса: (1) *дилемма профессионализации*, которая связывалась с внутренним конфликтом между субъективным восприятием гибкой занятости в качестве комфортного и выгодного варианта работы и ощущениями более высокой продуктивности и лучших возможностей профессионализации в рамках очного формата занятости; (2) *дилемма взросления*, которая проявлялась в привычке к удаленной занятости, выстроенным стратегиям эффективного выполнения текущих задач вне офиса, сочетавшаяся, однако, с четкими намерениями перехода к офисной занятости в связи с взрослением, обретением семьи, особенно детей, и желанием разделять сферы личного и рабочего в будущем, то есть с изменением понимания «комфорта» (от субъективного ощущения удобства работы из дома к позиционированию офисного или гибридного формата занятости в качестве «комфортных»); (3) *дилемма свободной занятости*: информанты оценивали опыт фриланса как выгодный и удобный, но, однако, связывали его с острыми проблемами нестабильности, переработок, ненадежности заказов и оплаты труда, а главное — с необходимостью постоянной маркетизации себя, то есть убеждения окружающих в качестве своих услуг и открытой продажи труда на рынке.

Несмотря на доминирующие нарративы об ограничениях гибкости организации труда и дилемм, с нею связанных, часть информантов склонялись к выстраиванию менее структурированных режимов труда как *необходимого условия качественного выполнения своей работы*. Важно, что в нашей выборке *установка на гибкость, ассоциирующаяся с повышением личной эффективности труда*, проявлялась среди студентов и работников социально ориентированных сфер деятельности (например, медицина, преподавание, психология и т. п.), что объединяет их в категорию *работы заботы*, которая характерна для *социально направленного труда*, требующего не только временных затрат, но и моральных, эмпатических ресурсов (см. подробнее: [5; 18]), а также ощущения *автономии*; всё это, согласно социологии профессий, является основными характеристиками профессиональной деятельности [7].

Мы также подчеркиваем два значимых ограничения настоящего исследования, которые связаны с молодым возрастом информантов, со схожестью их карьерных траекторий и жизненных ситуаций (отсутствие семьи и детей), а также с некоторым преобладанием мужских нарративов в выборке, что может делать результаты смещенными. Однако нам все равно кажется важным осмысление выявленных дилемм потенциальных профессиональных кадров относительно организационных аспектов труда, а также отсутствие бесспорной ориентации на гибкость, как порой это отражается в научной литературе и СМИ. Таким образом, исследование показало приоритетность разных форматов работы для молодых людей на разных этапах их жизненной и профессиональной социализации, а также ориентированность на стабилизацию организационных аспектов работы в будущем.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

**Поплавская Анита Андреевна** — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-9590, \*12473. **Электронная почта:** aroplavskaya@hse.ru

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 2. P. 79–95. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.4**

Research Article

**ANITA A. POPLAVSKAYA<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> HSE University.

11, Myasnitskaya st., 101000, Moscow, Russian Federation.

### **FLEXIBLE WORK ARRANGEMENTS AS A DESIRED FUTURE OR A VAGUE PROSPECT: DILEMMAS OF WORKING RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS**

*Abstract.* Flexible employment arrangements seem to be an attractive proposition in the modern labor market. Young people are often seen as focused on a flexible schedule, remote work and platform employment. At the same time, sociologists warn about the downsides of flexibility associated with the risks of precarity, deprofessionalization and decreased work efficiency.

This study analyzes the preferences of young people regarding the organization of their future work. Based on the materials of 38 interviews with working undergraduate students in different fields of study and from different regions, narratives of understanding the problems of choosing a form of employment are highlighted, associated not only with the analysis of contextual opportunities in the labor market, but also with the correlation of work with one's own life and professional trajectories. We identified dilemmas centered on the problems of productivity, convenience, and the rationality of flexible work arrangements. The "professionalization dilemma" draws attention to the contrast between the convenience of remote work and the relatively higher subjective assessment of work efficiency and professionalization opportunities in the office during early stages of the career-planning process. The "dilemma of maturation" introduces the life trajectory of an employee into the discourse. Respondents, in addition to the established efficiency of working from home, begin to rethink the concept of "comfort", which in the long run implies separating the realms of work and personal life and is tightly connected to acquiring new social roles (marriage, parenthood). The dilemma of "free employment" demonstrates that students receiving tertiary education at Russian universities who identify themselves with specific specialties perceive freelancing as a temporary and frivolous activity that does not provide the potential for professional development, and, as such, is not included in the pool of long-term career strategies. The article is useful for understanding youth's discourses around preferred work arrangements, as well as the inconsistency of their statements regarding work flexibility, which taken as a whole questions the general prioritization of new types of employment and can be interpreted as the priority of variable work arrangements for various professional groups, and at different stages of the modern youth's maturation.

*Keywords:* work; employment; flexible work; work arrangements; youth's future orientations; career plans; professionalism; professional trajectory.

**For citation:** Poplavskaya, A.A. Flexible Work Arrangements as a Desired Future or a Vague Prospect: Dilemmas of Working Russian University Students. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 79–95. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.4

**Acknowledgment.** I express my gratitude to the anonymous reviewers of the Sociological Journal for valuable comments. The study was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Anita A. Poplavskaya** — Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90, ext. 12473. **Email:** apoplavskaya@hse.ru

## ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Бенанав А.* Автоматизация и будущее труда // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23. № 3. С. 92–108. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-3-92-108](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108) EDN: PCUPSS  
Benanav A. Automation and the Future of Work (excerpt). *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2022. Vol. 23. No. 3. P. 92–108. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-3-92-108](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-92-108) (In Russ.)
2. *Бобков В.Н.* Гибкая занятость: путь к хаосу или новая модель устойчивости рынков труда? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. Т. 3. № 209. С. 7–17. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10022](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10022) EDN: YMRENF  
Bobkov V. N. Flexible employment: a path to chaos or a new model of labor market sustainability? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2018. Vol. 3. No. 209. P. 7–17. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10022](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10022) (In Russ.)
3. *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* (ред.). *Нестандартная занятость*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. — 16 с.  
Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (eds.). *Non-standard employment*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2006. 16 p. (In Russ.)
4. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л.* Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2007. Т. 11. № 22. С. 163–199. EDN: IAEVNX  
Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Lukyanova A.L. Demand for labor and qualifications in industry: between shortage and surplus. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2007. Vol. 11. No. 22. P. 163–199. (In Russ.)
5. *Гребер Д.* Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. А. Арамяна, К. Митрошенкова. М.: Ad Marginem Press. 2021. — 368 с.  
Graeber D. *Bullshit Jobs: A Treatise on the Spread of Meaningless Labor*. Transl. from Eng. by A. Aramian, K. Mitroshenkov. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2021. 368 p. (In Russ.)
6. *Ильин В.И.* Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 4. С. 515–528. EDN: VSDBHT  
Ilyin V.I. Profession as an individual life path: conceptualization of the category. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2015. Vol. 13. No. 4. P. 515–528. (In Russ.)
7. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // *Социологические исследования*. 2009. Т. 8. С. 36–46. EDN: KTUKMN  
Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Sociology of professions. History, methodology and practice of research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. Vol. 8. P. 36–46. (In Russ.)
8. *Монусова Г.А.* Работа дома и вне: условия труда и внерабочее время // *Вопросы экономики*. 2021. Т. 12. С. 118–138. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-12-118-138](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-118-138) EDN: QMRACU  
Monusova G.A. Working at home and outside: Working conditions and non-working hours. *Voprosy ekonomiki*. 2021. Vol. 12. P. 118–138. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-12-118-138](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-118-138) (In Russ.)

9. *Мортиков В.В.* Управление персоналом в условиях дефицита кадров // Вопросы управления. 2022. Т. 1. № 74. С. 73–86. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-1-73-86 EDN: [RWUORM](#)  
Mortikov V.V. Personnel management in conditions of personnel shortage. *Voprosy upravleniya*. 2022. Vol. 1. No. 74. P. 73–86. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-1-73-86 (In Russ.)
10. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 EDN: [FILRJK](#)  
*Platform employment in Russia: scale, motives and barriers to participation: analytical report*. O.V. Sinyavskaya, S.S. Biryukova, E.S. Gorvat, D.E. Kareva, D.A. Stuzhuk, K.O. Chertenkov; Nat. research. University “Higher School of Economics”. Moscow: National Research University Higher School of Economics publ., 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7 (In Russ.)
11. Поколение Z и рынок труда в России. М.; СПб.: Hays plc., 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения: 26.12.2024. URL: [https://hrm.idexgroup.ru/upload/hrm/Hays\\_Исследование\\_ПоколениеZ.pdf](https://hrm.idexgroup.ru/upload/hrm/Hays_Исследование_ПоколениеZ.pdf)  
*Generation Z and the labor market in Russia*. Moscow; St. Petersburg: Hays plc. 2019. Accessed 26.12.2024. URL: [https://hrm.idexgroup.ru/upload/hrm/Hays\\_Исследование\\_ПоколениеZ.pdf](https://hrm.idexgroup.ru/upload/hrm/Hays_Исследование_ПоколениеZ.pdf) (In Russ.)
12. *Поплавская А.А.* Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 1. С. 61–86. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86 EDN: [QAGWCK](#)  
Poplavskaya A.A. Future Work Through the Eyes of Russian University Students: Regional Differentiation of the Work Vision. *Mir Rossii*. 2023. Vol. 32. No. 1. P. 61–86. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86 (In Russ.)
13. *Поплавская А.А.* Фриланс — свобода «от» или «для»? Рецензия на книгу: Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022 // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 170–182. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8 EDN: [JWUQRM](#)  
Poplavskaya, A.A. Freelance — Freedom “from” or “for”? Book Review: Strebkov D.O., Shevchuk A.V. What do we know about Freelancers? *Sociology of Free Employment*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2022. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 170–182. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.8 (In Russ.)
14. *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 EDN: [STOTFS](#)  
Radaev V.V. *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2019. 224 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 (In Russ.)
15. *Решетников О.В.* Поколение Z и недалекое будущее рынка труда // Школьные технологии. 2014. Т. 1. С. 58–71. EDN: [RXXHSB](#)  
Reshetnikov O.V. Generation Z and the near future of the labor market. *Shkol'nye tekhnologii*. 2014. Vol. 1. P. 58–71. (In Russ.)

16. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 527 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-2722-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1) EDN: GYGZLX  
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2022. 527 p. DOI: [10.17323/978-5-7598-2722-1](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1)
17. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / [Пер. с англ. Н. Усовой]. М.: Ad Marginem, 2014. — 326 с.  
Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem publ., 2014. 326 p. (In Russ.)
18. Якимова З.В., Масилова М.Г. Поколение Z как потенциальный сегмент рынка труда // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 341–345. EDN: ICXJOB  
Yakimova Z.V., Masilova M.G. Generation Z as a potential segment of the labor market. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 341–345. (In Russ.)
19. Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. «Не мужское это дело...». Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 74–82.  
Yarskaya V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. “This is not a man’s business...”. Gender analysis of presence in the social sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. No. 6. P. 74–82. (In Russ.)
20. Allen T., Johnson R., Kiburz K., Shockley K. Work-Family Conflict and Flexible Work Arrangements: Deconstructing Flexibility. *Personnel Psychology*. 2013. Vol. 66. P. 345–376. DOI: [10.1111/PEPS.12012](https://doi.org/10.1111/PEPS.12012)
21. Atkinson C., Hall L. The role of gender in varying forms of flexible working. *Gender, Work & Organization*. 2009. Vol. 16. No. 6. P. 650–666. DOI: [10.1111/j.1468-0432.2009.00456.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0432.2009.00456.x)
22. Chen K., Rossi P., Chevalier J., Oehlsen E. The Value of Flexible Work: Evidence from Uber Drivers. *Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 127. No. 6. P. 2735–2794. DOI: [10.1086/702171](https://doi.org/10.1086/702171)
23. Chung H. Gender, flexibility stigma and the perceived negative consequences of flexible working in the UK. *Social indicators research*. 2020. Vol. 151. No. 2. P. 521–545. DOI: [10.1007/s11205-018-2036-7](https://doi.org/10.1007/s11205-018-2036-7)
24. Chung, H., Van der Lippe, T. Flexible working, work-life balance, and gender equality: Introduction. *Social indicators research*. 2020. Vol. 151. No. 2. P. 365–381. DOI: [10.1007/s11205-018-2025-x](https://doi.org/10.1007/s11205-018-2025-x)
25. Frey C.B. *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 480 p.
26. Kalleberg A.L. *Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s–2000s*. N.Y.: Russell Sage Foundation, American Sociological Association Rose Series in Sociology, 2011. 292 p.
27. Kelly E., Moen P. *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. Princeton: Princeton University Press. 2020. 336 p.
28. Lair D.J., Sullivan K., Cheney G. Marketization and the recasting of the professional self: The rhetoric and ethics of personal branding. *Management communication quarterly*. 2005. Vol. 18. No. 3. P. 307–343. DOI: [10.1177/0893318904270744](https://doi.org/10.1177/0893318904270744)

29. Lott Y. Does flexibility help employees switch off from work? Flexible working-time arrangements and cognitive work-to-home spillover for women and men in Germany. *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 151. No. 2. P. 471–494. DOI: [10.1007/s11205-018-2031-z](https://doi.org/10.1007/s11205-018-2031-z)
30. Menezes L., Kelliher C. Flexible Working, Individual Performance, and Employee Attitudes: Comparing Formal and Informal Arrangements. *Human Resource Management*. 2017. Vol. 56. P. 1051–1070. DOI: [10.1002/HRM.21822](https://doi.org/10.1002/HRM.21822)
31. Munsch C. Flexible Work, Flexible Penalties: The Effect of Gender, Childcare, and Type of Request on the Flexibility Bias. *Social Forces*. 2016. Vol. 94. No. 4. P. 1567–1591. DOI: [10.1093/SF/SOV122](https://doi.org/10.1093/SF/SOV122)
32. Shifrin N., Michel J. Flexible work arrangements and employee health: A meta-analytic review. *Work and Stress*. 2021. Vol. 36. P. 60–85. DOI: [10.1080/02678373.2021.1936287](https://doi.org/10.1080/02678373.2021.1936287)
33. Snyder B.H. *The disrupted workplace: Time and the moral order of flexible capitalism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 264 p.
34. Spreitzer G.M., Cameron L., Garrett L. Alternative work arrangements: Two images of the new world of work. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2017. Vol. 4. No 1. P. 473–499. DOI: [10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332](https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113332)
35. Tsen M., Gu M., Tan C., Goh S. Effect of Flexible Work Arrangements on Turnover Intention: Does Job Independence Matter? *International Journal of Sociology*. 2021. Vol. 51. P. 451–472. DOI: [10.1080/00207659.2021.1925409](https://doi.org/10.1080/00207659.2021.1925409)
36. Wheatley D. Employee satisfaction and use of flexible working arrangements. *Work, Employment & Society*. 2017. Vol. 31. P. 567–585. DOI: [10.1177/0950017016631447](https://doi.org/10.1177/0950017016631447)
37. Wysocka M. Advantages and Disadvantages of Flexible Forms of Employment in the Opinion of Employees. *Olsztyn Economic Journal*. 2019. Vol. 14. P. 369–381. DOI: [10.31648/oiej.4932](https://doi.org/10.31648/oiej.4932)

Статья поступила в редакцию: 18.02.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.03.2025; принята к публикации: 21.03.2025.

Received: 18.02.2025; revised after review: 18.03.2025; accepted for publication: 21.03.2025.

# СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.5

EDN: QEKKWG

**И.А. САВЕЛЬЕВ<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр.1.

## ПОЛИСУБЪЕКТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

*Аннотация.* В статье обосновывается необходимость введения в социологию управления общенаучной категории «полисубъектность», проясняется ее социологическое содержание как категории постнеклассической рациональности, показывается ее роль в объяснении институционализации управления, выделяются основные подходы к пониманию полисубъектности.

Дается определение полисубъектности как системы регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. По мнению автора, эта категория позволяет описать разнообразие и динамику социальной среды, которая формируется в процессе диалога управляемых субъектов, являющихся носителями разнообразных ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и находящиеся во взаимосвязи с другими субъектами социального действия. Полисубъектность признается важнейшей причиной изменения социального порядка, а также фактором социального развития, без понимания которых невозможно повышение жизнеспособности социальной системы. Фиксируются свойства и проявления полисубъектности в практике социального управления. Доказывается, что полисубъектность — это условие и одновременно результат полисубъектного управления, то есть управления через среду. Обозначаются дальнейшие исследовательские перспективы применения категории полисубъектности, в частности, вопрос об универсальности полисубъектности как фактора эффективности управления региональным развитием.

Автором использованы результаты междисциплинарного изучения полисубъектности и показано его значение для социологии, равно как и важность социологического исследования полисубъектности для других социогуманитарных наук.

*Ключевые слова:* полисубъектность; социология управления; постнеклассическая рациональность; онтологические основания полисубъектности; гносеологические основания полисубъектности; полисубъектная среда управления; полисубъектное управление.

**Для цитирования:** Савельев И.А. Полисубъектность как категория социологии управления // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 96–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.5 EDN: QEKKWG

## Постановка проблемы

На наш взгляд, научное познание явлений управления сегодня может быть плодотворным только с позиций постнеклассической науки [15, с. 125]. Именно постнеклассическая рациональность, делая акцент на субъект-субъектных отношениях, не обходит стороной и классические субъект-объектные отношения. Однако фокусом внимания в таком случае становятся «человекоразмерные системы», рефлексия над которыми осуществляется в субъект-полисубъектной парадигме [8; 9].

В связи с этим для социологии и социологии управления актуальной задачей является обоснование введения категории полисубъектности, точнее, ее перевода из общенаучной плоскости в социологическую для последующей аналитики институционализации управления.

Научная проблема определяется необходимостью поиска нового знания относительно социологических категорий, фиксирующих и описывающих институционализацию управления в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. Этот процесс подразумевает также соответствующую трансформацию категориальной матрицы социологии управления, важнейшими задачами которой остаются фиксация и соответствующая интерпретация факторов, обуславливающих динамику этой институционализации.

В свое время А.В. Тихонов отмечал, что история зрелого индустриального общества приходится на период с 1870-х гг. до примерно 1960-х гг. В это время складывалась функциональная для него парадигма управления, которая, по сути, является производной классической рациональности, выстраивания отношений в кибернетической схеме субъект-объектного управления [15, с. 45]. В то же время в период перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу начала проявляться тенденция к формированию новой парадигмы управления: вопросы объединения организации и самоорганизации стали рассматриваться как доминирующий способ регуляции общественных отношений; наметились тенденции изучения условий перехода от синкретизма «власти – собственности – управления» к синкретизму «самоорганизации – управления – организации». На наш взгляд, категория «полисубъектность» в интерпретации этого процесса с позиции постнеклассической рациональности может значительно обогатить категориальную матрицу социологии управления: воспроизводство социального порядка и анализ нового синкретизма как доминирующего способа регуляции невозможны без учета полисубъектности.

## Категории «полисубъектность» и «полисубъектное управление» в междисциплинарном ракурсе

Предлагаем понимать под полисубъектностью (множественной субъектностью) прежде всего категорию, описывающую разнообразие и динамику социальной среды, формируемой в процессе диалога управляемых субъектов, являющихся носителями разнообразных ценностно-целевых структур, обладающих определенными ресурсами и находящимися во взаимосвязи с другими субъектами социального действия.

Подчеркнем, что речь идет о реальном, эмпирически фиксируемом наличии субъектов управленческой деятельности в пространстве социального взаимодействия, обладающих ценностными ориентирами, интересами и ресурсами, включенных в многочисленные спонтанные и целенаправленно осуществляемые управленческие отношения и способных к самоорганизации. В ходе этих взаимодействий возникает особая полисубъектная среда, имеющая собственную субъектность, не учитывать которую в воспроизводстве социального порядка все сложнее. Для социологии управления, одной из предметной направленности которой является соотношение спонтанных и целенаправленных процессов, введение и дальнейшая разработка категории полисубъектности обретает дополнительную актуальность.

Кроме того, учет полисубъектности как фактора социального развития, условия и одновременно результата полисубъектного управления может применяться в качестве социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений в различных областях. Ведь такая экспертиза должна включать оценку социально значимых проектов, принимаемых на долгосрочную перспективу, с точки зрения их соответствия интересам человека, социальных групп, вовлекаемых в определенные процессы, населения страны [16, с. 98]. Управленческие решения в большинстве случаев касаются большого числа социальных субъектов — носителей ценностно-целевых структур, обладающих различными ресурсами и разной степенью субъектности (бессубъектности), поэтому в перспективе категориальный конструкт полисубъектности сможет позволить разработать систему социологического мониторинга состояния и динамики полисубъектных сред, определить барьеры формирования полисубъектности, учесть полисубъектный фактор в социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений.

Следовательно, важнейшим основанием для разработки категории полисубъектности является прежде всего понятие «полисубъектная среда управления», то есть социальная среда, субъектами-компонентами которой выступают сложные, открытые комплексы, объединяющие различные типы носителей ценностно-целевых установок (структур): отдельные личности, социальные группы, общности, организации. Проблемы определения границ, внешних и внутренних факторов динамики полисубъектных сред, их «веса» в воспроизводстве социального порядка также представляются перспективным направлением исследований в рамках социологии управления.

Таким образом, необходимо отметить междисциплинарный характер проблематики полисубъектности. Подобный подход к полисубъектности и полисубъектному управлению начал складываться уже в неклассической научной рациональности в результате междисциплинарных взаимодействий кибернетики второго порядка с различными областями как естественных (физика, биология), так и социальных, гуманитарных (экономика, психология, педагогика, социология) наук, а также с философией. В контексте постнеклассической рациональности, объектом исследования которой становятся саморазвивающиеся системы, роль междисциплинарности возрастает.

Вкратце проследим эволюцию категории полисубъектности и связанной с ней аналитики. Идея полисубъектной среды управления является следствием развития теории управляемого хаоса (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, С. Манн, Р. Том, В.И. Арнольд, С. Курдюмов), которая делает акцент на нелинейном поведении субъектов и статистически описывает тенденции большого числа взаимодействующих объектов и факторов. В дальнейшем значительный вклад в понимание полисубъектной среды управления внесли наработки российских философов (В.С. Степин, В.И. Аршинов, В.Е. Лепский и др.), специалистов в области синергетики и сложных систем.

Важная работа по исследованию полисубъектных сред была проведена в рамках кибернетики второго порядка Х. фон Фёрстера, сменившей акцент с «наблюдаемых систем» на рассмотрение «наблюдающих систем» (Фёрстер) и способствовавшей постепенному переходу от «субъект-объектной» к «субъект-субъектной» парадигме научной рациональности (которая также включает субъект-объектные отношения, но фокусируется на взаимном представлении субъектами друг друга). Кибернетика третьего порядка (В.Ф. Турчин, С. Амплеби и др.), или кибернетика полисубъектных рефлексивно-активных сред, реализует тезис постнеклассической науки: «от наблюдаемых систем к саморазвивающимся системам» [9]. Здесь важно отметить, что саморазвивающаяся полисубъектная среда, включающая наряду с самими субъектами и их взаимодействиями ценностно-целевые и ценностно-смысловые структуры, может рассматриваться как особый — третий — субъект (выходящий за рамки субъект-субъектного отношения), являющийся отдельным, самостоятельным фактором развития.

Разработка категории полисубъектности имеет давние социально-психологические и педагогические традиции (Д.А. Леонтьев, К.К. Платонов, М. Рокич, Д.Н. Узнадзе, В.А. Петровский и др.). Многие аспекты — например, место и роль ценностных ориентаций в структуре личности субъекта — отражены и в социологических работах (А.В. Кирьякова, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др.). В частности, В.А. Ядов в докладе на открытии III Всероссийского социологического конгресса (21 октября 2008 г.) отмечал, что тенденцию общего вектора развития цивилизации можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания. Реальный же вектор — это результирующая действий многих агентов подобно сложению физических сил, приложенных к одной точке [17, с. 10]. В то же время в современной социологии отсутствует теоретико-методологическая традиция использования категории полисубъектности в контексте постклассической рациональности.

Сложно отрицать тот факт, что усилия разных управляемых субъектов, участвующих в процессах управления, далеко не всегда когерентны, а выстраивание координации, улучшение организации контроля на основе обратной связи и реализация других функций управления невозможны без учета полисубъектной проблематики. По нашему мнению, наиболее перспективным основанием концептуализации феномена полисубъектности в плане реализации функций управления является теория персонифицированной социокультурной модели управления А.В. Тихонова. Согласно этой модели совместная деятельность рассматривается как элементарная составляющая социальности, а полисубъектное взаимодействие

характеризуется опорой на субъект-субъектные отношения в ситуации создания связей с другими полисубъектами и общностями иных типов. Субъекты, входящие в эту общность, оказываются способными рассматривать как субъектную целостность и себя, и свою общность, и другие общности.

Дальнейшая разработка концепции «социокультурного тела», в рамках которой методологически предусмотрена логико-онтологическая схема конфигурации персонифицированного социокультурного образования при помощи сознательного установления между действиями людей причинно-следственных связей, может быть продолжена с помощью категорий полисубъектности (механизмы и факторы соорганизации деятельности субъектов в полисубъектной среде, мера доминирования и интенциональность этих субъектов) в контексте саморазвивающейся полисубъектной среды и проч. Как отмечалось, объединение организации и самоорганизации все чаще стало рассматриваться как доминирующий способ регуляции общественных отношений и воспроизводства социального порядка, что подразумевает полисубъектный подход.

Это справедливо в связи с познавательной ситуацией (установкой) исследователя, соответствующей постнеклассической научной рациональности и позволяющей фиксировать реальность существования и взаимной обусловленности различных субъектов, связей между ними. В первую очередь это касается субъектов управленческой деятельности, обладающих свойством «человекоразмерности», ценностно-целевыми структурами и создающих особую среду управления.

Действительно, по В.С. Степину, для постнеклассического типа научной рациональности характерны изучение сложных, «человекоразмерных» систем, а также включение ценностного измерения в сам познавательный процесс, междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Он же отмечал среди прочих признаков постнеклассической рациональности особенности системной организации объектов науки [14, с. 45].

Полисубъектность в перспективе может стать категорией постнеклассической социологии, адекватной для объяснения развития «человекоразмерных» систем, ведь все «социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем» [14, с. 49]. Как отмечает в связи с этим А.П. Давыдов, «основная социальная роль поворота эпистемологии и социологии к человеку в XX–XXI вв. — способность Я через индивидуальное взаимодействие с Другим формировать “текущую современность” (термин З. Баумана), общество перемен, такое коллективное единство, в котором, с одной стороны, происходит постоянная виртуальная и реальная дифференциация социального, а с другой — через новые синтезы происходит становление в обществе обновляющегося социального разнообразия как формы социокультурной солидарности, динамичного развития» [5, с. 145].

С позиции социологии управления в таких типах саморазвивающихся социальных систем априори встроен социокультурный механизм управленческой регуляции, отвечающий за сохранение целостности образования и его сбалансированное развитие. Согласно В.Е. Лепскому, в таких системах под управлением понимается не жесткое командование, но «управление через среду», управление «через механизмы сборки субъектов», формируется управленческая парадигма «субъект — саморазвивающаяся полисубъектная среда». Заслугой В.Е. Лепского

является указание на тот факт, что организация взаимодействия субъектов между собой и со средой определяется соответствующей системой онтологий: онтологии «сопровождение» (организация устоявшихся видов деятельности субъектов и обеспечение их жизнедеятельности), онтологии «поддержка» (организация преодоления разрывов устоявшихся видов деятельности субъектов), онтологии «развитие» (разработка стратегического целеполагания и организация развития всех видов деятельности), онтологии «конструирование» (организация разработки новых видов деятельности и новых субъектов), онтологии «внедрение» (организация внедрения инновационных проектов новых видов деятельности) [9, с. 14–15]. Таким образом, полисубъектность означает, что объект и система управления сливаются в единое целое — в саморазвивающуюся рефлексивно-активную среду.

На наш взгляд, феномен полисубъектности можно обнаружить практически во всех сферах общественной жизни. В практике социального управления полисубъектность проявляется во взаимодействии регионов и федерального центра; в контексте функционирования различных уровней (звеньев) властно-управленческой вертикали, генерирующих различные формы и механизмы управления в режиме/диапазоне полисубъектности; взаимодействия гражданского общества и государства. В экономике полисубъектность прослеживается, в частности, во взаимодействии государства с малыми и средними предприятиями в условиях рынка. В сфере образования — это комплексное взаимодействие учеников, педагогов, родителей, администрации учебных заведений в учебном процессе и пр. Особое внимание уделялось различным аспектам полисубъектности в отечественной психологии. В частности, В.А. Петровским в рамках теории деятельностной интерпретации межличностных отношений рассмотрены уровни-слои внутригрупповых отношений, а также формируемые в зависимости от целей совместной деятельности личностно-деловые, приватные, эмоционально-личностные отношения. Выделены ядерный, межличностный и поверхностные слои групповых взаимодействий [11, с. 6], что представляет несомненный интерес для дальнейшего изучения структурных аспектов полисубъектных сред.

Можно говорить и о полисубъектности международных отношений, организации полисубъектного взаимодействия в социокультурном проектировании городского пространства и т. д. Во всех этих и других областях мы вправе ставить вопрос о доминирующем субъекте (федеральный центр, правительство, администрация школы, педагог и проч.), а также о степени его доминирования.

В контексте полисубъектности доминирующим является индивидуальный или коллективный субъект управления, уполномоченный принимать стратегические и оперативные решения относительно форм и методов функционирования и развития системы управления (среды), контролировать исполнение решений. При этом объекты воздействия доминирующего субъекта — не столько другие управляемые субъекты, сколько отношения, связи и взаимодействие участников совместной деятельности. Это взаимодействие управляемых субъектов постепенно не просто становится объектом воздействия, оно приобретает собственную субъектность, не считаться с которой доминирующий субъект не может. Деятельность доминирующего субъекта будет эффективной, если у него есть фиксированные права и обязанности, нормативно-ценностная база деятельности, легитимность, ресурсы (материальные, временные и иные), а также социально значимые качества: авторитет, уверенность в себе, репутация.

Графически управление часто уподобляется конусу, в котором круг-основание символизирует горизонтальные, партнерские отношения субъектов, равноудаленных от центра, — гетерархию, а идущая вверх от центра прямая — властно-управленческую вертикаль, возникшую еще в потестарных обществах и символизирующую неравенство и наличие доминирующего субъекта, который может быть как индивидуальным, так и групповым. Однако, в отличие от власти, подразумевающей субъект-объектное, командное воздействие, управление основано на субъект-субъектном подходе. Вопрос об онтологическом статусе доминирующего субъекта управления в полисубъектной среде требует дальнейшего уточнения. Пока же следует отметить, что, в отличие от субъекта власти, субъект управления значительно усложнился в соответствии с институционализацией самого управления, прошедшего пять «управленческих революций», последней из которых считается «революция менеджеров».

Следовательно, мера доминирования субъекта зависит от таких факторов, как личностные характеристики, уровень владения социально-управленческими компетенциями и ресурсами самого субъекта, характеристики управляемых субъектов, социальный (политический, экономический, социокультурный) контекст, а также от состояния полисубъектной среды (степень взаимной обусловленности управляемых субъектов, уровень когерентности их усилий, наличие конкуренции и пр.). Мера и масштаб доминирования субъекта в условиях меняющейся полисубъектной среды являются важнейшей проблемой социологии управления. Поэтому реальная полисубъектность — это условие и одновременно результат полисубъектного управления, или управления через среду.

Таким образом, онтологическим основанием полисубъектности является саморегуляция развивающихся сложных систем, для которых с позиции синергетики характерны следующие свойства: открытость, процессуальность, нередуцируемость системной целостности к свойствам элементов. Причем саморегуляция этих систем меняется в теории динамического хаоса на основе фазовых переходов. И при описании воспроизводства сложных систем в их взаимодействии со средой, и при описании эволюционных процессов, связанных с усложнением самих систем, современная «синергетика обязательно фиксирует определенную долю хаоса, неустойчивости, неопределенности выбора будущих сценариев развития», на которые наше наблюдение неустранимо влияет [2, с. 96–97]. Гносеологическим основанием выделения данной категории является постепенная смена научной рациональности и ее переход на постнеклассический уровень с соответствующей категориальной матрицей.

## **Социолого-управленческий аспект полисубъектности**

В социологии управления под полисубъектностью можно понимать и систему регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и в перспективе приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях полисубъектной среды. Данная категория может пониматься двояко: как субъектность индивидов и социальных групп (множественная субъектность), объединенных в полисубъектную общность, а также как множественность субъектности личности. В первом случае полисубъектность описывает многосоставность, разнообразие, динамичность, противоречи-

вость социальной среды как общности, формируемой в процессе взаимодействия управляемых субъектов. Во втором случае она характеризует субъектность личности в плане ролевого поведения и микросоциологического уровня анализа.

Для социологии управления, которая рефлексивна по поводу становления новой парадигмы, категория полисубъектности позволяет преодолеть ограничения субъект-объектного понимания управления, по сути, отождествляющего его с командованием, и способствовать становлению постнеклассического полисубъектного управления.

Принцип полисубъектности заключается в диалогическом синтезе различных субъектов — государства и институтов гражданского общества, центра и регионов, власти и бизнеса и т. д., направленном на совместное социально-политическое, социально-экономическое и социокультурное взаимодействие и развитие. Главной функцией субъекта управления (доминирующего субъекта) является создание условий для совместного поиска меры взаимных дополнительных усилий всех управляемых субъектов в конкретной сфере. Доминирующий субъект — по сути, субъект управления — не перехватывает и не блокирует субъектность других субъектов, но выступает в роли регулятора, модератора, социального технолога, упорядочивающего *связи между элементами* полисубъектной общности (среды, или системы), контролирующего и прогнозирующего качество изменений и сохраняющего управляемость и целостность системы. Подчеркнем особую роль доминирующего субъекта управления по диалогическому синтезу конструктивной субъектности управляемых субъектов.

Рассмотрим возможность управленческого аспекта полисубъектности на примере архитектуры и градостроения. Интересным представляется подход Кристофера Александера и соавторов, которые в качестве инструмента реализации описанной выше функции доминирующего субъекта управления в полисубъектной общности используют «язык шаблонов» для построения программных сред [1].

В своей работе они представили не потерявший актуальности новый подход к архитектуре и градостроительству, который, по сути, формирует полисубъектность: жители должны сами проектировать дома, улицы и районы, «ведь самые замечательные места на планете созданы не архитекторами, а обычными людьми» [1, с. 96–97]. В качестве «языка» проектирования они используют «шаблоны», или паттерны, которые отвечают на вопросы, касающиеся этажности зданий, площади озеленений и проч. Авторы разработали более 250 «шаблонов», каждый из которых описывает проблему, ее обсуждение, иллюстрацию и решение. Суть планирования авторы видят в конструктивном взаимодействии всех уровней социальной структуры региона — от локальных группировок (семьи, соседи, рабочие коллективы) до городских советов и региональных ассамблей. Каждая группа принимает решения относительно совместно используемой окружающей среды и в идеале на своем «уровне» действительно владеет участком земли, который находится в совместном пользовании. Группы, стоящие на более высокой иерархической ступени, не владеют землями, которые принадлежат менее статусным группам, и не контролируют их — в их владении, распоряжении и под их контролем находятся только общественные земли, расположенные между владениями менее обеспеченных групп. Каждая из этих групп принимает на себя ответственность за реализацию «шаблонов», соответствующих их собственной внутренней структуре.

Показательно, что в данной схеме практически в каждом микрорайоне или городе используются собственные методы убеждения своих граждан в необходимости реализации этих «шаблонов». Так, для «шаблона» «сплетение города и деревни» может потребоваться законодательное ограничение деятельности девелоперов, а такие «шаблоны», как «главные ворота», «непроточные водоемы», могут быть реализованы исключительно добровольно [1, с. 50]. Как видим, здесь учитываются все ключевые игроки полисубъектной среды: жители, архитекторы и иные профессиональные сообщества (коммунальщики, застройщики), органы власти и управления, представители гражданского общества (экологи, юристы, журналисты). При этом роль доминирующего субъекта выполняют органы региональной власти, учитывающие обратную связь и способствующие реализации конструктивной субъектности других.

Данный подход перекликается с экоантропоцентрической социологией Т.М. Дридзе, если рассматривать «язык шаблонов» как еще один смысл согласованного конструирования и воспроизводства объектов среды и социальных форм полисубъектности. Как отмечала Дридзе, данная парадигма основана на том, что социальные институты представляют собой «кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания» [6, с. 225]. В фокусе ее внимания остаются не столько социальные группы с предписанным им типовым или среднестатистическим сознанием и поведением, как бы «распадающиеся» на своих отдельных представителей, сколько «люди, осуществляющие собственный выбор и/или, делая его под давлением среды, сами образующие такие группы и общности» [6, с. 226]. Примечательно, что Т.М. Дридзе понимала под социальным участием социальное управление с обратной коммуникативной связью. Социальное участие реализуется через перманентное расширение «коммуникативного круга» участников с постепенным втягиванием в него все большего числа социальных субъектов с их разномотивированными критериями оценки социальной ситуации.

В данном кейсе видим, что социокультурное проектирование на основе полисубъектного подхода может способствовать функционированию и развитию социальной системы. Социологическая экспертиза градостроительных решений и последующий социологический мониторинг их реализации придают полисубъектному подходу дополнительную актуальность и практическую востребованность.

Полисубъектное взаимодействие в контексте управленческих отношений является так или иначе следствием развития субъектности всех членов общества при наличии доминирующего субъекта. Отметим, что субъектность населения с позиции социологии управления характеризуется через систему взаимодействий между обществом и властью, где для общества значимым является способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для власти — создание условий для конструктивного диалога [10].

На наш взгляд, одним из методологических оснований анализа полисубъектности может быть антропосоциетальный подход П. Сорокина, М. Вебера, Н.И. Лапина, подразумевающий в качестве фундаментального показателя эффективности управления в обществе социальное самочувствие человека при господстве конкретной, исторически заданной вертикали власти и управления [13, с. 26]. В этом контексте полисубъектность может рассматриваться как категория социального

развития, ведь функция властно-управленческой вертикали является двойственной. С одной стороны, для обеспечения социального порядка и прогнозируемости последствий реализации деятельности властно-управленческая вертикаль пытается встраивать интересы человека в интересы социетальной системы. С другой стороны, ее задачей, как считает Н.И. Лапин, является обеспечение изменчивости системы на основе ориентации на экзистенциальное стремление человека к улучшению жизни. В связи с этим логично говорить о моносубъектном и полисубъектном управлении, при котором доминирующий субъект (правительство, региональная система управления и пр.) либо подменяет реальную полисубъектность, имитируя ее, либо пытается создать условия для ее возникновения и повышения управляемости.

Подход Н.И. Лапина предполагает наличие у всякой вертикали потенциала гармонизации отношений в обществе при существовании постоянного риска изменений внешних и внутренних условий. Представляется, что данный подход органически и преемственно дополняется необходимостью анализа соотношения спонтанных и сознательных изменений. При этом не стоит абсолютизировать стихийность социальных изменений и невозможность управления (регулирования) ими. Важно учитывать характер взаимодействий индивидов, способность системы фильтровать воздействия внешней среды, создавать условия для реализации конструктивной субъектности населения.

Применение категории полисубъектности в социологии позволяет говорить о полисубъектном управлении. Полисубъектное управление — «мягкая» форма управления, создающая условия для формирования и развития сложных систем через полисубъектную среду. По В.Е. Лепскому, в рамках постнеклассической научной рациональности тип полисубъектного управления является основным [9].

Проиллюстрируем возможность использования полисубъектного управления на примере реформирования сферы образования. Как отмечает Г.А. Ключарев, инициаторами радикальных изменений в сфере общего, профессионального и дополнительного образования являются сама техносоциальная среда и ее акторы — люди и искусственный интеллект (нейросети) [7, с. 132].

Развитие машинного обучения и нейросетей кардинально меняет образовательный процесс. Так, в рамках «эмпорийской модели» организации занятий предусмотрено деление студентов на потоки, контактирующие с обучающей программой непрерывно при наличии контролирующих субъектов в виде деканатов, кураторов и проч.

Показательно, что в системе дополнительного профессионального образования полисубъектность давно признана одним из основных принципов реализации компетентностно ориентированных программ наряду с актуальностью, персонализацией, приоритетом интерактивности, акменарправленностью, развитием рефлексивности и непрерывным мониторингом формирования компетенций [12, с. 185].

Субъектами целеполагания, планирования и оценки образовательных результатов в компетентностно ориентированных программах, в отличие от традиционных, являются не только преподаватели-эксперты, реализующие государственный стандарт, но и работодатели, обучающие специалисты, обычные преподаватели, внешние эксперты. Таким образом, различные уровни и типы образования демонстрируют наличие полисубъектных сред, доминирующим субъектом в которых в разных ситуациях является министерство образования (федеральное, региональное), ректорат, администрация школы, педагог.

В целом полисубъектный подход получил довольно широкое распространение и признание в сфере образования [4]. Исходя из анализа литературы, посвященной проблематике полисубъектности, педагогов можно считать пионерами от гуманитариев в применении этого подхода. В то же время представляется перспективным рассмотрение таких собственно социолого-управленческих аспектов полисубъектности образования, как формирование и координация полисубъектной среды образовательных учреждений, оценка (социологический мониторинг, экспертиза) принятия управленческих решений в условиях полисубъектности и проч.

Для дальнейшего реформирования института образования важен учет полисубъектности. Причем управленец не может просто наблюдать или констатировать наличие полисубъектных сред, его задачами являются повышение управляемости, прогнозирование, программирование, учет обратной связи, выработка параметров и контроль ресурсов для самоорганизации множественной субъектности. Отдельным вопросом можно считать гуманитарную экспертизу целевых программ и проектов, таких как «Проект 5-100», «Приоритет-2030» или нацпроект «Образование».

Исходя из изложенного выше, полисубъектным является управление, основные функции которого реализуются совместными усилиями многих субъектов — автономно и в то же время взаимосвязанно с другими субъектами, осуществляющими свою активность. Понятие «полисубъектное управление» разрабатывается в педагогике и психологии, однако для социологии управления также очевидно, что управление как институт — это социальное «изобретение», которое пронизывает все уровни общества и охватывает разные субъекты, формируя полисубъектную среду управления.

Таким образом, полисубъектное управление можно трактовать как целенаправленную, основанную на обратной связи деятельность доминирующего субъекта управления по созданию условий (формированию среды) для совместной реализации конструктивной субъектности других социальных субъектов. Его суть — конструирование отношений между субъектами с целью совместного решения значимых проблем. Если субъектность — свойство индивида или группы включаться в решение социально значимых проблем, то полисубъектность — такая форма непосредственного взаимодействия субъектов друг с другом и с доминирующим субъектом, которая способна породить их взаимную обусловленность, особую степень близости отношений, наиболее благоприятные условия для развития.

## Вывод

Феномен полисубъектности, междисциплинарный характер аналитики которого был показан в данной статье, является важным для дальнейшего исследования с позиции социологии управления, становящейся научно-исследовательской программой. Постнеклассическая категория полисубъектности имеет социологическое содержание, подразумевающее систему регулятивных (саморегулятивных) механизмов, воспроизводящих эволюционные формы социокультурных образований и приводящих к формированию и развитию социальных институтов в условиях постоянно усложняющейся полисубъектной среды. Фиксируя динамические изменения социальных сред и их фактическое разнообразие, формируемое в процессе диалога управляемых субъектов, полисубъектность является важнейшей причиной изменения социального порядка и фактором социального развития.

Это важно принимать во внимание в ситуациях, когда технократизм, оказывающий сильное воздействие на институционализацию управления, может не учитывать возможную сложность полисубъектной среды. Происходящая в настоящее время цифровизация инфокоммуникативных процессов в управлении может создавать матричное пространство, подменяющее вариативность поведения управляемых субъектов содержанием, которое технологически уже заложено субъектом управления, и тем самым симулировать реальную полисубъектность.

Исходя из теоретико-методологического анализа подходов и конкретных исследований полисубъектности, приведенных в статье, можно сделать вывод, что наиболее перспективной для социологического исследования полисубъектного управления представляется концепция персонифицированной социокультурной модели управления А.В. Тихонова. В то же время дальнейшее развитие концепта полисубъектности может способствовать социологической интерпретации степени сложности полисубъектной среды, ее зависимости от уровня самоорганизации общества, управленческого потенциала субъектов управления. Для управленцев это имеет и вполне практическое значение: пониманию степени и масштаба доминирования субъектов в описанных выше сферах, повышению самоорганизации различных сообществ, возрастанию роли социально-сетевой субъектности при реализации стратегических инициатив [3, с. 4] и т. д.

Дальнейшее направление исследований полисубъектности в рамках социологии управления включает разработку системы социологического мониторинга полисубъектной среды; определение факторов и барьеров формирования полисубъектной среды на различных уровнях; изучение международного опыта полисубъектного управления и его институционализации в различных сферах. Важно также учитывать полисубъектный подход в социологической составляющей гуманитарной экспертизы управленческих решений. Видится перспективным и вопрос универсальности полисубъектности как фактора управления региональным развитием. Региональный и межрегиональный уровни взаимодействия различных управляемых субъектов — власти, бизнеса, научных организаций, политических партий, общественных движений и т. д. — получают дополнительную актуальность в плане управления формированием полисубъектной среды.

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**

**Савельев Иван Александрович** — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (916) 965-78-77. **Электронная почта:** ivansave-80@mail.ru

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 96–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5)**

Research Article

**IVAN A. SAVELYEV<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

## POLYSUBJECTIVITY AS A CATEGORY OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

*Abstract.* The article substantiates the need to introduce such a general scientific category as “polysubjectivity” into sociology of management, clarifies its sociological content as a category of post-non-classical rationality, shows its role in explaining the institutionalization of management, and highlights the main approaches towards understanding polysubjectivity.

A definition of polysubjectivity is given with it being described as a system of regulatory (self-regulatory) mechanisms that reproduce evolutionary forms of socio-cultural formations and lead to the formation and development of social institutions in the context of an increasingly complex polysubject environment. According to the author, this category allows us to describe the diversity and dynamics of the social environment, which is formed in the process of dialogue between controlled subjects who are carriers of various value-target structures, possessing certain resources and being in interaction with other subjects of social action.

Polysubjectivity is recognized as the most important reason for changing the social order, as well as a factor in social development, without understanding which it is impossible to increase the viability of the social system. The properties and manifestations of polysubjectivity in the practice of social management are registered. It is proven that polysubjectivity is a condition and at the same time a result of polysubjective management, i. e. management through the environment. Further research prospects for applying the category of polysubjectivity are outlined, in particular, the matter of the universality of polysubjectivity as a factor in the effectiveness of regional development management.

Further research prospects for using the category of polysubjectivity are outlined. The author used the results of an interdisciplinary study of polysubjectivity and showed its significance for sociology, as well as the importance of sociological research of polysubjectivity for other social and humanitarian sciences.

*Keywords:* polysubjectivity; sociology of management; post-non-classical rationality; ontological foundations of polysubjectivity; epistemological foundations of polysubjectivity; polysubjective management environment; polysubjective management.

**For citation:** Savelyev, I.A. Polysubjectivity as a Category of Sociology of Management. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 96–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5)

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Ivan A. Savelyev** — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 965-78-77. **Email:** [ivansave-80@mail.ru](mailto:ivansave-80@mail.ru)

## ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Александр К., Исикава С., Силверстайн М. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство / Пер. с англ. И. Сырова. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. — 1096 с.  
Aleksander K., Isikava S., Silverstain M. *Template language. Cities. Buildings. Construction*. Transl. from Eng. by I. Syrov. Moscow: Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva publ., 2014. 1096 p. (In Russ.)
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Концепция постнеклассической науки В.С. Степина и универсальный эволюционизм Н.Н. Моисеева // Философские науки. 2019. № 62 (4). С. 96–112. DOI: [10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112) EDN: [SJAIEL](https://www.edn.ru/entry/10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112)  
Arshinov V.I., Budanov V.G. The concept of post-non-classical science V.S. Stepin and universal evolutionism of N.N. Moiseeva. *Filosofskie nauki*. 2019. No. 62 (4). P. 96–112. DOI: [10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-96-112) (In Russ.)
3. Богданов В.С., Смирнова А.С., Бурдюкова М.Д. Социально-сетевое группообразование в контексте оценки реализации национальных проектов // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 60–69. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69) EDN: [AYRMQA](https://www.edn.ru/entry/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69)  
Bogdanov V.S., Smirnova A.S., Burdyukova M.D. Social network group formation in the context of assessing the implementation of national projects. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 60–69. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69) (In Russ.)

4. Варжавин А.А., Уварина Н.В. Роль полисубъектного подхода в организации взаимодействия субъектов образования // ЦИТИСЭ. 2024. № 1 (39). С. 140–153. EDN: [ASRFWZ](#)  
Varzhavin A.A., Uvarina N.V. The role of the multi-subject approach in organizing the interaction of educational subjects. *CITISE*. 2024. No. 1 (39). P. 140–153. (In Russ.)
5. Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. № 66 (4). С. 140–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159](#) EDN: [QNGWIY](#)  
Davydov A.P. Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Filosofskie nauki*. 2023. No. 66 (4). P. 140–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159](#) (In Russ.)
6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. Кн. 1. / РАН, Ин-т социологии, Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–42.  
Dridze T.M. Two new paradigms for social cognition and social practice. *Social communication and social management in the eco-anthropocentric and semiosociopsychological paradigms. In 2 books. Book 1*. Ed. by T.M. Dridze. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences publ., 2000. P. 5–42. (In Russ.)
7. Ключарев Г.А. Навстречу будущему: непрерывное образование и его легитимация в машинном исполнении // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 130–139. DOI: [10.31857/S013216250027783-4](#) EDN: [LNSMOA](#)  
Klyucharev G. A. Towards the future: continuous education and its legitimation in machine execution. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 130–139. DOI: [10.31857/S013216250027783-4](#) (In Russ.)
8. Лепский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // Местное право. 2022. № 3. С. 11–20. EDN: [GGWPHP](#)  
Lepskiy V.E. Solidarity society as a self-developing polysubjective environment (harmony of hierarchies, networks and environments). *Mestnoe pravo*. 2022. No. 3. P. 11–20. (In Russ.)
9. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-7-36](#) EDN: [YSAYZV](#)  
Lepskiy V.E. Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics. *Filosofskie nauki*. 2018. No. 10. P. 7–36. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-7-36](#) (In Russ.)
10. Мерзляков А.А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4. С. 95–104. DOI: [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#) EDN: [YQJUHZ](#)  
Merzlyakov A.A. The problem of subjectivity in the sociology of management. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 95–104. DOI: [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#) (In Russ.)
11. Петровский В.А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 1. С. 5–16. EDN: [OIZZJN](#)

- Petrovsky V.A. Activity mediation of interpersonal relations: phenomena, essence. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 5–16. (In Russ.)
12. *Смышляева Л.Г.* Полисубъектность как принцип реализации компетентностно-ориентированных андрагогических программ // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112) С. 185–188. EDN: [OJQDMZ](#)  
Smyshlyayeva L.G. Polysubjectivity as a principle for the implementation of competency-oriented andragogical programs. *Vestnik TGPU*. 2011. No. 10 (112). P. 185–188. (In Russ.)
13. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / Под ред. А.В. Тихонова. М.: URSS, 2014. — 480 с.  
*Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary*. Ed by A.V. Tikhonov. Moscow: URSS publ., 2014. 480 p. (In Russ.)
14. *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. P. 45–59. EDN: [SYRGQD](#)  
Stepin V.S. Types of scientific rationality and the synergetic paradigm. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 2013. No. 4. P. 45–59. (In Russ.)
15. *Тихонов А.В.* Социология управления. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007. — 472 с. EDN: [TVIOWP](#)  
Tikhonov A.V. *Sociology of management*. 2nd ed., additional, and revised. Moscow: Kanon+ publ., 2007. 472 p. (In Russ.)
16. *Туманов С.В., Оносов А.А., Савина Н.Е.* Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия. 2017. № 5. С. 97–112. EDN: [ZTHPSF](#)  
Tumanov S.V., Onosov A.A., Savina N.E. Humanitarian expertise: theoretical approaches and practices of their implementation. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 7: Filosofiya*. 2017. No. 5. P. 97–112. (In Russ.)
17. *Ядов В.А., Заславская Т.И.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 8–22.  
Yadov V.A., Zaslavskaya T.I. Social transformations in Russia in the era of global changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 4. P. 8–22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.08.2024; поступила после рецензирования и доработки: 13.04.2025; принята к публикации: 18.04.2025.

Received: 21.08.2024; revised after review: 13.04.2025; accepted for publication: 18.04.2025.

# ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6  
EDN: TDLGBR

*Н.А. ШМАТКО<sup>1</sup>, Ю.В. МАРКОВА<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

<sup>2</sup> Независимый исследователь, Москва.

## СОЦИАЛЬНОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИИ ПЬЕРА БУРДЬЁ<sup>1</sup>

*Аннотация.* В статье раскрывается история становления концепции социального пространства Пьера Бурдьё в его взаимодействии с символическим пространством. Основное внимание уделяется вопросу отношения между объективной научной классификацией социальных отношений и практическими повседневными классификациями самих социальных агентов. Символическое пространство реализуется как пространство стилей жизни, которые выражают социальные различия, объективно вписанные в условия существования агентов. При этом, по мысли Бурдьё, связующим механизмом между социальным пространством и символическим пространством (пространством стилей жизни) выступает габитус. Он представляет собой систему устойчивых диспозиций, несущих в себе прошлый опыт и функционирующих как матрица восприятия, оценивания и действия. Бурдьё стремится показать, как один и тот же структурный инвариант воспроизводится и в социальном, и в символическом пространствах. В качестве примера социального пространства Бурдьё использовал современное ему французское общество. В ходе исследования было продемонстрировано, как французское социальное пространство может быть охарактеризовано с помощью трех измерений, которые Бурдьё обозначил как общий объем капитала, структура капитала и эволюция капитала (эволюция социальной позиции во времени).

*Ключевые слова:* социальное пространство; символическое пространство; габитус; капитал; социальная позиция; стиль жизни; социальные классификации.

*Для цитирования:* Шматко Н.А., Маркова Ю.В. Социальное и символическое пространства в социологии Пьера Бурдьё // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 111–128. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.6 EDN: TDLGBR

---

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Статья является продолжением публикации предыдущего номера: Шматко Н.А., Маркова Ю.В. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 110–123. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6 EDN: PAIXKU

## Социология как наука о классификациях

Недостаточно построить объективную классификацию социальных агентов, чтобы дать полную картину действительности. Социальные агенты сами классифицируют и себя и других агентов. Социальный мир — это не только объективная реальность, которую реконструирует социолог, но и представления о ней агентов. Поэтому социология как строгая наука должна, как пишет П. Бурдьё, объединять «теорию объективной классификации и теорию практических классификаций, используемых социальными агентами в своих повседневных практиках» [12, р. 64].

Социологическая классификация более реальна, потому что позволяет «видеть те различия, которые ранее не видели, которые предчувствовали, но не могли выразить» [12, р. 70]. Однако она совершенно нереальна в том смысле, что «непрактична, непригодна для жизни, ею нельзя пользоваться на практике, потому что она слишком сложна. У нее нет функции, с ней нечего делать, она родилась из “незаинтересованного” отношения к социальному миру» [12, р. 70]. При этом объективная или латентная классификация, которую реконструирует ученый, является основой всех практических классификаций, поскольку социальные агенты формируют их на базе объективных позиций, занимаемых ими в социальном мире. Поэтому «истинная наука о классификациях должна включать в себя и определять себя как наука об отношении между объективной классификацией, создаваемой ученым <...> и практической классификацией социальных агентов» [12, р. 70]. В дополнение к понятию социального пространства Бурдьё вводит понятие символического пространства, понимаемого как множество конфигураций структурированных практик, реализуемых социальными агентами, которые занимают разные позиции в социальном пространстве. Отдельные позиции в символическом пространстве Бурдьё называет точками зрения (*prises de position*).

Социальное пространство — «это абстрактное представление, являющееся продуктом особого конструирования, дающее, подобно карте, общее видение, общий взгляд на множество точек зрения, с которых обычные агенты (включая социолога и самого читателя в их повседневной жизни) видят социальный мир» [13, р. 189]. Если социальное пространство изображает все позиции, то символическое пространство дает представление обо всех возможных перспективах, открывающихся со всех возможных позиций. Символическое пространство есть множество практических пространств «повседневного существования с его дистанциями, которые сохраняются или подчеркиваются, и с его близкими, которые могут оказаться более далекими, чем незнакомцы» [13, р. 189]. Символическое пространство относится к социальному так же, как ежедневные рутинные маршруты отдельных горожан относятся к общей карте города. Ярким примером согласованного ансамбля практик, символизирующих определенную социальную позицию, является *стиль жизни*.

## Габитус как механизм связи между социальным и символическим пространствами

Введя понятия символического пространства и «точек зрения», Бурдьё задается вопросом, какой механизм приводит к тому, что, несмотря на бесконечную вариативность практик, в них присутствует некоторая согласованность и единство,

так что социальный мир не представляется чистым хаосом. Почему формируются узнаваемые точки зрения, например стили жизни? Для понимания связи между понятиями «социальное пространство» и «символическое пространство» следует ввести третье — «теоретическое пространство габитусов» [13, р. 139]<sup>2</sup>.

Габитус — это «система устойчивых и переносимых диспозиций, которая, объединяя весь прошлый опыт, в каждый момент времени функционирует как *матрица восприятия, оценивания и действия* и делает возможным выполнение бесконечно разнообразных задач благодаря переносу по аналогии схем, позволяющих решать задачи одного типа, и постоянному исправлению полученных результатов» [11, р. 262]. Габитус есть не просто ментальные категории восприятия и оценивания, но инкорпорированные социальные условия существования, ставшие схемами производства и оценивания практик социальных агентов. Наличие у агента габитуса предполагает, что существуют фиксированные в опыте предрасположенности регулярно воспринимать и оценивать социальные условия жизни, а также действовать в этих условиях определенным образом. Другими словами, габитус — это ансамбль повседневных «принципов», понимаемых как устойчивые привычки, которые непосредственно направляют практики. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта в настоящем, гарантирует стабильность и единство практик агента. Можно сказать, что габитус интегрирует прошлое в настоящее, обеспечивает его продолжение в будущем, задает основание преемственности и упорядоченности.

Находясь в схожих условиях существования (позициях) и подчиняясь схожим обстоятельствам, агенты имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а значит, производить сходные практики и выражать сходные мнения. Таким образом, пространство габитусов, как пространство интериоризированных социальных позиций, более или менее точно трансформирует социальное пространство (пространство позиций) в символическое пространство (пространство точек зрения). Габитус действует как оператор, устанавливающий структурную гомологию между пространством позиций и пространством точек зрения. Структурная гомология понимается Бурдьё как повторение одного и того же инварианта на разных уровнях реальности. В данном случае структура социального пространства, фиксируемая Бурдьё в виде двух оснований — объема и структуры капиталов, — повторяется на уровне символического пространства. Эта теоретическая модель была реализована в целой серии эмпирических исследований, которые составили основу работы «Различение» [13]. «Модель [социального пространства] определяет расстояния, которые предсказывают встречи, близость, симпатии или даже желания: на практике это означает, что люди, которые находятся в верхней части пространства, вряд ли вступят в брак с людьми, которые находятся в нижней части, во-первых, потому что у них мало шансов встретиться с ними физически (если не в так называемых “плохих местах”, то есть ценой нарушения социальных границ, которые увеличивают пространственные расстояния в 2 раза); во-вторых, потому что, если они встретятся с ними случайно, случайно и случайно, они не “поладят”, они не поймут друг друга по-настоящему и не понравятся друг другу. Напротив, близость в социальном про-

<sup>2</sup> Таковую конструкцию, состоящую из социального пространства, пространства габитусов и символического пространства, Бурдьё иногда кратко называл «позиции – диспозиции – точки зрения» (*positions – dispositions – prises de position*).

странстве предрасполагает к сближению: люди, включенные в ограниченный сектор пространства, будут как ближе (по своим свойствам и склонностям, вкусам), так и более склонны к сближению» [15, р. 26].

## **Социальные позиции и стили жизни: эмпирическая реализация модели**

Концепция социального пространства наиболее полно изложена Бурдьё в работе «Различение». Книга представляет собой обобщение исследований, проводившихся в Центре европейской социологии в 1960–1970-е гг. Этот труд объединяет исследования системы образования, отношения к искусству и фотографии, социальных классов, общественного мнения и многое другое. В рамках нашей статьи из всего многообразия вопросов, изложенных в книге, мы остановимся лишь на проблематике социального и символического пространств. Первое было эмпирически построено как множество социальных позиций, второе — как множество структурированных практик, или *«различных и различающих стилей жизни»* [13, р. 112].

### *Пространство социальных позиций и структурная гомология*

Анализ социального пространства показал, что оно формируется тремя базовыми условиями (или измерениями):

- общий объем капитала, или совокупность всех ресурсов социального агента;
- структура капитала, или соотношение экономического и культурного капиталов в общем объеме капитала;
- эволюция позиции во времени, «проявляющаяся как прошлая и потенциальная траектория в социальном пространстве» [13, р. 128]<sup>3</sup>.

Распределение общего объема капитала служит основой формирования первичных различий в условиях существования социальных агентов. В соответствии с этим распределением в социальном пространстве можно выделить три большие позиции (см. рис. 1). Они определяются так, что на одном полюсе находятся агенты, обладающие одновременно и экономическим и культурным капиталом, а на другом — те, кто обделен в этих двух отношениях. В соответствии с распределением общего объема капитала Бурдьё выделяет следующие позиции:

1. Буржуазия (доминирующий класс). Это владельцы крупных промышленных и коммерческих предприятий, представители свободных профессий, руководители частных компаний, инженеры, высшие государственные служащие, университетские преподаватели, деятели культуры и искусства.

2. Мелкая буржуазия (средний класс). Это фермеры, ремесленники, мелкие коммерсанты, работники торговли, технические специалисты, средний медицинский персонал, государственные служащие среднего звена, офисные сотрудники, учителя начальной школы, культурные посредники.

<sup>3</sup> Социальное пространство, полученное в результате метода анализа соответствий, проецировалось на двумерную схему, поэтому «время» как третье измерение на схеме было обозначено стрелками, которые задавали вектор движения социальной позиции (см. схему в работе: [13, р. 140]).

3. Народные классы (доминируемый класс)<sup>4</sup>. Это разнорабочие, сельскохозяйственные рабочие, квалифицированные и низкоквалифицированные рабочие, мастера<sup>5</sup>.

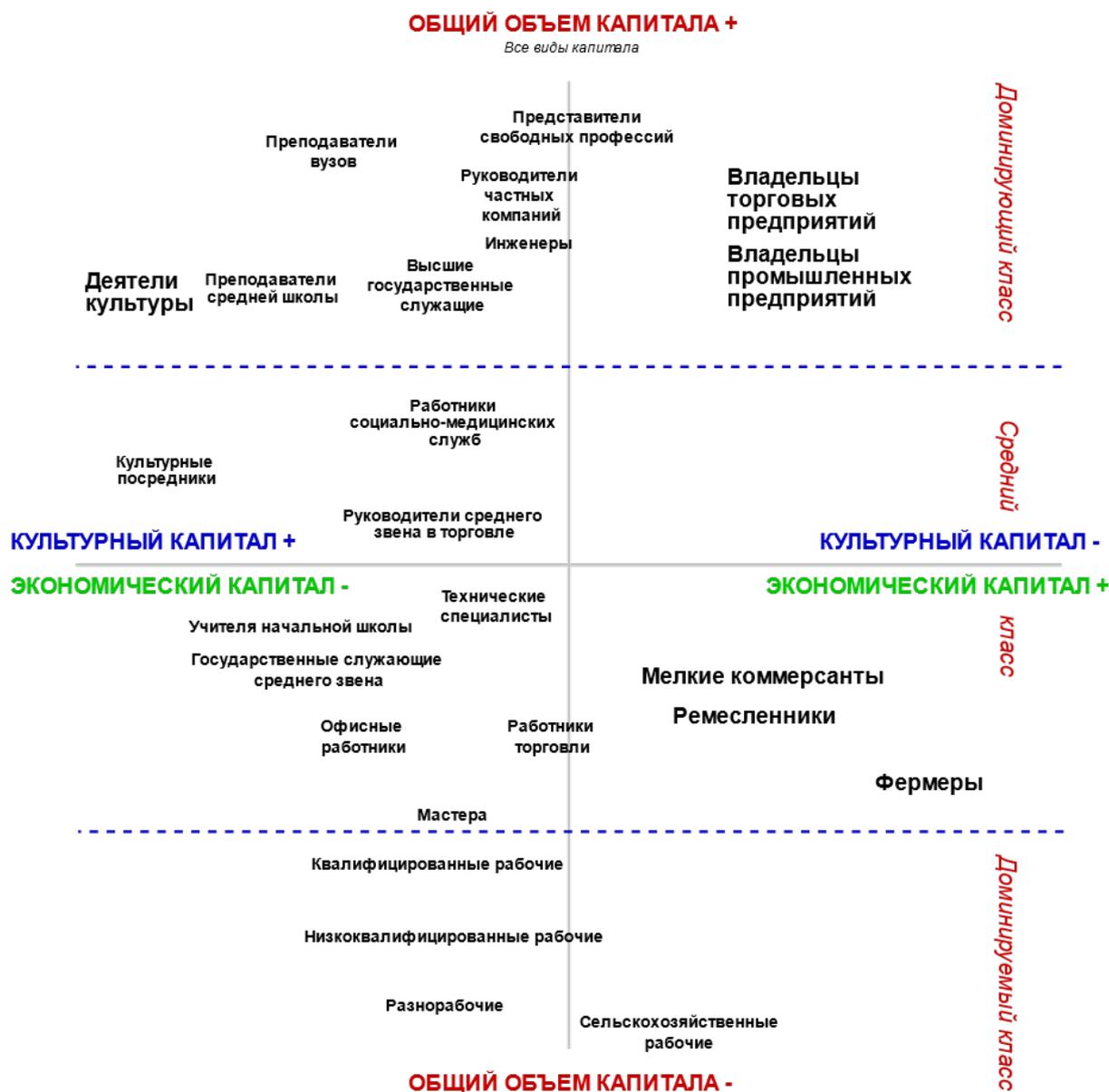


Рис. 1. Упрощенная схема социального пространства

Источник: [15, p. 21].

<sup>4</sup> Понятием «народные классы» во французской социологии обозначают социальные группы, занимающие доминируемое положение в экономической и социальной иерархии, обладающие «культурным разрывом» с господствующими классами, что проявляется в слабом усвоении легитимной культуры этих классов (подробнее см.: [29; 30]).

<sup>5</sup> Для обозначения социальных позиций и их фракций Бурдьё использовал принятую в 1950–1970-х гг. во Франции номенклатуру социально-профессиональных категорий. Эта профессиональная классификация населения была разработана Национальным институтом статистики и экономических исследований Франции (*Institut national de la statistique et des études économiques*) в 1954 г. с целью классифицировать население в соответствии с ограниченным числом общих категорий, каждая из которых представляла бы собой некоторую гомогенную социальную группу. Она служила основой почти для всех статистических и социальных исследований, проводившихся во Франции государственными и частными исследовательскими учреждениями вплоть до 1982 г. Отличительной особенностью французской системы социально-профессиональных категорий является то, что в основе классификатора лежат сразу несколько принципов. Эта система учитывает дифференциацию индивидов одновременно по профессии, по статусу (наемный работник или собственник) и по уровню квалификации. Подробнее см.: [18].

Основой вторичной дифференциации является структура активов, то есть соотношение экономического и культурного капиталов в общей структуре собственности социальных агентов. Структура капиталов может быть симметричной, как в случае «свободных профессий, которые сочетают очень высокий доход с очень высоким уровнем культурного капитала», или асимметричной, что наблюдается для профессоров и владельцев частных предприятий, когда «в первом случае доминирующим видом является культурный капитал, а во втором — экономический» [13, р. 129]. По мере перехода от работников культуры и искусства и профессоров к владельцам крупных предприятий доля экономического капитала увеличивается, а доля культурного — уменьшается, и наоборот. Такую структуру распределения капиталов Бурдьё называет хиастической<sup>6</sup>.

Это хиастическое отношение между фракциями одной социальной позиции дополняется отношением гомологии между фракциями различных социальных позиций, располагающихся на разных уровнях социальной иерархии. Так, владельцы крупных промышленных и торговых предприятий, находящиеся на верхнем уровне социальной иерархии, оказываются гомологичны ремесленникам и мелким коммерсантам, находящимся на среднем уровне иерархии. И те и другие обладают бóльшим объемом экономического капитала, чем культурного. Их социальное воспроизводство в большей мере зависит от воспроизводства экономического капитала. В свою очередь, профессора и учителя средней школы оказываются гомологичны учителям начальной школы: социальное воспроизводство и тех и других зависит преимущественно от воспроизводства культурного капитала.

Таким образом, Бурдьё показывает, что в основе пространства социальных позиций (социологической классификации) находятся два базовых фактора (общий объем капитала и структура капиталов) и их эволюция, а также специфическое хиастическое отношение между экономическим и культурным капиталами в общей структуре капитала. В «Различении» исследование направлено на то, чтобы показать, как этот структурный инвариант воспроизводится в социальном и символическом пространствах, а также в отношении между ними. Работая со статистическими таблицами, интерпретируя интервью и результаты анализа соответствий, Бурдьё каждый раз реализовывал реляционный подход, при этом вскрывал:

- отношения между социальными позициями (и/или фракциями);
- отношения между социальными позициями и стилями жизни;
- отношения между разными стилями жизни, которые связаны с разными социальными позициями.

### *Гомология социальных позиций и стилей жизни*

Анализ отношений между социальным и символическим пространствами позволяет выявить структурную гомологию между ними. Это означает, что и в социальном и в символическом пространствах наблюдается одна и та же структура, одна и та же реляционная система различий. Важно, «что в каузальных отношениях находятся не столько одна позиция и одна точка зрения, сколько пространство позиций и пространство точек зрения, истории которых являются относительно независимыми, но структуры которых гомологичны» [27, р. 154].

<sup>6</sup> Хиастический — крестообразный, или перекрестный. Происходит от древнегреческого *хиазм*, то есть подобный греческой букве *χ*.

Символическое пространство Бурдьё идентифицирует с пространством стилей жизни. При этом стиль жизни понимается как целостное множество «отличительных предпочтений, выражающих, следуя специфической логике каждого из символических подпространств (мебель, одежда, речь или телесный экзис и т. п.), одно и то же характерное намерение» [13, р. 193]. Стиль жизни в качестве устойчивой конфигурации практик выражает различия, объективно вписанные в условия существования социальных агентов. Пространство стилей жизни — это распределение практик и свойств, образующих каждый конкретный стиль жизни. Стили жизни есть позиции символического пространства, отображающие позиции социального пространства.

Связующим механизмом между пространством позиций и пространством стилей жизни выступает габитус — «*порождающий принцип* объективно классифицируемых практик и одновременно *система классификации* (*principium divisionis*) этих практик. Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус, — способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оценивать эти практики и эти продукты (вкус) — формируется *представление о социальном мире*, или *пространство стилей жизни*» [13, р. 190]<sup>7</sup>.

Одновременно с выделением трех основных позиций социального пространства Бурдьё выделяет три соответствующих им стиля жизни. Так, буржуазии соответствует стиль, основанный на «чувстве различия»; мелкой буржуазии — стиль, основанный на «благоговении перед культурой»; народным классам — стиль, основанный на «выборе необходимого». Внутри каждого из стилей на основе вторичной дифференциации выделяются подстили, соответствующие фракциям социальных позиций.

### ***Буржуазия и «чувство различия»***

Основная установка доминирующих фракций господствующего класса, проявляющаяся во всех практиках его представителей, — сохранение своего положения и дистанции по отношению ко всем остальным социальным группам. Буржуазия использует все доступные ей средства для формирования своего стиля жизни как отличного и узнаваемого, навязывая его как признак «хорошего вкуса». Обладая достаточными ресурсами для присвоения самых разнообразных материальных и культурных ценностей, представители этого класса используют их, чтобы отличаться или «выделяться», будь то телесные практики (манера себя вести и говорить), предметы потребления (еда, напитки, одежда, мебель и т. п.) или развлечения (спортивные занятия, места отдыха и т. д.).

В силу различий в структуре капиталов господствующий класс неоднороден и распадается на несколько фракций. Поскольку в класс попадают агенты, обладающие достаточным общим объемом капитала, дифференциация происходит на основе различий в структуре капитала. Так, обладатели культурного капитала (преподаватели университетов, представители свободных профессий, инженеры)

<sup>7</sup> Понятие структурной гомологии имеет важное значение для теории Бурдьё. Здесь мы рассматриваем применение этого понятия при изучении социального и символического пространства. Подробнее об использовании понятия гомологии в социологии Бурдьё см.: [27].

противостоят владельцам экономического капитала (представителям крупной буржуазии). В этом случае «аскетический аристократизм» представителей «культуры» (посещение музеев и театров, чтение серьезной литературы) противостоит «роскошному» вкусу (дорогие автомобили, коллекционирование произведений искусства, путешествия), к которому склонна крупная буржуазия. При этом сами представители крупной буржуазии вновь могут быть разделены на тех, кто владеет преимущественно экономическим капиталом (владельцы крупных промышленных и торговых предприятий), и тех, кто обладает достаточным объемом культурного капитала (топ-менеджеры частных компаний). В этом случае новая буржуазия, в структуре капиталов которой преобладает культурный капитал, противопоставляет «гедонистическую потребительскую мораль, основанную на кредитах, расходах и удовольствиях» [13, р. 356], аскетичной морали старой буржуазии, основанной на идее производства, накопления, бережливости и расчета.

### *Мелкая буржуазия и «благоговение перед культурой»*

Переходя к мелкой буржуазии, Бурдьё показывает, как диспозиции представителей этой группы отражают их положение в структуре символического пространства. Мелкая буржуазия занимает промежуточное положение, балансируя между высшими и низшими позициями: «Сумев оторваться от пролетариата, своего прошлого, и претендуя на то, чтобы присоединиться к буржуазии, своему будущему, они должны, чтобы завершить накопление, необходимое для социального подъема, откуда-то взять ресурсы, чтобы восполнить нехватку капитала» [13, р. 383]. Это накопление может осуществляться «лишь негативно, как ограничивающая и ограничительная сила, так что ее последствия можно измерить только в виде “отрицательных величин”, как сказал бы Кант, идет ли речь об “экономии” в виде отказа от расходов или о сокращении рождаемости в виде ограничения естественной фертильности» [13, р. 383].

Чтобы осуществить вертикальную мобильность в условиях недостатка капиталов, мелкая буржуазия прибегает к самым различным стратегиям экономии. Она «проявляет чудеса энергии и изобретательности, чтобы жить, как говорится, “не по средствам”. Например, при организации домашнего быта, путем изобретения различных “уголков”, предназначенных для увеличения количества комнат (“кухонный уголок”, “обеденный уголок”, “уголок-спальня”, заимствованные из женских журналов). Или использует “уловки”, позволяющие увеличить такие “уголки” в виде “кладовок”, “съемных перегородок”, “диванов-кроватей”, не говоря уже о всевозможных имитациях и вещах, способных, как говорится, внешне отличаться от того, чем они на самом деле являются, чтобы всеми способами маленькое “сделать большим”» [13, р. 370].

Применительно к культуре это принимает форму «благоговения»: «Восходящая мелкая буржуазия вкладывает свое беззащитное *благоговение* во второстепенные формы легитимных культурных практик и ценностей, таких как посещение памятников и замков (в отличие от музеев и художественных коллекций), чтение научно-популярных или исторических журналов, занятие фотографией, приобщение к культуре кино или джаза» [13, р. 367]. Это принимает форму

обращения к уже признанным культурным объектам и практикам (легитимной культуре), выбора «образованных друзей», посещения «образовательных» и «познавательных» мероприятий и т. п.

В зависимости от структуры капиталов и направления социальной мобильности (восходящая/нисходящая) Бурдьё делит средний класс на три фракции: *традиционная мелкая буржуазия в упадке*, состоящая из фермеров, ремесленников и мелких коммерсантов; *управленческая мелкая буржуазия*, состоящая из государственных служащих и руководителей частных предприятий среднего уровня; *новая мелкая буржуазия*, к которой относятся учителя начальных классов, социальные и медицинские работники, различные культурные посредники (рекламные агенты, специалисты по связям с общественностью, специалисты в области моды и дизайна и т. п.).

Крайнюю правую позицию занимают представители традиционной мелкой буржуазии, численность которой сокращается, что отражает экономический упадок этой группы. Это в основном ремесленники и мелкие коммерсанты, относительно пожилые, обладающие небольшим объемом культурного капитала. Они воплощают «этос “добросовестности”, который заставляет их во всем признавать ценности труда, порядка, строгости и тщательности» [13, р. 404]. Их эстетика «аккуратности» отличается как от «скромного» вкуса рабочих, так и от «раскрепощенного» вкуса новой мелкой буржуазии и ее броских «фантазий» из модных бутиков и парикмахерских» [13, р. 404].

Управленческая мелкая буржуазия занимает центральную позицию с точки зрения структуры капитала. Она состоит преимущественно из молодых людей, происходящих из народных классов с невысоким уровнем образования. Это различные технические специалисты, государственные служащие среднего звена, руководители среднего уровня частных предприятий. Именно среди них «встречаются в самой полной форме аскетичные установки и преданность культуре, связанные со стремлением продолжить социальное продвижение за счет культурного накопления» [13, р. 405]. Такие люди «естественным образом склонны к прогрессивному мировоззрению, основанному на вере в просвещение благодаря образованию и интеллекту, к умеренному реформизму, который бы предусматривал воздаяние каждому в соответствии с его академическими успехами» [13, р. 405]. Поскольку «они обязаны образованию всем, что у них есть, то они и ожидают от него всего, к чему стремятся», и часто «стремятся отождествить иерархию и различия в навыках, или, проще говоря, в дипломах» [13, р. 405]. Они преданы «задачам, требующим прежде всего точности, строгости, серьезности, короче говоря, благоговения и преданности делу» [13, р. 406]. Можно сказать, что существование восходящего мелкого буржуа — «это ожидание будущего, в котором он сможет жить, чаще всего только по доверенности, через своих детей, на которых он, как говорится, “возлагает свои амбиции”» [13, р. 405].

Новая мелкая буржуазия<sup>8</sup>, возникшая благодаря повышению роли символической составляющей в производстве товаров и услуг, формируется представителями профессий, связанных с презентацией и представительством (специалисты по связям с общественностью, рекламе, дизайну, моде и т. п.), сотрудниками

<sup>8</sup> На момент проведения исследования П. Бурдьё.

учреждений, занимающихся продажей символических товаров и услуг (диетологи, сексологи, консультанты по вопросам брака, воспитания детей и т. д.), профессионалами в области культуры (режиссеры, ведущие радио и телевидения, журналисты и т. п.), а также представителями более устоявшихся профессий, таких как медсестры и учителя начальных классов. Новые профессии, которыми владеют представители этой группы, «являются местом притяжения всех тех, кто в результате образования не получил диплома, который позволял бы им с успехом претендовать на уже устоявшиеся позиции, обещанные им их первоначальным социальным положением, а также тех, кто не получил от своего диплома того, что он считал вправе получить исходя из существовавшего ранее отношения между дипломами и должностями» [13, р. 414]. Неопределенность этих профессий ведет к тому, что данная позиция очень неоднородна. Объединяет ее представителей стремление к повышению своего социального статуса за счет повышения символического статуса профессии и изменения ее в глазах окружающих.

### ***Народные классы и «выбор необходимого»***

Народные классы (квалифицированные рабочие, неквалифицированные рабочие, разнорабочие), обладающие небольшими экономическими ресурсами и низким уровнем образования, обречены на «выбор необходимого». Подчинение необходимости склоняет их к «прагматичной и функциональной эстетике», исключая «все ненужные и бесполезные формальные занятия и все виды искусства для искусства» [13, р. 438]. Одновременно эта установка «лежит в основе всех повседневных решений и всего образа жизни и заставляет исключать как “глупые” все чисто эстетические желания» [13, р. 438]. Поэтому рабочие чаще других говорят, что любят чистое и опрятное жилье, где легко убираться, простую одежду, простую еду, крепкую мебель, то есть все то, что может «обеспечить экономию денег, времени и усилий» [13, р. 441].

Стоит указать, что в силу недостатка эмпирических данных Бурдьё не смог построить пространство стилей жизни народных классов на основе анализа соответствий, как это было сделано для буржуазии и мелкой буржуазии. Его описание стиля жизни народных классов опирается на более общие статистические данные. Однако немецкие исследователи Йорг Блазиус и Юрген Фридрихс провели эмпирическую проверку гипотезы Бурдьё о «выборе необходимого» со стороны представителей народных классов. На основе данных, собранных в неблагополучных районах Кёльна (ФРГ), они показали, что стиль жизни этих групп действительно сводится к «выбору необходимого» [9]. При этом оказалось, что внутри народных классов, как и внутри буржуазии, можно выделить фракции с преобладающим экономическим или культурным капиталом [9]. К аналогичным выводам пришел и Ж.С.С. Рупп [28]. Опираясь на нидерландские данные, он показал, что позиция народных классов имеет хиастическую структуру: фракции внутри этой позиции образуются на основе различий в структуре капитала. Помимо прочего, Блазиус и Фридрихс показали, что установка на «выбор необходимого» препятствует конверсии между экономическим и культурным капиталами и не позволяет представителям народных классов улучшить свое социальное положение.

Как поистине масштабная книга «Различение» получила широкий резонанс в профессиональном социологическом сообществе и послужила методологической основой для ряда исследований (см. коллективные монографии: [19; 26; 31; 32]). В качестве основных направлений работы можно выделить:

1. Изучение эволюции социального и символического пространств Франции. Авторы анализируют распределение культурных практик по самым разным основаниям (по полу, возрасту, уровню образования, принадлежности к социальной группе), пытаются понять, как меняются вкусы, уровень их однородности у представителей разных социальных позиций, сохраняется ли противостояние экономического и культурного капиталов, легитимной и народной культуры и т. д. [17; 21; 25].

2. Изучение отдельных национальных социальных пространств. Исследования, аналогичные французскому, были проведены в Австралии [7], Великобритании [8], Германии [5], Норвегии [20] и в некоторых других странах.

3. Разработка методов построения и анализа социального пространства (геометрический анализ данных, анализ главных компонент, категориальный факторный анализ и т. д.). Здесь стоит отметить работы: [3; 19; 23; 24].

Исследователи сходятся на том, что, хотя каждое национальное социальное пространство обладает спецификой, в них имеется много общего. Но цель социолога заключается не в том, чтобы в любом социальном пространстве найти два типа капитала, зафиксировать их хиастическое отношение или выделить три позиции и т. п., а в том, чтобы выявить принципы дифференциации, определяющие многообразие эмпирического опыта социальных агентов. Мы склоняемся к тому, что исследования социального пространства «после Бурдьё» указывают на продуктивность предложенного им подхода для изучения отношения между условиями существования социальных агентов и их культурными практиками.

## **Социальное пространство как исследовательская программа**

Социология не стоит на месте, и по мере ее исторического развития ученые стремятся повысить статус научных представлений, первоначально неявно определенных в контексте исследования, до уровня теоретического понятия. Такая судьба была уготована «социальному пространству». Если в большинстве случаев социологи операционализируют понятие, то есть пытаются найти, как можно измерить величину, теоретические свойства которой они постулировали, то Бурдьё решал обратную задачу: устанавливал свойства понятия социального пространства, которое он сконструировал в ходе серии исследований. Геометрия социального пространства не постулируется *a priori*: Бурдьё проводит различие между теоретической логикой и эмпирическим социологическим исследованием, которое только и определяет выбор геометрии социального пространства.

Онтология социологической концепции Бурдьё принимает форму встроенной пространственности, которая трактуется как имманентно присущий социальной действительности способ существования [14, р. 162]. «Онтологию» здесь

надо интерпретировать как указание на базовый уровень реальности, который полагается более реальным, нежели уровень предпонятий повседневного опыта и непосредственных социологических наблюдений (подробнее см.: [22]).

Говоря, что социология *primum omnium* есть социальная топология [16, р. 16], Бурдьё тем самым утверждает, что социология — это исследование форм и изоморфизмов, где мы не предпринимает эмпирического происхождения обнаруженных изоморфизмов и особенностей, которые могут возникнуть. Социальное пространство требует «геометрического» подхода, который абстрагируется от «онтологического субстрата» (социальных агентов и процессов), концентрируясь на изучении регулярностей производства или воспроизводства наблюдаемых форм и установлении между ними генетических связей и сходства: «Социальное пространство определяется взаимным исключением или различием составляющих его позиций, то есть как структура сопоставления социальных позиций (которые, как мы увидим, сами определяются как позиции в структуре распределения различных видов капитала). Социальные агенты, а также вещи в том виде, в каком они им присущи, следовательно, конституированные как свойства, расположены в определенном месте социального пространства, отдельном и отличительном месте, которое можно охарактеризовать по положению, которое оно занимает по отношению к другим местам (выше, выше — ниже, между и т. д.), и расстоянию <...> которое отделяет его от них» [14, р. 161]. Таким образом, социальная позиция понимается как множество «точек», которые определяются лишь общими свойствами положения в социальном пространстве и описываются метрическими отношениями, то есть большей или меньшей мерой близости друг к другу. Понятие капитала конгруэнтно пространственной схеме. В ее контексте капиталы представляют собой модель пространственности во взаимодополняющих формах, связанных с относительно автономными регионами явлений социальной действительности.

Важный аспект проблемы социального пространства заключается в том, как именно интерпретируется это понятие в социологии Бурдьё. Возникает ли оно из более фундаментальной структуры и явлений действительности или постулируется в качестве инварианта бытия? Мы не в состоянии элиминировать «социальное пространство», редуцировав его к более элементарным, «атомарным» понятиям социологии Бурдьё.

Понятие социального пространства — это не множество атрибутов, это конструкция, определяющая социальную онтологию:

1. На эмпирическом уровне социальное пространство «сделано из» статистических отношений, которые интерпретируются как социальные различия. Иными словами, эмпирически пространство конструируется из многомерного распределения «социально эффективных» свойств, которые выступают как манифестации нетранзитивных отношений.

2. На концептуальном уровне социальное пространство является устойчивым синтетическим принципом социологического изучения реальности, а не всего лишь индуктивной конденсацией эмпирических утверждений социологического опыта.

3. Социальная динамика — это во многом изменение системы дифференциальных различий, и этот процесс следует понимать геометрически, поскольку он может быть представлен как эволюция расстояний между точками социального пространства.

4. Социальное пространство — не только модель действительности и понятийная основа первичной объяснительной схемы, но и конструктивный принцип развертывания социологии Бурдьё. В таком качестве социальное пространство содержит программу социологического исследования (см.: [10]).

Исследовательская программа, складывающаяся вокруг концепции социального пространства, предполагает в каждом конкретном случае поиск ответов на следующие вопросы:

- Какова структура социального пространства?
- Какие социальные траектории и семейства траекторий в нем возможны?
- Какова динамика социального пространства, то есть как оно трансформируется со временем?

Каждая значимая социологическая монография — помимо прочего, это всегда попытка установить, что такое социология сегодня. «Различение» определяло европейскую социологию по состоянию на 1979 г. Однако значение работы Бурдьё этим не ограничивается: структура социального пространства Франции в начале XXI в. изоморфна структуре, проанализированной 30 годами ранее [6]. Базовая структура социального пространства современной Германии также повторяет ту, что была представлена в «Различении»: основным фактором социальной дифференциации является противопоставление культурного и экономического капиталов, причем характерный состав капитала изменяется в прямой зависимости от его общего объема [4].

## Значение понятия социального пространства

Социальное пространство выступает как «материнская» категория (*catégorie-mère*) социологии Бурдьё, из которой можно логически вывести понятие поля как частного случая, характеризующегося высокой дифференциацией, автономизацией, биполярной организацией и монополизацией специфической власти [34, р. 62–64]. Именно социальное пространство, а не поле, является общей конструкцией, соединяющей понятия габитуса и капитала для объяснения практики. Дело в том, что поле — достаточно редкое историческое явление, возникающее, когда пространство действия замыкается в институционализированных границах, создаются барьеры для входа, самоорганизуются специализированные агенты по разработке особого источника власти и социальной политики. Это осуществимо лишь в развитых социальных формациях с высокой степенью дифференциации. В подавляющем большинстве случаев практики реализуются именно в социальных пространствах, достаточно хорошо описываемых многомерным распределением социально эффективных свойств (капиталов), детерминирующих набор основных позиций, исходя из которых можно разумно прогнозировать стратегии. Однако это не поля [33]. Такое понимание устраняет множество ложных проблем и трудностей.

Геометрический подход к социальному устраняет ряд обязательных для дуалистического мышления альтернатив (механицизм/финализм, объективизм/субъективизм, холизм/индивидуализм [14, р. 16]), мешающих социологии приблизиться к идеалу строгой науки. Для Бурдьё социологическое объяснение означает выявление структуры и сети отношений между сущностями и частями одной и той же сущности: «Понятие *пространства* само по себе включает принцип *реляционного* восприятия социального мира: оно <...> утверждает, что вся “реальность”, которую оно обозначает, заключается во *взаимном внешнем* отношении составляющих ее элементов. Являющиеся, непосредственно видимые сущности, будь то индивиды или группы, существуют и сохраняются в *различиях* и посредством *различий*, то есть постольку, поскольку они занимают *относительные позиции* в пространстве отношений, которое, хотя и невидимо и всегда трудно проявить эмпирически, является самой реальной реальностью» [15, р. 53]. Такой подход имеет ряд важных следствий.

- Понятие социального пространства предполагает, что «социальная наука должна конструировать не классы, а социальные пространства, внутри которых можно выделить классы, существующие только на бумаге. Каждый раз она должна *конструировать* и *открывать* <...> принцип дифференциации, позволяющий теоретически воспроизвести социальное пространство, наблюдаемое эмпирически» [15, р. 54]. Построение социального пространства — это поиск адекватных принципов дифференциации (структурных инвариантов), лежащих в основании исследуемого сегмента социальной реальности.
- Социальное пространство позволяет систематически решать проблему предпонятий [2], которыми социолог как социальный агент обладает до всякого исследования и которые при внимательном рассмотрении почти всегда оказываются понятиями политическими. Вместо групп или классов, изначально определенных в теории социальной стратификации или в классовой теории, модель социального пространства предлагает работу с эффективными социальными ресурсами (капиталами) и формирующимися на их основе социальными позициями.
- Модель социального пространства многомерна. Она предполагает множественность принципов дифференциации и конкуренцию между ними. Это позволяет уйти от экономизма в понимании социальной дифференциации, то есть сведения всей социальной структуры к экономическим различиям. Предполагается, что социальные агенты могут обладать разной структурой капиталов, от чего зависят их социальные ставки и стратегии поведения.

Понятие социального пространства преодолевает оппозицию между объективизмом и субъективизмом, к которым тяготеют те или иные социологические подходы: «Субъективизм предрасположен редуцировать структуры к взаимодействиям, объективизм стремится выводить действия и взаимодействия из структуры» [1, с. 67]. Снятие этого противоречия становится возможным благодаря введению нескольких уровней анализа.

Социальное пространство позволяет определить позиции социальных агентов, то есть провести их объективную классификацию. Однако агенты имеют собственные представления о себе и о социальном мире. Для описания таких систем представлений Бурдьё вводит понятие символического пространства, или пространства точек зрения. «С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это означает, что оба подхода — объективистский и субъективистский — находятся в диалектической связи» [1, с. 67]. Связующим элементом между двумя пространствами выступает габитус. Многослойная конструкция «пространство позиций — пространство габитусов — пространство точек зрения» снимает противоречие между объективистским и субъективистским подходами. Социальная действительность у Бурдьё предстает как диалектическое единство объективных и субъективных условий практики, где габитус в качестве социализированного тела выступает связующим механизмом.

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

**Шматко Наталья Анатольевна** — кандидат философских наук, заведующий сектором, Центр статистики и мониторинга образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (926) 273-37-73. **Электронная почта:** nshmatko@hse.ru

**Маркова Юлия Владимировна** — кандидат социологических наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** yulia.markova@gmail.com

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.6**

Research Article

**NATALIA A. SHMATKO<sup>1</sup>, YULIA V. MARKOVA<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

<sup>2</sup> Independent Researcher, Moscow.

### **SOCIAL AND SYMBOLIC SPACES IN THE SOCIOLOGY OF PIERRE BOURDIEU**

*Abstract.* The paper introduces the history of the concept of social space of Pierre Bourdieu in its interaction with symbolic space. The primary focus is such an issue as the relationship between the objective scientific classification of social relations and the practical everyday classifications of social agents. Symbolic space is realized as a space of lifestyles that express differences that are objectively inscribed in the living conditions of social agents. According to Bourdieu, the connecting mechanism between social space and symbolic space (the space of lifestyles) is habitus. It is a system of stable dispositions that incorporate the agent's experience and function as a matrix of perception, evaluation and action. Bourdieu seeks to show how the same structural invariant is reproduced simultaneously in both social and symbolic spaces. He constructs a social space using contemporary French society as an empirical object. The study demonstrated how the French social

space can be characterized by three dimensions, which Bourdieu identified as the total volume of capital, composition of capital, and evolution of capital (evolution of social position in time).

*Keywords:* social space; symbolic space; habitus; capital; social position; lifestyle; social classifications.

**For citation:** Shmatko, N.A., Markova, Yu.V. Social and Symbolic Spaces in the Sociology of Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 111–128. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.6)

**Acknowledgment.** The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Natalia A. Shmatko** — Candidate of Philosophical Sciences, HSE University. **Phone:** +7 (926) 273-37-73. **Email:** [nshmatko@hse.ru](mailto:nshmatko@hse.ru)

**Yulia V. Markova** — Candidate of Sociological Sciences, Independent Researcher. **Email:** [yulia.markova@gmail.com](mailto:yulia.markova@gmail.com)

#### ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бурдьё П. Генезис и структура поля религии / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Под ред. Н.А. Шматко. СПб., М.: Алетея, Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 7–74.  
Bourdieu P. The Genesis and Structure of the Field of Religion. Transl. from French by O.I. Kirchik. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 7–74. (In Russ.)
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение / Пер. с фр. А.Б. Гофман. М.: Канон, 1995. — 352 с.  
Durkheim E. *Sociology. Its object, its method, its goal*. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon publ., 1995. 352 p. (In Russ.)
3. Atkinson W. Charting fields and spaces quantitatively: From multiple correspondence analysis to categorical principal components analysis. *Quality & Quantity*. 2024. Vol. 58. P. 829–848. DOI: [10.1007/s11135-023-01669-w](https://doi.org/10.1007/s11135-023-01669-w) EDN: AJANGT
4. Atkinson W., Schmitz A. The German social space and its homologies: National variation on a basic structure. *Current Sociology*. 2024. Vol. 72. No. 1. P. 168–191. DOI: [10.1177/00113921221100582](https://doi.org/10.1177/00113921221100582) EDN: FWLYRB
5. Atkinson W., Marzec P. The German Space of Lifestyles: A Multidetermined Structure. *Journal of Consumer Culture*. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 926–948. DOI: [10.1177/14695405221149117](https://doi.org/10.1177/14695405221149117) EDN: CWBUSN
6. Atkinson W. The social space and misrecognition in 21st century France. *The Sociological Review*. 2021. Vol. 69. No. 5. P. 990–1012. DOI: [10.1177/00380261211020182](https://doi.org/10.1177/00380261211020182) EDN: VUUHRH
7. Bennett T., Emmison M., Frow J. *Accounting for Tastes: Australian Everyday Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 328 p.
8. Bennett T., Savage M., Silva E.B., Warde A., Gayo-Cal M., Wright D. *Culture, Class, Distinction*. London: Routledge, 2009. 336 p. DOI: [10.4324/9780203930571](https://doi.org/10.4324/9780203930571)
9. Blasius J., Friedrichs J. Lifestyles in distressed neighborhoods: A test of Bourdieu’s “taste of necessity” hypothesis. *Poetics*. 2008. Vol. 36. No. 1. P. 24–44. DOI: [10.1016/j.poetic.2007.12.001](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2007.12.001)
10. Bourdieu P., Wacquant L. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 348 p.

11. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie Kabyle*. Genève: Librairie Droz, 1972. 269 p. DOI: [10.3917/droz.bourd.1972.01](https://doi.org/10.3917/droz.bourd.1972.01)
12. Bourdieu P. *General Sociology, Volume 1. Classification Struggles: Lectures at the Collège de France (1981–1982)*. Ed. by P. Champagne, J. Duval, F. Poupeau, M.-C. Rivière. Cambridge: Polity, 2018. 182 p.
13. Bourdieu P. *La distinction: Critique sociale du jugement*. Paris: Éditions de Minuit, 1979. 680 p.
14. Bourdieu P. *Méditations pascaliennes: Éléments pour une philosophie négative*. Paris: Éditions du Seuil, 1997. 316 p.
15. Bourdieu P. *Raisons pratiques: Sur la théorie de l'action*. Paris: Éditions du Seuil, 1994. 251 p.
16. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. No. 1. P. 14–25. DOI: [10.2307/202060](https://doi.org/10.2307/202060)
17. Coulangeon P., Lemel Y. Is “Distinction” Really Outdated? Questioning the Meaning of the Omnivorization of Musical Taste in Contemporary France. *Poetics*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 93–111. DOI: [10.1016/j.poetic.2007.03.006](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2007.03.006)
18. Desrosières A., Thévenot L. *Les catégories socioprofessionnelles*. Paris: La Découverte, 1988. 128 p.
19. *Empirical investigations of social space*. Ed. by J. Blasius, F. Lebaron, B. Le Roux, A. Schmitz. Cham: Springer Cham, 2019. 440 p. DOI: [10.1007/978-3-030-15387-8](https://doi.org/10.1007/978-3-030-15387-8)
20. Flemmen M., Jarness V., Rosenlund L. Social space and cultural class divisions: The forms of capital and contemporary lifestyle differentiation. *The British Journal of Sociology*. 2018. Vol. 69. No 1. P. 124–153. DOI: [10.1111/1468-4446.12295](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12295)
21. Ginsburger M. The More It Changes the More It Stays the Same: The French Social Space of Material Consumption between 1985 and 2017. *British Journal of Sociology*. 2022. Vol. 73. No. 4. P. 706–753. DOI: [10.1111/1468-4446.12970](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12970)
22. Katchanov Yu.L., Shmatko N.A. The idea of social space by Pierre Bourdieu. *Russian Sociological Review*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 203–226. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-4-196-220](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-4-196-220)
23. Le Roux L., Rouanet H. *Multiple Correspondence Analysis*. Thousand Oaks: SAGE, 2010. 126 p. DOI: [10.4135/9781412993906](https://doi.org/10.4135/9781412993906)
24. *Multivariate Scaling Methods and the Reconstruction of Social Spaces: Papers in Honor of Jörg Blasius*. Ed. by A. Barth, F. Leßke, R. Atakan, M. Schmidt, Y. Scheit. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2023. 259 p. DOI: [10.3224/84742764](https://doi.org/10.3224/84742764)
25. Noûs C., Robette N., Roueff O. The Multidimensional Structure of Taste: A Cultural Legitimacy Based on Interactions between Education, Age, and Gender. *Biens Symboliques / Symbolic Goods*. 2021. Vol. 8. DOI: [10.4000/bssg.625](https://doi.org/10.4000/bssg.625)
26. *Quantifying Theory: Pierre Bourdieu*. Ed. by K. Robson, C. Sanders. Dordrecht: Springer Netherlands, 2009. 228 p. DOI: [10.1007/978-1-4020-9450-7](https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9450-7)
27. Roueff O. Les homologues structurales: une magie sociale sans magiciens? La place des intermédiaires dans la fabrique des valeurs. *Trente ans après La Distinction de Pierre Bourdieu*. Dir. P. Coulangeon, J. Duval. Paris: La Découverte, 2014. P. 153–164. DOI: [10.3917/dec.coula.2013.01.0153](https://doi.org/10.3917/dec.coula.2013.01.0153)
28. Rupp J.C.C. Les classes populaires dans un espace social à deux dimensions. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1995. Vol. 109. No. 1. P. 93–98. DOI: [10.3406/arss.1995.3156](https://doi.org/10.3406/arss.1995.3156)
29. Schwartz O. Peut-on parler des classes populaires? Un texte inédit d'Olivier Schwartz. *La Vie des idées*. 13 septembre 2011. Accessed 12.09.2024. URL: <https://laviedesidees.fr/Peut-on-parler-des-classes.html>

30. *Sociologie des classes populaires contemporaines*. Dir. Y. Siblot, I. Coutant, N. Renahy, [et al.]. Paris: Colin, 2015. 368 p.
31. *The Routledge Companion to Bourdieu's Distinction*. Ed. by P. Coulangeon, J. Duval. London: Routledge, 2015. 344 p.
32. *Trente Ans Après La Distinction de Pierre Bourdieu*. Dir. P. Coulangeon, J. Duval. Paris: La Découverte, 2013. 272 p. DOI: [10.3917/dec.coula.2013.01](https://doi.org/10.3917/dec.coula.2013.01)
33. Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory*. Cambridge: Polity Press, 2023. 288 p.
34. Wacquant L., Акчаоğlu A. Practice and symbolic power in Bourdieu: The view from Berkeley. *Journal of Classical Sociology*. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 37–51. DOI: [10.1177/1468795X16682145](https://doi.org/10.1177/1468795X16682145)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025; поступила после рецензирования и доработки: 20.01.2025; принята к публикации: 12.03.2025.

Received: 15.01.2025; revised after review: 20.01.2025; accepted for publication: 12.03.2025.

# К 80-ЛЕТИЮ Л.Г. ИОНИНА (1945–2024)



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.7

EDN: VFNIQM

*2 июля 2025 года исполнилось бы 80 лет со дня рождения видного российского социолога, философа, культуролога и политолога доктора философских наук, профессора Леонида Григорьевича Ионина (1945–2024). Сам он прежде всего причислял себя к социологам, но в «широком, очень широком смысле слова», а социологию считал своим «обозначением способа видеть мир». Возможно, следствием такого видения стала его особая социальная чувствительность, эмпатическое восприятие людей в повседневности и общества в культуре и истории. О неординарности Л.Г. Ионина как мыслителя свидетельствуют его идеи, новые понятия, предложенные для описания самого сложного и неосвоенного — социальных и культурных изменений. Его авторству принадлежат комбинированные методы социологического анализа, открытие ранее не исследованных явлений общественной жизни, прежде всего российской. Сопричастность жизни в стране, научная ответственность неизменно находили отражение в его текстах. Независимое теоретическое мышление освобождало Л.Г. Ионина от всякого рода конъюнктуры, моды или влияния авторитетов. Глубокое знание западных теорий не стало поводом для неоправданных заимствований и подражания, механического использования понятий в попытках примерить их к российским реалиям, от чего издавна несвободно наше теоретическое познание. Напротив, Л.Г. Ионин кропотливо работал над аутентичным пониманием классической и современной западной терминологии, адаптировал, вводил в оборот и развивал понятия, концепции и аналитические инструменты.*

*О сказанном свидетельствует и опубликованный ниже текст. Отдавая дань уважения и памяти Л.Г. Ионину, мы публикуем его давнюю статью, впервые вышедшую в свет в конце 1990-х: Ионин Л.Г. Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения: Сборник материалов ежегодного методологического семинара. Вып. 2. М.: Ин-т социологии РАН, 1997. С. 50–89. Хотя идеи статьи автор впоследствии развивал в других работах, здесь с позиций антропологии и культурологии он впервые вводит понятие «диффузные формы социальности». Главный смысл понятия: это простейшие формы социального бытия, которые принципиально противопоставляются всем его институционализированным формам. Диффузные формы социальности существуют всегда, характеризуются исторической константностью и отсутствием структуры. Автор показывает, что социальная жизнь исторична, ее прошлое и будущее взаимодействуют друг с другом, и это взаимодействие основано на культурных смыслах.*

*Теоретической базой Л.Г. Ионин избирает социальную феноменологию А. Шюца, где в один ряд поставлены повседневность и т. н. «конечные области значений», или, по Ионину, всевозможные «миры опыта». Но только мир повседневности предполагает объективное переживание вещей и явлений. На обширном материале из истории культуры с использованием концепций Э. Гуссерля и Г. Зиммеля автор анализирует выделенные Шюцем шесть конституирующих элементов/характеристик повседневности. Выясняя, изменялись ли эти характеристики исторически, Л.Г. Ионин дополняет идеи Шюца, не ставившего перед собой подобную задачу. Автор приходит к выводу, что по*

мере развития от прошлого к настоящему повседневность утрачивала в восприятии индивидов черты уникальности и индивидуальности социального мира, характеризуясь нарастающей типизацией, интеллектуализацией и логизацией. Л.Г. Ионин также приходит к выводу, что диффузные формы социальности относятся к доструктурным и дотипологическим формам социального бытия. Однако близкой к истине считает гипотезу, что такие формы сохраняются и в современном мире в виде любого рода нетипологизируемых и ненормируемых объектов и взаимодействий, в виде некоего «социального эфира», в который погружены социальные структуры. Выяснение антропологических корней диффузных форм социальности могло бы помочь предвидению многого в культурном развитии будущего.

Представляется, что давняя статья Л.Г. Ионина вновь заинтересует социальных исследователей. Ведь в последние десятилетия социальное бытие стало все интенсивнее прирастать новыми формами, ждущими своего изучения.

Текст воспроизводится с сохранением авторского стиля, описания подстраничных ссылок, без сокращений и изменений (если не считать таковыми устранение опечаток и несколько примечаний редактора в квадратных скобках).



**Л.Г. ИОНИН**

## **ДИФФУЗНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОСТИ (К АНТРОПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ)**

**Для цитирования:** Ионин Л.Г. Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 129–156. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.7 EDN: VFNIQM

### **Вступление**

Смысл настоящей статьи заключается в попытке нащупать некоторые простейшие формы социального бытия, которые не являются *структурами* в социологическом смысле слова, то есть не носят институционального характера, не

являются пограничными линиями между слоями и группами, не организуют социальное поведение в качестве стабильных, повторяющихся моделей — «паттернов». Довольно легко говорить, чем они *не* являются: они не являются институтами, не являются группообразующими моментами, не функциональны по отношению к каким-то конкретным системам, не служат критериями выделения социальных слоев, групп, классов и т. д. К ним, строго говоря, не применимы любые социологические определения.

С моей точки зрения, эти формы внеструктурны или до-структурны. Какой из этих префиксов — «вне» или «до» — правильнее применить к этим формам, мы постараемся определить ниже. Пока что я хотел бы обозначить их как *диффузные формы социальности*. Здесь несколько иная метафорика. Если доструктурное и внеструктурное противопоставляются структурному, или структурам, то диффузное противопоставляется *концентрированному*. Концентрированные формы социального бытия — это те институционализированные и институционализируемые ежедневно, ежечасно и ежеминутно — в процессах социального конструирования реальности — формы совместного бытия, в которые, как в колодки, укладывается наша жизнь. Это семья и школа, церковь и mass media, труд и свободное время, болезнь и здоровье и множество других институтов. Концентрированное — это институционализированное. Диффузное — это неинституционализированное, то, что в принципе не институционализируется, но присутствует в социальной жизни всегда.

Рискуя быть обвиненным в ненаучной постановке вопроса, сравню диффузные формы с социальным *эфиром*, в котором находятся социальные структуры.

## Историчность социальной жизни

Историчность социальной жизни можно толковать трояко.

Во-первых, социальная жизнь исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, то есть, как писал Шюц, мир готовых форм, который “...we encounter in tradition and habituality, and which is capable of being examined because the ‘already-given’ refers back to one’s own activity and or to the activity of Others, of which it is a sediment”<sup>1</sup> [«...мы встречаем в традиции и привычке и который может быть подвергнут исследованию, поскольку “уже данное” отсылает к собственной деятельности или к деятельности Других, осадком которой оно является». — *Прим. ред.*].

Привычные формы поведения существовали до нас и усваивались нами в процессе обучения, сами же эти формы сложились в деятельности предшествующих поколений. Они представляют собой, безусловно, структурные, концентрированные формы социальности.

Во-вторых, историчность можно трактовать как соотнесенность с прошлым и будущим. Историчность в этом смысле является одним из обязательных измерений социальной жизни. Дело прежде всего во временном характере всякого действия. Планируемое действие соотносится не только с будущим (проект представляет собой предвосхищение будущего состояния дел), но и с прошлым. Это соотнесение с прошлым имеет двоякий характер. Первый его аспект: всякое новое

<sup>1</sup> Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Hague: Martinus Nijhof, 1962. P. 133.

действие является в какой-то степени повторением уже совершившегося, укладывается в рамки типа. В противном случае социальная жизнь лишилась бы своего структурированного и упорядоченного характера, каждое действие оказывалось бы прыжком в неизведанное, с каждым новым актом мир начинался бы снова.

Правда, заметим в скобках, самим социальным деятелям, «актерам», эта повторяемость, воспроизводимость не дает возможности воспринимать временные изменения. Типичное поведение неизменно, вневременно.

Второй аспект временного характера действия проявляется в формировании его, действия, мотива. Мотив, который А. Шюц именовал «мотивом-для-того-чтобы», — основа обращенного в будущее проекта — формируется на основе действия другого человека, соответствующий мотив которого с точки зрения этого планируемого действия рассматривается как мотив «потому-что». Таким образом, в каждом действии проявляется соотношенность его с прошлым и будущим, имеется временная координата.

## Предшественники и современники

Но временное измерение фигурирует в повседневности и иначе. Индивидуальная перспектива видения мира каждым человеком включает в себя, наряду с миром современников, различные секторы, круги, фрагменты которого представляются с различной степенью отчетливости, также и мир предшественников, и мир, если можно так выразиться, наследников. Разные люди в зависимости от различия их биографической ситуации представляют эти миры по-разному. Мир предшественников для историка-специалиста выглядит совсем иначе, чем для человека, не знакомого с прошлым профессионально. Но и для историка этот мир, то есть социальная реальность прошлого, представляется дифференцированно; в нем выступают зоны, более или менее знакомые, представляемые с большей или меньшей степенью отчетливости и т. д. и т. п. Другими словами, системы релевантностей, определяемые практическими интересами деятелей в повседневной жизни, диктуют не только восприятие современности, но и восприятие прошлого: его глубину, отчетливость, направленность и т. д.

Это живой, так сказать, непосредственный, историзм социальной жизни. Прошлое определяется из настоящего. Интересы, цели, мотивы действующих в сегодняшнем дне, в нашем настоящем, индивидов определяют наши представления о прошлом.

Живой характер прошлого определяется и тем, что развитие наших исторических представлений, открытие новых фактов, документов в известном смысле развивают, изменяют этот мир. История не просто познает — она изменяет прошлое в той мере, в какой оно становится основанием для деятельности в настоящем. Итак, прошлое, или, как говорил Шюц, «мир предшественников», постоянно изменяется. Кроме того, мир этот постоянно «прирастает» по мере того, как настоящее становится прошлым. Факты и явления прошлого по мере этого «прирастания» получают новую интерпретацию и обретают новые возможности воздействия на поведение и мышление сегодняшних людей. Если посмотреть на этот процесс с точки зрения системного подхода, можно сказать: по мере того, как

настоящее уходит в прошлое, прошлое не просто увеличивается; к нему добавляются новые элементы, которые изменяют значения как других элементов, ранее входивших в систему, так и системы в целом.

Это, конечно, абстрактный взгляд на историю. Но не нужно много усилий, особенно в нынешние революционные годы России, чтобы вполне конкретно и содержательно отнаблюдать и оценить реальные процессы прирастания прошлого, сопровождающегося его изменением как целого. Распад Советского Союза и создание нового Российского государства коренным образом изменили прошлое России в целом. Оно перестало рассматриваться и быть неподлинным существованием, предшествующим моменту Страшного суда (социалистической революции), за которым должно последовать тысячелетнее царство Божие (социализм и коммунизм). События последних лет как бы отменили всю эту историческую драму. Оказывается, игрался вовсе другой спектакль. Жанр был другой: не драма, а эпос. Главные действующие лица делали совсем не то, что считалось раньше: не строили, а ломали, вели не в будущее, а в мрачное прошлое и т. д. и т. п. Вот как много изменилось в нашем прошлом всего за 5–7 лет. Добавление к прошлому бурных событий этих нескольких лет коренным образом изменило характеристики прошлого как системы в целом.

Если же счесть как прошлое, так и настоящее субсистемами одной социальной системы, включающей в себя и прошлое и настоящее, то изменение характеристик одной субсистемы влияет на другую. То есть само это изменение прошлого влияет на обыденные и научные интерпретации, применяемые нами в общении с нашими современниками, и в этом смысле можно говорить о не-прямом, но все же активном воздействии прошлого на настоящее. Отсюда можно и нужно делать вывод о том, что прошлое все же в определенном смысле слова не абсолютно прошло. Оно в определенном смысле имеет будущее. Оно возвращается не просто потому, что является неизменным образцом, парадигмой, архетипом, которому следуют традиционные формы действия, но потому, что способно, самоизменяясь (в результате усилий историков и по мере своего собственного естественного прирастания), воздействовать на изменение институционализированных форм деятельности в настоящем.

Здесь нужна оговорка. Можно, конечно, возразить, что в этом анализе спутаны две вещи: реальное, так сказать, «физическое», прошлое, «состоящее» из физических действий моих предшественников и «наполнявшего» их эмоционально-смыслового содержания, с одной стороны, и его, этого прошлого, современные интерпретации, меняющиеся, разумеется, и интерпретации конкретных человеческих действий, — с другой.

Это важное замечание, хотя оно и не может поколебать приведенные выше аргументы. Дело в том, что реальное прошлое — это не обязательно только «физическая» реальность человеческих действий. Социальные действия, по отношению к которым деятельность в физическом смысле является только лишь субстратом, не менее реальны. А реальность социальных действий есть именно смысловая, интерпретационная реальность. Как объективная, физическая реальность в нашей современности оказывается результатом процессов определения ситуации, так и реальность прошлого — продукт и результат интерпретационных процессов. Она была таковой и тогда, когда была еще не прошлым, а настоящим. Уйдя в прошлое,

она утратила возможность физической трансформации, но не утратила, а, наоборот, многократно увеличила — избавившись от цейтнота, которым постоянно угрожают духовной реальности законы природы, — потенциал интерпретируемости, то есть трансформируемости.

Можно даже сказать больше: если и осталось от прошлого что-то, что не изменилось, то это что-то — крайне редкий товар и крайне высоко ценится. Смысловые реальности, которые были реальны для наших «предшественников», с течением времени делаются нам недоступными. Даже письменные источники говорят о них очень мало, ибо семантика терминов, выражений, обозначений утрачивается, когда сами эти термины, выражения, обозначения (а также и более крупные единства, в структуру которых они входят, то есть картины, трактаты, мемуары и т. д.), оказываются «вынутыми» из жизненной или культурной формы, в рамках которой они вели естественное существование, и перенесенными в наше время. «Литературный памятник» — это не более, чем памятник, и жизни в нем не более, чем в памятнике. Вещь в музее — не живая вещь в многообразии своих социальных опосредований, а вещь-инвалид. Поэтому так дорого ценится нынче смысл вещей, который они имели в прошлом. Поэтому мы с таким удовольствием читаем труды по исторической семантике Филиппа Ариеса, например, или Арона Гуевича, или представителей французской школы истории повседневности. Они дают нам ощущение аутентичности вещи и жизни в прошлом.

Но аутентичность не тождественна реальности. Неаутентичные использования вещей и идей не менее реальны, чем аутентичные. Можно привести в пример Ницше и нацизм.

## Некросоциология

Хотелось бы все же, чтобы речь о воздействии прошлого на настоящее и, наоборот, настоящего на прошлое не осталась метафорой, а для этого следует прояснить конкретные механизмы этих воздействий. Разумеется, здесь нельзя говорить о прямом и непосредственном взаимодействии, предполагающем физическое присутствие партнеров из разных времен. Но тем не менее это взаимодействие может иметь формальную структуру диалога, представлять собой взаимодействие позиций, точек зрения, где позиция, занятая нашим современником относительно какого-то факта прошлого, побуждает углубленное изучение этого факта, открытие в нем новых сторон и опосредований, что, в свою очередь, заставляет нас менять нашу позицию по отношению к этому факту. Вопрошающий историк рано или поздно получает ответ из прошлого. Как писал Бахтин: «...нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»<sup>2</sup>. Правда, нужно добавить, что возродится он уже как другой смысл.

Все это касается того, что мы называли смысловым аспектом взаимоотношений «предшественников» и современников. Повторю: «смысловой» в данном контексте не означает просто «субъективный»; ведь типологическая интерпретация взаимодействия порождает новую среду деятельности, которая, будучи с точки

<sup>2</sup> Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1973. С. 373.

зрения ее онтологического статуса интересубъективной, *объективна* в качестве детерминанты деятельности, а потому — через посредство практической работы в мире — порождает новые *объективные* факты.

Но тем не менее мы говорим пока что о смысловых взаимодействиях, ибо, с точки зрения практического деятеля, мир прошлого мертв и пассивен, а его активизация возможна только в ходе специализированной исследовательской деятельности. Но возникает вопрос: возможна ли такая социальная реальность, в которой взаимодействие прошлого и настоящего выглядело бы *натуралистически*, в которой взаимодействие прошлого и будущего было бы не продуктом аналитической деятельности историка, философа или социолога, с одной стороны, и не поэтической метафорой — с другой, а простой непосредственно переживаемой как таковая повседневной реальностью, не менее реальной, чем повседневные взаимодействия с приятелями, например, коллегами или родственниками?

Такой повседневностью, в которой прошлое и настоящее взаимодействуют в одновременности, была повседневность жизни в Древнем Египте. Обычно в этой связи говорят о культе предков. Загробная жизнь, согласно верованиям древних египтян, была продолжением земной жизни. Но нас интересуют не этнологические классификации и не описания ритуалов сами по себе. Важно, как воспринимаются в ритуале ушедшие предки. Умершего хоронили, но он «...*воспринимался как реально существующий, способный принести вред или, наоборот, оказать помощь своим близким на земле, живые иногда пытались установить контакт с умершими родственниками посредством писем... В письмах излагались просьбы живых к умершему... Иногда просьбы сопровождались угрозами. Некоторые болезни живых считались следствием злых козней умерших. Это было одной из причин возникновения переписки: конфликт пытались уладить мирно*»<sup>3</sup>.

Нас в данный момент совершенно не интересуют современные представления о возможности контактов с мертвыми. Нас интересуют представления древних египтян. Для них диалоги с мертвыми: обращения к ним, переписка, знаки, получаемые от них, — были естественным, нормальным явлением повседневной жизни. Согласно этим представлениям, у людей ушедших поколений было будущее; будучи в каких-то отношениях связанными, в других отношениях они оставались свободными и могли воздействовать на мир настоящего.

Своеобразные представления о мертвых существовали у многих африканских племен. Э. Канетти пишет по поводу контактов с мертвыми у этих племен, да, впрочем, не только у них, а у большинства народов: «*Что бросается в глаза повсюду и прежде всего, так это страх перед мертвыми. Считается, что они недовольны и полны зависти к оставшимся. Они пытаются мстить, иногда за оскорбления, нанесенные им при жизни, но чаще просто за то, что другие живы, а они — нет... Но самое страстное их желание, всегда проявляющееся наружу, это перетащить к себе живущих. Поскольку их тревожит, что живые будут пользоваться оставшимися после них предметами обихода, был когда-то обычай избавляться от этих предметов или сохранять их в минимальном количестве. Все складывалось в могилу или сжигалось вместе с умершим. Хижину, где он жил, оставляли навсегда. Часто мертвеца со всеми пожитками хоронили прямо в его собственном доме, как бы показывая, что все имущество с ним, себе*

<sup>3</sup> Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М.: Наука, 1976. С. 219–220.

никто ничего не взял. Но и это не помогало совсем избавиться от его гнева. Ибо зависть мертвых касается не предметов, которые ведь можно сделать или достать снова, она касается самой жизни. Удивительно, что это чувство приписывают мертвым повсюду, при самых разных обстоятельствах. Кажется, что среди умерших всех народов господствует один и тот же настрой: лучше бы нам остаться в живых. С точки зрения тех, кто остался, каждый, кто ушел, потерпел поражение. Поражение заключается в том, что он был пережит. Он не может с этим смириться, и, вполне естественно, эту сильнейшую боль, которую претерпел, он старается причинить другим»<sup>4</sup>.

Но есть и другой способ общения с ушедшими. Это культ мертвых, о котором мы упоминали применительно к древним египтянам. Там, где культ мертвых приобрел устойчивые формы, кажется, говорит Канетти, будто люди научились умирять собственных мертвых, то есть тех мертвых, к которым имеют непосредственное отношение, — родственников. Мертвые получают все, что им может потребоваться, им даются почет и пища, они просто не могут чувствовать себя неудовлетворенными в своем, так сказать, потустороннем положении. Кто на земле был могучим вождем, тот вождь и «под землей». Во время жертвоприношений и заклинаний его упоминают на первом месте. У него нет оснований завидовать живым, а потому и у оставшихся в живых нет оснований его бояться. Мертвые из органических врагов превращаются в органических союзников.

У зулу в Южной Африке совместное существование с предками приняло особенно интимные формы<sup>5</sup>. Предки зулу обращаются в змей и уходят в землю. Но это не мифические змеи-горынычи, как можно было бы думать, которых никто никогда в глаза не видит. Это обыкновенные хорошо знакомые виды; они живут возле хижин и иногда даже в них заползают. Некоторые из этих змей по телесным признакам напоминают определенных предков и являются [ими] в глазах живущих. Но предки не только змеи, ибо во сне могут являться живым в человеческом обличье и разговаривать с ними. Этих снов ждут, если их нет, воцаряется тревога и неуверенность. Зулу хотят разговаривать со своими мертвыми, хотят видеть их во сне, причем видеть ярко и отчетливо. Если образ предка мутнеет и затемняется, его надо прояснить при помощи особых ритуалов. Время от времени предкам приносят жертву. Забивают коз и быков и приглашают предков на пир. Это пир в их честь, а потому приглашения произносятся, лучше сказать, выкрикиваются, громогласно с обозначением всех должностей и титулов. Не дай Бог пропустить какой-то титул или произнести его неправильно: предок может оскорбиться и принести страшный вред живым. Ибо мертвые вовсе не всегда справедливы. Они были людьми со всеми их слабостями и ошибками, которые еще у многих на памяти. И иногда даже самых лучших, самых, так сказать, ухоженных и почитаемых предков охватывают приступы злобы на живых просто за то, что те живы...

В настоящей работе нет возможности подробно разбирать разные типы и формы взаимоотношений живых и мертвых как в традиционных, так и — что особенно интересно — в современных культурах. Важно отметить лишь некоторые принципиальные для нынешнего изложения вещи, следующие из приведенных примеров.

<sup>4</sup> Канетти Э. Масса и власть. М., 1973. С. 292–293.

<sup>5</sup> См: Calloway G. The Religious System of the Amazulu. London, 1970. Излагается у Канетти, Op. cit.

Во-первых, отношения живых и мертвых — это отношения, по сути дела, современников, членов одного и того же общества. Нельзя сказать, что живые — члены общества, племени, группы, а мертвые — нет. И те и другие — члены общества.

Во-вторых, как члены общества, они неравны. Общество, каким его видят сами туземцы (а не этнографы, ограничивающие его живыми), включает в себя представителей двух фундаментальных статусов. Это статусы «живого» и «мертвого». Эти статусы фундаментальны потому, что все дальнейшие стратификационные и социально-структурные подразделения носят вторичный характер, определяясь прежде всего этими, фундаментальными.

В-третьих, эти статусные группы неравноправны. Мертвые сильнее в магическом смысле. Им открыто больше пространств и времен, закрытых для живых. Мертвые знают больше, чем живые, и имеют больше возможностей воздействовать на живых, чем живые на них. В то же время у живых имеется нечто такое, что мертвые утратили и уже не могут получить обратно никогда. Можно сказать так: мертвые — сильнее, живые — богаче.

В-четвертых, есть два принципа сосуществования и взаимодействия этих статусных групп; их можно назвать конфликтным и контрактным. При конфликтном социальном порядке мертвые постоянно в состоянии агрессии, а живые постоянно обороняются. В случае заключения социального договора мертвые покровительствуют живым в обмен на (а) символическое признание и (б) вовсе не символическую долю общественного богатства.

В-пятых, существует экономика и политика во взаимоотношениях этих двух фундаментальных общественных групп. Экономика базируется на необходимости уделять мертвым часть общественного богатства, а также на (магической) роли мертвых в процессах производства. Политика — это умение живых посредством магии добиваться желаемого от мертвых.

Пока этих нескольких пунктов достаточно. Мы можем смело, не боясь обвинений в метафоричности вместо аналитичности, говорить, что здесь речь идет о совместной и одновременной жизни живых и мертвых. Причем сами туземцы понимают ее вполне *натуралистически*, а если подойти к делу с точки зрения социологии, то налицо *социально сконструированная реальность* «большого общества», где мертвые и живые сосуществуют, а не живут живые и не живут мертвые.

По своим формальным признакам такое общество не является чем-то уникальным. Везде, где есть люди и где их изучают социологи, мы можем наблюдать то же самое отношение: сами социальные деятели воспринимают свою жизненную среду натуралистически, тогда как социологи считают ее социально сконструированной реальностью. Так что жить вместе живым и мертвым в известном смысле не причудливее, чем жить вместе мужчинам и женщинам, например, бедным и богатым или буржуа и пролетариям. Живым и мертвым иногда даже легче понять друг друга, о чем свидетельствует культ предков.

Разговор о некросоциологии возник при попытке обосновать факт воздействия настоящего на прошлое, и наоборот, вопреки точке зрения здравого смысла, согласно которой прошлое прошло, а настоящее есть, и только в нем все и происходит. В результате мы пришли к выводу о том, что нельзя ограничивать общество только живыми; членами общества являются и все умершие, и революции и перевороты «наверху» сопровождаются революциями и переворотами «под землей».

Социетальные процессы касаются всех — и живых и мертвых. Это относится не только к традиционным обществам и давно исчезнувшим с лица земли цивилизациям, но и к современным обществам, хотя в них соответствующие процессы происходят иногда несколько иначе.

## Конечные области значений

Разговор о некросоциологии был необходим для того, чтобы показать, как *нечто* остается постоянным в ходе исторических изменений, которые по сути своей являются изменениями *структурными*. Это нечто я и хотел бы называть диффузными формами социальности. Диффузные формы социальности — это те константы, которые должны оставаться после вычета (а) изменяющихся исторически партикулярных социальных структур (например, кастовая система или институт левирата) и (б) так называемых антропологических констант, то есть структур, пронизывающих человеческую историю, встречающихся практически во всех известных историкам и антропологам социальных системах (примером здесь могут служить такие институты и обычаи, как образование, погребение, инициация и т. д. и т. п.).

Для диффузных форм должен быть характерен не только непреходящий, константный характер, но и диффузность как таковая, то есть отсутствие структурной *концентрированности*. Антропологические константы, о которых упомянуто выше, носят характер структур, они концентрированы и легко вычленимы из сложного строения общества.

Для того, чтобы приблизиться к пониманию диффузных форм, необходимо специальное, насколько мне известно, не проводившееся до сих пор (именно под рассматриваемым нами углом зрения) изучение огромного этнографического и исторического материала. Но и в этом случае нужна концепция, которая делала бы возможной первоначальную ориентацию в материале. Для этого я хотел бы обратиться к концепции повседневности А. Шюца, на которого я уже ссылался выше в этой работе.

Основатель социальной феноменологии А. Шюц ставил повседневность в один ряд с другими сферами человеческого опыта, которые он называл конечными областями значений — *finite provinces of meaning*. Это наряду с повседневностью такие сферы, как религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и т. п. Они называются конечными, потому что замкнуты в себе и переход из одной в другую не то что невозможен, но требует определенного усилия и предполагает своего рода смысловой скачок. Скажем, переход от увлекательного романа, или захватывающего кинофильма к реалиям повседневной жизни требует некоторого усилия, заключающегося в переориентации восприятия на «иную» реальность. Религиозный опыт также резко отличается от опыта повседневности, и переход от одного к другому требует душевно-эмоциональной перестройки. То же и в других случаях.

Значения фактов, вещей, явлений в каждой из этих сфер опыта образуют целостную систему. Одна и та же вещь, ну, например, лепешка пресного теста, в религии, в науке, в повседневной жизни имеет разные значения. В каждой из

этих сфер ее значение входит в целостную, относительно замкнутую систему значений. Эти системы относительно мало пересекаются, а потому соответствующие сферы опыта и названы конечными областями значений. Я бы предпочел назвать их *мирами опыта* — мир сна, мир игры, мир науки, мир повседневности и т. д.<sup>6</sup>

На повседневность Шюц обращал особое внимание, потому что по сравнению с другими мирами опыта она обладает рядом преимуществ. А именно: являясь одним из миров опыта или конечных областей значений, как и другие указанные миры, повседневность предполагает переживание *объективного* существования вещей и явлений — то, чего, как правило, нет в других мирах опыта: в сказке и мифе, во сне, в игре, в науке (идеальной прямой, например, в реальности не существует), в искусстве и т. д. Именно в этом качестве опыта повседневности — в телесно-предметном переживании реальности вещей и предметов — и заключается, как считал Шюц, ее преимущество по сравнению с другими конечными областями значений. Поэтому, говорил он, повседневность является «верховой реальностью». Человек живет и трудится в ней по преимуществу и, отлетая мыслью в те или иные сферы, всегда и неизбежно возвращается в мир повседневности.

## Эволюция конституирующих элементов повседневности

Ниже мы рассмотрим вслед за Шюцем конституирующие элементы повседневности, которые сам Шюц объединял под категорией *когнитивного стиля*. Свой когнитивный стиль характерен для каждого из миров опыта. Следующие ниже шесть элементов характерны именно для повседневности. Но наш способ рассмотрения должен отличаться от шюцевского. Шюц не пытался ни в одной из своих работ рассмотреть повседневность исторически. На тему об историзме повседневности он вообще не высказывался, и поэтому трудно пытаться реконструировать его точку зрения на этот счет. Мы попытаемся, взяв за основу шюцевское описание элементов когнитивного стиля повседневности, рассмотреть, как повседневность изменялась исторически, если, конечно, такое изменение вообще имело место. Когнитивный стиль конституирует повседневность как сферу опыта, поэтому описание элементов этого стиля мы можем рассматривать как описание конституирующих моментов повседневности *как реальности*, а если согласиться с шюцевским определением ее как верховной реальности, то как реальности *par excellence*.

Шюц выделил шесть таких элементов<sup>7</sup>: (1) трудовая деятельность, (2) специфическая уверенность в существовании мира, (3) активное, напряженное отношение к жизни, (4) особое переживание времени, (5) специфика личностной определенности действующего индивида, (6) особая форма социальности.

Самой главной из этих конституирующих повседневность характеристик Шюц считал преобладающий в ней способ деятельности — *трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир*, основанную на предвидении проектного характера и стремящуюся реализовать предвиденное в проекте состояние дел посредством физических актов. Такая деятельность — универсальное свойство всей

<sup>6</sup> Подробнее о концепции повседневности А. Шюца см.: Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.

<sup>7</sup> Schutz A. Collected Papers. Vol. I. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962. P. 209–29 [?].

человеческой истории; повседневность всегда и всюду была трудовой повседневностью, идет ли речь о труде как материальном производстве, охоте, собирательстве и т. д. и т. п. Как писал историк Яков Буркхард, характеризуя исходный пункт своих «Всемирно-исторических размышлений», “...unser Ausgangspunkt ist der vom einzigen bleibenden und fuer uns moeglichen Zentrum, vom duldenden, strebenden und handelnden Menschen, wie er ist und immer war und sein wird”<sup>8</sup> [«...наша отправная точка — это точка единственного постоянного и возможного для нас центра — претерпевающего, стремящегося и действующего человека, каким он есть, всегда был и будет». — Прим. ред.]

## Эпохе несомненности

Вторая важная характеристика повседневности — это так называемое *epoche*<sup>9</sup> естественной установки, т. е. *воздержание от всякого сомнения в существовании мира* и в том, что мир этот мог бы быть не таким, каким он является активно действующему индивиду.

Если в случае с трудовой деятельностью есть все основания считать (по крайней мере, в первом приближении), что труд — универсальная характеристика повседневности и что, если даже его структурная организация меняется в истории, сам труд пребывает неизменно как конститутивный момент повседневности, то в случае с *epoche* естественной установки вопрос сложнее. Отнюдь не самоочевиден тот факт, что мир повседневности всегда воспринимался как единственный и подлинно реальный мир.

Возьмем, например, христианскую мифологию, на протяжении многих веков определявшую строение повседневности европейского человека. Согласно ей, мир *был иным и мог бы быть иным и далее*, если бы не первородный грех, в результате которого человек был осужден в поте лица своего добывать хлеб свой. Идея утерянного рая определяла мировоззрение средневекового человека, а в конце жизни брезжилось его новое обретение. Тот, потусторонний, мир был в известном смысле *более реальным*, чем этот, земной, посюсторонний, ибо тот мир вечен, он был, когда этого мира не было, и будет, когда этот мир погибнет, а этот мир конечен, причем конец его мыслился близким и реальным. Были времена, когда его ожидали буквально со дня на день.

Говоря о мировоззрении средневекового человека, не следует забывать, что само это мировоззрение, хотя и стало ныне гораздо менее влиятельным, вовсе не умерло, и конец света, а также и начало его, и потусторонний мир, более реальный, чем наш, земной, являются непосредственно переживаемой реальностью для многих и многих миллионов людей на земле.

Применительно к средневековому человеку, а также и к современным ве-  
рующим можно, следовательно, говорить о своеобразном *epoche*, то есть о своеобразном модусе видения мира, отличающемся от шюцевского *epoche* естественной установки. Любое действие, разворачивающееся в определенных предметно-смыс-

<sup>8</sup> Burkhardt J. Weltgeschichtliche betrachtungen. Leipzig, 1934. S. 5–6.

<sup>9</sup> Epoche (*греч.* — воздержание) — в феноменологической философии Гуссерля термин, обозначающий воздержание от суждений о существовании или несуществовании объектов опыта.

ловых обстоятельствах, мыслится этими людьми как бы в условном залоге: «если мир останется таким же, каким он был до сих пор». Говорилось об этом так: «Если будет на то Божья воля, Божье соизволение». Соизволения могло не быть, мир мог в мгновение ока измениться. Море могло разойтись и обнажить дно, как это случилось однажды с Красным морем. Даже Солнце, вечно и неизменно проходящее свой дневной путь, остановилось однажды над Иерихоном; значит, оно может остановиться и еще раз. Земля может развернуться и извергнуть невероятных чудовищ; чудовища Босха — продукт этой установки на возможность чего угодно вне и вместо повседневности на ее месте. Любая черта привычного повседневного мира может стать иной. Для того чтобы мир оставался таким же, каким он был до сих пор, совершались определенные ритуалы, многие из которых были пережитком язычества в христианстве.

Языческие времена обнаруживали те же самые черты. Считалось, что наряду с наличным, повседневным миром, где живет и действует человек, существует другой, «более реальный», мир. Он более реален, поскольку его воздействия на события этого мира обширнее и мощнее, чем воздействия этого мира на тот, другой. Так, олимпийские боги делали с греками гомеровской эпохи, грубо говоря, что хотели; они могли привести корабли к Трое, а могли бурей угнать прочь или потопить; могли помочь выиграть битву, а могли и помешать, могли спасти героя, а могли погубить. И даже жертвы, приносимые богам, могли быть ими приняты или отвергнуты, да и само принятие жертвы еще не давало гарантии успеха дела, ибо боги, как известно, вероломны.

Так что можно прийти к заключению, что на начальных этапах человеческой истории мир повседневности рассматривался с точки зрения его онтологического статуса как *один из возможных* миров. Он был столь же реален, или, если угодно, столь же ирреален, сколь и миры богов, демонов и т. д. В отличие от естественной, практической установки, о которой пишет Шюц, Э. Гуссерль характеризовал такое восприятие мира как «мифо-практическое». Повседневность в этом мире, как писал Гуссерль, «не тверда в своем самосушностном бытии и открыта воздействию мифических моментов»<sup>10</sup>. Характерной ее чертой была как раз не уверенность в том, что окружающий мир таков, каким он кажется, и не может быть другим (шюцевское *epoche* естественной установки, характерное для сегодняшней трудовой повседневности), а как раз, наоборот, сомнение в подлинности окружающего мира и уверенность в том, что он, может быть, иной или может быть иным, чем кажется и воспринимается.

Историческое развитие в отношении подлинности и единственности мира повседневности как раз и заключалось в движении от сомнения в подлинности и единственности к несомненной подлинности и единственности, то есть к формированию *epoche* естественной установки. Процессы изменения повседневности «отражались» в творчестве философов. Уже в XVII в. развилась идея физико-теологии (мир есть машина, сделанная и запущенная Богом и работающая без его вмешательства); параллельно в теологии был сформулирован догмат «божественного субботаинства» (Бог создал мир и удалился на отдых, мир существует без его участия). Этим самым Бог и потусторонний мир, более сильный и более реальный,

<sup>10</sup> Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 60.

чем наш собственный, не отвергались, но как бы контрабандой протаскивалась идея о том, что чудес, хотя они и были раньше, больше уже не будет, что мир таков, каким кажется, Господь больше не остановит солнце и не раздвинет воды, что все теперь будет происходить скучно по законам природы.

В XVII веке (у Лейбница) средневековая логика доказательства бытия Бога через его совершенство привела в конце концов к представлению о том, что наш мир — лучший и совершеннейший из возможных миров. А это прямо и непосредственно вело к констатации того, что он — единственный мир, ибо Бог как совершенное существо не может создать ничего несовершенного (а ведь что-то иное было бы несовершенным по сравнению с имеющимся в наличии совершенным миром). Фактически это был вывод о единственности нашего мира.

Так возникла характерная для нынешней повседневности уверенность в единственности, неизменности и незыблемости мира, в котором мы живем, — то, что Шюц назвал *epoche* естественной установки. Это был исторический продукт.

## Жизненная активность

Следующая конституирующая черта повседневности — *напряженное, деятельное отношение к жизни, attention a la vie*, как говорил Шюц вслед за Бергсоном. Представляется, что такое отношение, предполагающееся трудовой, активистской природой повседневности, существовало всегда. В литературе, особенно марксистской, когда речь заходит о гносеологических и социальных корнях религии, пишется, что человек прошедших эпох чувствовал свое бессилие перед лицом мирового целого, мощи природы, которые поэтому и воплощались им в образе всесильных богов. Наверное, это можно объяснить только тем, что Маркс желал успеха и величия только одной религии — своей собственной, той, что им была изобретена. Остальные должны были быть унижены и отброшены. Иначе трудно объяснить противоречие между марксовой «титанической», богоборческой антропологией, с одной стороны, и таким вот жалким изображением человека перед лицом природы и богов — с другой.

Но даже этнографические и исторические материалы позволяют увидеть, что слухи об этом бессилии сильно преувеличены. Как известно, первобытные люди не только поклонялись своим идолам, но и дезавуировали их: сердясь, разбивали статуэтки богов, пороли их, шантажировали и т. д. Из «Илиады» известно, что воитель Диомед во время битвы с троянцами не только поранил Афродиту, которая все время напускала туману на поле битвы, мешая ему сражать врагов, но бесстрашно поднял копьё против самого бога войны Аррея (Марса), пронзил его копьем, в результате чего Арей улетел к себе на Олимп лечиться. Все это отнюдь не свидетельствует о том, что человек ощущал себя бессильным. *Attention a la vie*, характерное для любой повседневности, несовместимо с расслабленностью, пассивностью сознания.

Можно возразить, что христианство проповедовало отказ от активности в этом мире, обращение внимания и усердия, упования на будущую жизнь за гробом, что здесь и сейчас должно было предполагать молитву, пост, умерщвление плоти и т. п. Именно в этом обвинял христианство, например, В.В. Розанов (см.

«Темный лик»). Но христианство не было единым в этом отношении. Уже на заре христианства существовала, например, пелагианская ересь, сторонники которой, исходя из идеи божественного предопределения, искали спасения именно на путях мирской жизни. В конце концов Реформация расправилась с прежними взглядами и решительно утвердила посюсторонний мир со всеми его предъявляемыми повседневной жизнью требованиями как единственное место служения Богу. Об этом и писал Макс Вебер в работах о протестантской этике.

Главной догматической чертой кальвинизма и некоторых других протестантских конфессий и сект, связанных с возникновением капитализма, является, по Веберу, идея предопределенности человеческого существования. Человек брошен в мир Богом, поставлен, так сказать, Богом именно на это, свойственное ему место в жизни, и жить этой жизнью для человека означает прославлять Бога. В этом — прославлении Бога и одновременно реализации своей жизни — и состоит единственная цель человеческого существования. Сам человек — ни своими решениями, ни усилиями, ни заслугами, ни молитвами — ничего в своей жизни изменить не в силах. Вебер назвал эту черту кальвинизма «патетической бесчеловечностью». Человеку остается жить собственной жизнью, что и означает жить во имя Господа.

Это учение существенно отличалось от традиционного католицизма. В католицизме (как, впрочем, и в православии) человеческая жизнь как бы делится надвое: подлинная жизнь и неподлинная. Подлинная — это религиозная жизнь, которая воцерковлена, то есть совершается при посредстве церкви и предназначена для подготовки души к жизни вечной, — и неподлинная, временная, мирская жизнь. Спасение даруется тем, кто усерден в церковной жизни — изнуряет себя постом и молитвой, жертвует на храм и т. д., короче, славит Бога именно так, как это предписано церковью. Мирская же жизнь второстепенна; кто уделяет ей слишком много внимания, тот забывает Бога и, соответственно, утрачивает шансы на спасение.

Как видим, в протестантизме все иначе. Жизнь мирская и жизнь священная там одно. Именно мирская жизнь священна. Католицизм отнимает у человека мотивацию на успех в мирской жизни и переносит все надежды и упования на жизнь в церкви, протестантизм соединяет одно и другое. Сам мир — церковь, сама мирская жизнь — служение, усердие в мирской жизни, согласно ее, этой жизни, нормам и требованиям, и есть путь к спасению души.

Отсюда логично вытекают два следствия. Первое — практическое. Церковь, молитва, священники, многообразные сложные ритуалы, разветвленная догматика — все это оказывается излишним. Все это усложняет жизнь и ни на йоту не приближает человека к спасению души. Долой церковь как организацию! Второй вывод — идеологический. Идет, как говорил Вебер, процесс *расколдовывания* мира, освобождения его от магии, суеверий, от магии молитвы например, претендующей на способность преобразовывать мир путем произнесения соответствующих формул. Мир становится проще, прямее, рациональнее.

Это по Веберу. А мы для себя можем сделать еще один вывод. Протестантская революция привела к раскрепощению жизненной активности. Собственно говоря, *attention a la vie* как неуклонное и безукоризненное выполнение требований, предъявляемых средой, обстоятельствами, профессиональной и социальной ро-

лю — это основное требование этики протестантизма. Это и есть ведь сердцевина капиталистического духа. Или, может быть, ее половина. А другая половина — это *epoche* естественной установки, выражающееся в убежденности в единственности и неизблемости этого нашего мира. Несколько рано пока что для выводов, но так и хочется заключить, что шюцевская повседневность — не универсальная человеческая повседневность, а современная, индустриальная, или, говоря открытым текстом, капиталистическая повседневность.

Но к этому мы еще вернемся. Пока же прибегнем к более скромной и осторожной формулировке: *attention a la vie*, напряженное внимание к жизни как установка сознания, было не всегда характерно для повседневности, или, по крайней мере, не всегда проявлялось столь выразительно и мощно, как сейчас. Да и сейчас оно не везде; там, где царит традиционалистский этос (в веберовском смысле), там внимание к жизни — к *этой* жизни — приглушено и повернуто к жизни иной и к иному миру.

## Время повседневности

Следующая характеристика повседневности — *специфика восприятия времени*. Повседневность конституируется стандартным временем трудовых ритмов. Последнее возникает «на пересечении» субъективной «длительности» и объективного космического времени. Это сложное строение трудового времени делает исторический анализ проблемы затруднительным. К тому же ни субъективное время, ни объективное «внешнее» время в сегодняшнем понимании не совпадают с тем, как они воспринимались в древности. Вопрос о субъективном переживании времени упирается в вопрос об основах восприятия личностью своей самоидентичности. Последнее же пережило длительную эволюцию; в античную, например, эпоху, по мнению многих авторов, в частности А.Ф. Лосева, человек отождествлял себя и отождествлялся другими прежде всего с его пластической стороной, т. е. физическим пространственным телом, в эпоху Средневековья человек — это в первую очередь душа человека. Можно предположить, что в первом случае субъективное время было вовсе или почти иррелевантно, и трудовые ритмы совпадали с природными ритмами (весна — осень, день — ночь). Во втором случае должно было возникнуть внутреннее время, ибо душа — это некоторое временное целое (М.М. Бахтин), а целое — это уже изъятие из внешнего охватывающего его ритма. Не случайно впервые внутреннее переживание времени как философская проблема было сформулировано одним из отцов церкви — бл. Августином.

Точно так же по-разному в разные эпохи переживается и внешнее время. Так, у древних египтян, как было показано выше, прошлое, то есть мир предшественников, в известном смысле одновременен с настоящим. Ничто не уходит «совсем». Факты прошлого, настоящего и будущего сосуществуют. В христианстве идея божественного предопределения говорит о том, что прошлое, настоящее и будущее как бы сжаты в единую точку, и по крайней мере в сознании Бога, существуют в одновременности. Такой же точки зрения придерживается, заметим в скобках, классическая наука, считающая возможным благодаря каузальной связи явлений нарисовать исчерпывающе полную картину мира, каким он является, каким он

был и будет. В этой механистической в своей основе картине мира историческое отождествляется с логическим, хотя в действительности их отношения сложны и отождествлять их нельзя.

Кроме того, внешнее время не воспринималось, в отличие от того, как это происходит ныне, в качестве пассивного, гомогенного, равного себе в каждый момент «вместилища» фактов и событий. Оно не было пустым чемоданом, куда сложены люди, звери, вещи, миры, вселенная. «Чемоданом» оно стало потом, когда начало пониматься абстрактно. В древности и Средневековье различные моменты времени характеризовались качественной определенностью. Время выступало, по меткому определению А.Я. Гуревича, как «конкретная предметная стихия»<sup>11</sup>, оно было неотделимо от вещей и действий, в нем содержащихся.

Время начало объективироваться и абстрагироваться уже в христианскую эпоху. Возникает (у того же Августина) философия истории, которая (как говорит тот же Гуревич) драматизирует время. Время обретает направленность, ибо история получает цель, и каждый момент времени осмысливается с точки зрения цели истории; время поляризуется. Любопытно, что одновременно поляризуются и вещи во времени. Каждая вещь, каждый поступок либо приближают, либо отдаляют тысячелетнее царство Божие. Каждая вещь, каждый поступок становятся маленькой (или не маленькой) драмой. Они таят в себе внутренний конфликт и диалектику. (Нужно отметить, что уже на излете христианства, когда оно утратило свою внутреннюю динамику, проецируемую к тому же на все, что попадало в сферу его воздействия, возникла другая идеология, вновь динамизировавшая и поляризовавшая время и вещи во времени: марксизм. Полтора века существования марксизма еще ждут своей философии и социологии.)

Но вернемся к нашей проблеме. Именно в Средневековье складывается особенный, не совпадающий ни с природным, ни с социальным ритм жизни; это субъективный, или личностный, ритм; он задается церковью, опосредующей отношения человека — не родового, а каждого конкретного человека — с Богом (это время молитв, служб, возрастные ритуалы, отпевание, погребение и т. п.). Этот вновь возникший субъективный ритм жизни «перекрещивается» с объективным, то есть сезонно-природным, частично совпадающим с социально организованным. На этом пересечении возникает стандартное время, то есть время трудовых и духовных ритмов повседневности.

Все это происходит параллельно с развитием научных представлений, под воздействием которых объективное время, так же как и человеческая духовная жизнь, освобождаются от наслоений теологических интерпретаций и, взаимодействуя, образуют трудовое время современной нам повседневности. Но это освобождение не совсем полно. Отмирают теологические интерпретации, но сами зафиксированные и, можно сказать, институционализированные в процессе многовековых повторений структуры распределения времени остаются. Это традиционное распределение, рациональное обоснование его отсутствует. Наши трудовые ритмы родили природа и религия. Связь с тем и другим утрачена, но ритмы остаются.

<sup>11</sup> Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 91.

Заключая разбор вопросов о времени, отметим, что помимо содержательных изменений временных характеристик повседневности происходит постоянное учащение ритма, ускорение темпа жизни. Как отмечают историки, лишь в конце Средневековья часы на башнях церквей стали отбивать четверти. Трудовой ритм средневекового ремесленника был более медленным, чем ныне. За днящимся до 20 часов рабочим днем следовал день отдыха. В современных условиях семи-, восьмичасового рабочего дня периоды труда и отдыха следуют с большей частотой. Но это — особая проблема, хотя и важная для познания повседневности.

## Инновативный традиционализм

Следующая из выделенных Шюцем характерных черт повседневности — это *личностная определенность действующего индивида*. Мы уже кое в чем разобрались по вопросу о личности, разбирая предыдущие проблемы, в частности, проблему времени. Но у Шюца вопрос ставился иначе; у нас тоже речь должна идти не о критериях (само)отождествления личности, а о том, насколько полно человек в единстве его проявлений (спонтанная активность, созерцание, воображение и т. д.) включен в деятельность. Повседневность, говорит Шюц, характеризуется тем, что человек ангажирован полностью. В других конечных областях значений личность участвует «частично»: в большинстве из них отсутствует спонтанная активность, где-то не работает воображение и т. д. Каждая из них характеризуется по сравнению с повседневностью каким-либо дефицитом.

Посмотрим, как обстояло дело в повседневности в давно прошедшие времена. Здесь возможны различные интерпретации. С одной стороны, древность (в самом широком смысле; включим сюда, с соответствующими оговорками, и Средневековье) характеризуется, как принято ныне говорить, малой инновативной активностью. Деятельность была тогда в основном традиционной деятельностью. Представления о мире, стандарты поведения, технологии всех областей жизни — военные, сельскохозяйственные, производственные и т. д. — оставались стабильными на протяжении веков, а иногда даже тысячелетий (Египет). В таких условиях труд превращался в совокупность достаточно механических процедур, не требующих усилий воображения, фантазии. Говоря социологическим языком, личность целиком совпадала здесь со своими ролевыми определениями, спонтанность угасала. Трудовой акт был не поступком, а механическим усилием.

Но, с другой стороны, можно сказать, что в этом бесконечном повторении одного и того же отсутствовала повторяемость. Это звучит парадоксально. Но стоит вспомнить, что говорилось о специфике переживания времени в древности. Если каждый момент характеризовался своей качественной определенностью, то, скажем, сбор урожая сегодня не был тем же самым сбором урожая, что и в прошлом году. В повторяемости крылась неповторимость; действие не было действием по известному алгоритму, оно каждый раз было новым, начиналось сначала и осуществлялось впервые. Еще из-под рук средневекового ремесленника каждый раз выходил *новый* объект, не тождественный предыдущему. Конец этому был положен лишь с введением фабричного серийного производства.

Как заметил Г. Зиммель<sup>12</sup>, в современную эпоху, гордящуюся своим инновативным духом (и действительно, сменяемость культурных образцов, типов и форм поведения необычайно ускорила, как вообще ускорились ритм и темп жизни), тоже налицо двоякая тенденция: традиционализм и стандартизация поведения — это судьба большинства, тогда как функция инновации является прерогативой специализированной прослойки изобретателей во всех сферах жизни. К тому же участвующий ритм жизни отрывает жизнь (поскольку ритм самоценен, самодостаточен, лишен предметной определенности) от ее тематически-предметно-смыслового содержания, а следовательно, подавляет инновацию. Неслучайно деятельность людей, берущих на себя функцию инноваторов в обществе, ритмизирована гораздо менее, чем жизнь общества в среднем. Это относится к работе ученых, политиков, людей искусства и т. д.

Но вернемся к нашей теме. Выявились в целом две противоречивые тенденции, и я склоняюсь к тому, чтобы, несмотря на традиционализм прошлых эпох, признать, что личностная вовлеченность людей того времени в совершаемые ими действия была, как правило, большей, чем в современную эпоху. Применительно к нашей теме — повседневности — такой вывод имеет далеко идущие последствия. В довольно грубой форме это можно выразить так: повседневность в древности была не столько повседневностью, сколько чередованием «приключений». Приключение в нашем современном смысле можно охарактеризовать как часть реальности, «изъятую» из течения жизни, как обычно, замкнутую в себе и отличающуюся крайней остротой эмоционально-волевых проявлений. Время в приключении «исчезает». Предметность воспринимается так остро и ярко, как будто бы вбирает в себя время. Поэтому мы говорим, что «все случилось как бы в одно мгновение». Приблизительно так характеризовал приключение Георг Зиммель<sup>13</sup>.

На ряд такого рода «приключений», где время поглощалось предметно-смысловой стороной деятельности и не воспринималось как нечто отдельное от вещей, и распадалась повседневность в древности. Разумеется, это не следует понимать буквально. Во-первых, приключение возможно только на фоне устойчивого стабильного порядка жизни. Во-вторых, эта стабильность, устойчивость в древности была очень высока. Другое дело, что она воспринималась острее и напряженнее, чем ныне, почему мы и говорим о более глубокой и активной вовлеченности человека в повседневность в прошедшие эпохи.

Что же касается нашей сегодняшней повседневности, то это отчужденная повседневность. И, как при всяком отчуждении, возникает частичная, неполная, ущербная личность, у которой важные душевные качества в дефиците. Как писал Зиммель, *будто бы* комментируя сегодняшний интеллектуальный релятивизм, игру в бисер дискурсов, «когда-то даже такой интеллектуальный человек, как Данте, полагал, что оппоненту лучше всего отвечать ударом ножа»<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Simmel G. Philosophie des Geldes. Berlin: Duncker & Humblot, 1900.

<sup>13</sup> Зиммель Г. Приключение // Избранное. Том 2. М., 1996.

<sup>14</sup> Simmel G. Philosophie des Geldes. S. [место, год издания и страница цитирования автором не указаны. — Прим. ред.]

## Цена личности

Мы вплотную подошли к последнему и, наверное, самому важному из выделенных Шюцем характерных признаков повседневности как конечной области значений — к особой *форме социальности*. Основа ее — интерсубъективное понимание. Как оно функционирует?<sup>15</sup>

Понимание людьми друг друга, а также ситуаций и обстоятельств взаимодействия в повседневной жизни базируется на целом ряде условностей. Главная из них состоит в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир в сущности так же, как он сам. А. Шюц именовал это *бессознательно* используемое в повседневной жизни допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив». Если выразить его суть в двух словах, он будет звучать так: в повседневной жизни мы ведем себя так, будто от перемены наших мест характеристики мира не изменятся. При этом мы отчетливо сознаем факт индивидуальных различий в восприятии мира, следующий из уникальности биографического опыта, особенностей воспитания и образования, специфики социального статуса и т. д. каждого из нас. Осознаем, что мы смотрим в разные стороны в буквальном и в переносном смыслах, то есть что мы фактически стоим лицом друг к другу, а наши жизненные планы могут кардинально противоречить один другому. Но тем не менее наше взаимодействие — скажем, заключение торговой сделки — удается без сучка, без задоринки. Значит, мы автоматически, нисколько о том не думая, с самого начала приняли допущение, согласно которому с точки зрения целей и задач, решаемых нами в данном повседневной взаимодействии, все эти перечисленные и многие другие, даже не упомянутые различия не имеют значения. Поэтому взаимодействие проходит гладко и бесконфликтно. Благодаря этому допущению проходят ровно и гладко мириады и мириады повседневных взаимодействий. Именно оно-то и описано Шюцем в «общем тезисе о взаимозаменяемости перспектив».

Все это довольно сложные вещи, но без них не понять природы повседневного знания.

Но что же получается! Приняв (неосознаваемо для самих себя — просто не задумываясь) это допущение, то есть «отмыслив» все различия между собой и партнером, мы «отмысливаем» также и партнера как уникальную личность во всем богатстве ее характеристик. Личность исчезает, остается тип. Тип «партнер по торговой сделке»; тип «парикмахер»; тип «клиент». И так далее и тому подобное. Вся наша повседневная жизнь состоит из встреч с типами, а не с живыми людьми, потому что у живых людей есть проблемы, боли, обиды, любви и т. д., а в подавляющем большинстве наших с ними повседневных взаимодействий все это нас не интересует. Действительно, разве клиента, усаживающегося в кресло в парикмахерской, интересует, что у парикмахера несчастная любовь, или разве, если я торговец, мои цели и действия изменит тот факт, что у моего контрагента «мама заболела» или еще что-нибудь случилось? Саму возможность такой незаинтересованности, а потому и беспроблемность мириадов социальных взаимодействий обеспечивает бессознательная установка, выражаемая шюцевским «общим тезисом».

<sup>15</sup> См.: Шюц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1987. № 1.

Если выразить эту мысль более строгим языком, можно сказать, что этот «тезис» в той мере, в какой он является бессознательно принятой действующей установкой, является средством *типизации* явлений и объектов, принадлежащих к общей для взаимодействующих индивидов среде. Поскольку этот тезис действен, постольку и взаимодействующие индивиды, и объекты взаимодействия лишаются уникальных черт, свойственных им в непосредственном опыте, и приобретают черты универсальности и безличности, черты *социальности*. Они принимаются на веру каждым из участников взаимодействия и входят в определение ситуации не как субъективные значения его собственного переживания, а как нормативное значение, субстантивированное в фактической жизнедеятельности группы, общности, членом которой является индивид. Применение тезиса о взаимозаменяемости перспектив служит восполнению приблизительности повседневного знания, делая возможной коммуникацию и взаимопонимание вне ситуаций непосредственного взаимодействия.

Такова вкратце шюцевская концепция повседневности как формы социальности. Для нашей темы важно ответить на вопрос о том, сложился такой мир повседневности исторически или его характеристики изначальны и неизменны. Его можно разбить на ряд частных вопросов. (1) Насколько характерным для повседневной жизни древних времен было восприятие личности как типа? (2) С какой степенью типичности воспринимались развертывающиеся социальные взаимодействия? (3) Насколько действенной была предпосылка о взаимности перспектив? (4) Как происходил процесс типизации личностей и взаимодействий?

Ответить исчерпывающе в рамках этой работы трудно. Но к определенным выводам прийти можно.

Косвенным подходом к ответу на наш вопрос может явиться проведенный Зиммелем<sup>16</sup> анализ развития представлений о *ценности* (точнее, о стоимости) *человека* в связи с развитием денежной экономики. Очевидно, исторически первичной реакцией на убийство, скажем, предводителя племени была кровная месть, то есть такое же убийство. В дальнейшем возникла практика «платы за убийство» (древнегерманское *Wehrgild*) или вообще за пролитие крови. Первоначально твердой цены не существовало; вопрос решался в каждом случае индивидуально. Лишь в дальнейшем стали вводиться твердые цены выкупа вины, учитывающие социальный статус убитого и поддержанные авторитетом светской и духовной власти. Это были объективные – в том смысле, что социально объективированные – цены.

Этот переход от субъективной к объективной цене (и ценности) человека скрывал за собой важнейший поворот в мышлении. Если, говорит Зиммель, все люди воспринимают объект одинаковым образом, то это можно объяснить только тем, что объект действительно обладает специфическим качеством, которое представляет собой содержание восприятия. Если разные люди, погибшие в разных ситуациях, оцениваются одинаково, значит, человек действительно стоит столько-то. В противоположном случае, когда цена устанавливается индивидуально, она выражает не типическую, но сугубо индивидуальную стоимость, определяемую личностными обстоятельствами и установками родственников убитого.

<sup>16</sup> *Simmel G. Philosophie des Geldes.* [Место и год издания не указаны. — Прим. ред.]

Здесь мы наблюдаем, как сказал бы Шюц, переход от индивидуального к типологическому восприятию личности. Введение такой твердой цены имело своей целью и следствием установление социального мира, сокращение бесконечной вражды между родами, то есть достижение определенной взаимности перспектив. Оно явилось также кодификацией уже сложившихся к тому времени личностных типологий.

Аналогичным образом расценивается и брак в форме покупки женщин, нашедший впоследствии свое развитие в браке, основанном на денежном расчете, и проституции. Введение цены за женщину было шагом в направлении ее, женщины, типологизации, причем цена устанавливалась в основном исходя из экономических, а не эстетических соображений.

За этими внешними экономическими и юридическими фактами скрывались изменившиеся формы восприятия человеческой личности. Все большую и большую роль в социальных отношениях начинало играть типологическое восприятие, в то время как ощущение особости и индивидуальности человека проявлялось все меньше и меньше.

В дальнейшем обнаружилась парадоксальность этого развития. Современная точка зрения, согласно которой каждая личность самоценна и не может иметь денежного эквивалента, родилась, разъясняет Зиммель, как раз в ходе абсолютизации типологизирующей процедуры. Современное юридическое «лицо» абсолютно безлико. Признание неотъемлемых прав личности предполагает отрицание (или, по крайней мере, не предполагает признания) ее индивидуальности. В противоположность этому прежние иерархические типологии имели в виду особость личности, которая выражалась в ее стоимости. Хотя с современной точки зрения назначение цены за человека унижает его, можно признать, что достаточно высокая цена есть признание его особенных индивидуальных качеств. Кроме того, как замечает Зиммель, цена может быть столь высокой, что выводит человека за рамки всяческих типологий, свидетельствуя о его уникальности и неповторимости.

С точки зрения наших интересов важен тот факт, что в социальной жизни установление стабильности и порядка взаимодействий сопровождалось возрастанием влияния типологизирующих процедур. Говорить о том, что предпосылка взаимности перспектив потенциально действительна по отношению к любым лицам, вступающим во взаимодействие со мной, это все равно что говорить, например, о равенстве прав личности, которое тоже ведь существует лишь в потенции. Чем дальше мы будем углубляться в историю, тем менее типологизируемой будет выступать человеческая личность, тем более будет суживаться сфера потенциальной взаимности перспектив. В древности все владыки были величайшими, все воины — бесстрашными и мощнейшими. Эти превосходные степени сами по себе уничтожают возможность сравнения и замены одного другим.

## Предструктурные типизации

Примерно то же самое можно сказать и о социальных взаимодействиях. Внешне они могли выглядеть точно такими же, как ныне. Например, ссора Ахилла с Агамемноном может рассматриваться как абсолютно тождественная — с фор-

мальной стороны — ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем и тождественная множеству событий, которые мы подводим под рубрику конфликтных. Однако не следует забывать, что типологизация личностей, приписывание типичных мотивов было гораздо слабее развито тысячелетия назад, а поэтому эта ссора имела гораздо большее личностное значение. Она была единственной в своем роде, как и любая другая ссора в те далекие времена.

На интенсивность переживания деятельности как сугубо личностной и неповторимой влияла также отмечавшаяся Зиммелем сравнительная малочисленность промежуточных звеньев между целью и ее достижением. Удовлетворить какую-то потребность, как правило, можно было, не выстраивая целой системы промежуточных средств-целей. Деятельность, сравнительно простая по своей структуре, воспринималась как непосредственно своя, индивидуальная, она была, как правило, «ближе» к человеку, индивидуалистичнее. Например, в условиях натурального хозяйства между работой и удовлетворением жизненных потребностей не стояли деньги как всеобщий посредник. Это было одной из причин того, что каждый трудовой акт воспринимался как сугубо индивидуальный.

Огромное значение имело возникновение науки, породившей совершенно новый род деятельности и новый род производимых продуктов. Об этом хорошо пишет Гуссерль. Продукты науки, по его словам, имеют особый способ бытия, особую временность: *«...они не портятся, они непреходящи; создавая их вновь, ссылаются на нечто похожее, в том же роде употребляемое; в любом количестве повторений создается по отношению к одному и тому же человеку и к любому множеству людей тождественное себе то же самое, тождественное по смыслу и значимости. Связанные практическим взаимопониманием люди не могут не воспринимать то, что произвел их товарищ точно таким же способом, как они сами, в качестве тождественного того же, что и их собственное изделие»*<sup>17</sup>.

Специфический способ бытия продуктов науки символизирует способ бытия современной повседневности. Но мы не можем здесь подробнее останавливаться на этой весьма важной теме.

В общем, подводя итог сравнения, можно сказать, что развитие повседневности от прошлого к настоящему состоит в постепенной утрате черт уникальности и индивидуальности в восприятии индивидов, объектов и самих их взаимодействий и в возрастании, соответственно, уровня типичности и типизируемости. Можно выделить как бы два полюса этого развития: с одной стороны, нынешняя отчужденная и, как мы отметили выше, капиталистическая повседневность, для которой характерны абстрактное мышление и типологические процедуры восприятия и взаимодействия, с другой — архаическая конкретная повседневность, для которой характерно то, что разные исследователи, по разному описывая сам предмет, именуют *примитивным мышлением*.

Важнейший вопрос здесь — о том, как происходил в архаичных, весьма отличающихся от нынешних, условиях процесс формирования стабильной и взаимосогласованной практики. Мы не можем здесь углубляться в уже многовековые дискуссии о примитивном мышлении. Обратим внимание лишь на явление партиципации, возникающее в процессе так называемого комплексного мышления.

<sup>17</sup> Гуссерль Э. Цит. соч. С. 57. [«Кризис европейского человечества и философия». — Прим. ред.]

## Комплексное мышление и партиципация

Комплексное мышление свойственно не только первобытным народам, но и детям на ранней ступени развития. В часто приводимом известном примере ребенок называет словом «ква» сначала увиденную им плавающую в пруду утку, затем все жидкости, в том числе и молоко, которое он пьет из бутылки. Затем, увидев на монете изображение орла, он обозначает словом «ква» монету, и это название переносится на все круглые и все блестящие предметы. Этот пример приводит, в частности, Л.С. Выготский, давший детальное описание процессов комплексного мышления.

В результате получается, говорит Выготский, что одно и то же слово, применяясь в различных ситуациях, получает совершенно различные, иногда противоположные значения. При этом *«каждый конкретный предмет, входя в комплекс, не сливается, тем самым, с другими предметами этого комплекса, а сохраняет всю свою конкретную самостоятельность»*<sup>18</sup>.

В рамках комплексного мышления одно и то же слово может не только обозначать различные факты и явления, которые, с точки зрения нашего понятийного мышления, не имеют никаких связей в порядке вещей, но и, наоборот, одно и то же явление может получать различные имена по причине включения его в различные комплексы. При этом, однако, оно сохраняет свою конкретную полноту и самоидентичность.

Наше логическое мышление позволяет относить предмет к различным множествам, поскольку ему присущ какой-то из конституирующих множества признаков. Например, стол можно отнести к множеству предметов из дерева, множеству предметов, стоящих на четырех ножках, и т. д. Но при этих процедурах разрушается однократно-наглядная определенность стола. То же происходит и в типологизирующих процедурах повседневности, когда типологизируемые личности и взаимодействия утрачивают свою индивидуальность.

Иначе входят вещи в комплексы. Они сохраняют самоидентичность, индивидуальность, в то же время соучаствуя одна в другой. Это явление было названо *партиципацией*. Выготский приводит пример из Леви-Брюля: бразильское племя бороро гордится тем, что его члены являются красными попугаями арара. *«Бороро совершенно спокойно говорят, что они действительно являются красными арара... Это не имя, которое они себе присваивают, это не родство, на котором они настаивают. То, что они разумеют под этим, — это идентичность существ»*<sup>19</sup>.

Возникает вопрос о том, как понимать партиципацию. Представляет ли она собой соучастие одной и той же вещи в нескольких комплексах или соучастие вещей друг в друге? Иначе говоря, является ли арара фамильным именем для обозначения птиц и людей (как, например, члены семьи могут говорить, что все они — Ивановы, но при этом не считать себя тождественными друг другу) или действительно речь идет о тождестве одного и другого. Выготский стоит на первой точке зрения, полагая, что *нелегко* говорить о том, что бороро считают себя тождественными попугаям.

<sup>18</sup> Выготский Л.С. Мышление и речь. М., Ленинград, 1934. С. 138–139.

<sup>19</sup> [Выготский Л.С. Мышление и речь.] Там же, с. 139.

Это, мне кажется, чересчур рационалистическая точка зрения, с которой невозможно схватить природу процессов партиципации. На иной позиции стоит Э. Канетти, анализирующий природу тотема, исходя из тео- и антропогонических мифов соответствующих тотемных групп<sup>20</sup>. Он показывает, что в каждом из этих мифов содержится важный элемент опыта: добыча одного определенного вида животных, служащего пищей; превращение едоков в него, в это животное, путем поедания; воскрешение останков к новой жизни. Воспоминание о том, как человек насыщался, а именно: путем превращения, — еще сохраняется в позднейшем Святом причастии. Мясо, которое поедается совместно, это не то, что оно собой внешне представляет, — оно замещает другое мясо и *становится* им, когда поглощено.

Канетти утверждает, что мифологическое поедание тотемного животного не встречается в повседневной жизни соответствующих племен. В действительности отношение членов клана тотема к животному, именем которого они себя называют, совсем другое, чем в легендах о происхождении. Члены клана как раз не едят свое тотемное животное. Им запрещается убивать его или есть, оно считается как бы их старшим братом. Только во время обрядов, имеющих целью приумножение тотема, когда представляются древние мифы и члены клана выступают в качестве собственных предков, каждый торжественно получает немного мяса тотемного животного. Но им разрешается лишь *чуть-чуть* вкушать от него. Как серьезную пищу его нельзя использовать, а если это животное попадет им в руки, они не имеют права пролить его кровь. Здесь совсем иной мотив: не отождествление путем поглощения, а стремление к умножению и усилению клана.

Именно такой мотив демонстрируют нынешние ритуалы приумножения тотемных животных. С ними человек связан так тесно, что увеличение их числа и увеличение его собственной численности разделить невозможно. Важнейшей и постоянно воспроизводимой частью ритуала является изображение предков, которые одновременно были и тем и другим, и человеком и животным. Они по собственному желанию превращались из одного в другое; воспроизвести это превращение можно, только им овладев. Это превращение представляет собой важнейшую часть обряда. Если он совершается правильно, родство закрепляется и подтверждается, и человек заставляет приумножаться животное, которое есть он сам.

Таким образом, согласно Канетти, партиципация есть и тождество, и родство. Эти два разных типа соучастия одного существа в другом соответствуют двум этапам развития клана. Первый, самый архаичный этап — это первоначальное превращение в тотемное животное и отождествление с ним путем его поедания. Второй — запрет на поедание, преследующий целью поощрение размножения тотемного животного, что одновременно есть размножение самого клана.

Отождествление здесь важнее, первичнее, а потому сильнее. Отождествление — источник *магии*. Без отождествления составляющих комплекс существ и предметов становится непонятным большинство магических процедур.

Без этого непонятна также одержимость древних *именем*. Древнеегипетская легенда гласит, что бог Ра был укушен змеей и тяжело страдал. Богиня Изида, стремясь излечить его, требовала, чтобы он открыл ей свое тайное имя. Наконец Ра, не выдержав боли, согласился. Под этим именем было произнесено заклятие, и бог был исцелен. Другое имя — это другое существо, тождественное Ра. Вообще,

<sup>20</sup> Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.

многочисленность имен, характерная для древних, свидетельствовала о том, что человек соучаствует во многих комплексах, сохраняя при этом свою целостность и индивидуальность, будучи тождественным себе при многих разнообразных обозначениях и во многих разнообразных «существах».

Представляется, что именно понятие комплексного мышления дает ключ к пониманию структур практики на исторически ранних этапах развития человечества.

Комплексное мышление позволяло отождествить один предмет, одно явление с другим, не утрачивая его конкретной индивидуальности. Оно позволяло членам рода отождествлять себя друг с другом (каждый из бороро есть бороро), с тотемным животным (каждый из них есть попугай) и с носителем своего собственного имени, сохраняя при этом свою неповторимую индивидуальность. Называние вещи или явления при этом — не подведение под тип, не логическая или квазилогическая процедура. Говоря словами Выготского, первичное слово — это «скорее образ, скорее картина, умственный рисунок понятия, маленькое повествование о нем. Оно — именно художественное произведение»<sup>21</sup>. Можно было бы еще добавить: оно — редуцированный миф.

Поэтому мы можем сказать, что в те далекие эпохи социальные взаимодействия, события, даже те, что кажутся вам знакомыми и понятными, происходили в сути своей иначе. Каждое из них, даже похожее на вчерашнее и обозначавшееся тем же самым словом, на самом деле не было тем же самым, как не является тем же самым спектакль, игравшийся вчера и играемый сегодня, игра в «дочки-матери» вчерашняя и сегодняшняя и т. д.

Такое восприятие мира поддерживалось сравнительной нерасчлененностью деятельности, «близостью» и конкретностью целей, отсутствием выраженного разделения труда. Последнее определялось конкретными физическими возможностями индивида. Так, у амазонских племен воины, отправлявшиеся в дальний поход, практиковали «военный гомосексуализм», поочередно выполняя «роль» женщин. Так, библейская Рахиль, будучи бесплодной, дала Иакову свою служанку Валлу, которая родила *двух сыновей Рахили*.

В дальнейшем, по мере усложнения деятельности, «удлинения» цепи средств, необходимых для достижения лично желаемой цели, следующего отсюда разделения труда происходит логизация вещей и явлений. Восприятие того и другого начинает отрываться от их конкретно-наглядной определенности. Расширение пространственных связей человека, возникновение обмена вещей и товаров, становление денежной экономики, открытие философии и науки — все это вело к интеллектуализации и логизации социального мира. Это были шаги становления нашей сегодняшней повседневности.

## К антропологии культуры

Мы понимаем под повседневностью нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени. С этой точки зрения, согласно нашей гипотезе, можно сказать, что в начальные эпохи истории повседневности как таковой не существовало. Повседневность — это продукт длительного исторического развития.

<sup>21</sup> [Выготский Л.С.] Там же, с. 146.

Но «примитивные» формы опыта не исчезли бесследно. Они уступили натиску повседневности, бесповоротно утвердившей себя в качестве «верховой реальности» (термин Шюца), и раздробились на «конечные области», обладающие каждая своей «логикой». В литературе отмечается, что характерное для ранних стадий истории комплексное мышление и явление партиципации характерны для мышления шизофреников. Так же отчетливо они прослеживаются на ранних стадиях развития ребенка. Интерес в этой связи представляют игры детей младшего возраста. Часто эти игры называют вслед за Дж. Мидом и другими интеракционистами *ролевыми* играми, предполагая наличие в них процессов “role-taking”, то есть, по сути дела, *типизации*.

Скорее, мне кажется, следует говорить не о типизации, а об *отождествлении*. Дети на соответствующем этапе развития просто еще не овладели логикой типизационных процессов. Они не знают общих понятий. Для них реален, если пользоваться терминологией тех же интеракционистов, *значимый другой*, а *обобщенного другого* как субстантивированного мнения группы для них еще не существует. Девочка в такой игре становится не «как бы» матерью, но она *является* матерью, так же как песок в кастрюльке — не условный (он условен лишь с точки зрения взрослой логики) заменитель каши. Этим объясняется и серьезность игры, полнота превращения в существо, личность или объект — то, что можно было бы назвать поглощенностью ролью, немислимой во взрослых играх. Этим объясняется и абсурдная с точки зрения логики возможность «принятия роли» паровоза, автомобиля и т. п. Здесь совсем иной способ мышления; это не ролевые, а партиципативные игры.

Но так называемые ролевые, а точнее, как мы считаем, партиципативные, игры — не единственный пережиток архаичного единства, существовавшего до повседневности. То, что можно обозначить вслед за Шюцем как «конечные области значений», или миры опыта, — мир игры, мир фантазии, мир художественного творчества и восприятия, мир религиозного переживания, душевной болезни и т. д. и т. п. (о чем у нас шел разговор в самом начале статьи) — *все это обособившиеся области синкретического единого комплекса действия, переживания и мышления, характерного для далекого прошлого человечества*. Их детальное систематическое исследование могло бы многое объяснить в прошлом и помочь предвидеть многое в будущем культурного развития человечества. Оно могло стать основой новой дисциплины — *антропологии культуры*. Задачей антропологии культуры должно быть выяснение антропологических корней самых разных сфер, отраслей, отделов культуры. Конечные области когда-то были не-конечными, и именно антропология культуры была бы в силах обнаружить в прошлом культурный синтез, время которого — в будущем.

Свою роль антропология культуры должна сыграть и применительно к социологии. Вопрос о диффузных формах, поставленный во вступлении к этой работе, может получить ответ именно через антропологию культуры. Предварительный ответ, как я полагаю, уже получен в настоящем исследовании. *Диффузные формы — это доструктурные и дотипологические формы социального существования*. На основе проделанного анализа можно утверждать, что диффузных форм в нашей нормальной «капиталистической» (в смысле: индустриалистской) повседневности

нет. Нормальная повседневность — а именно нормальная повседневность и есть то, что мы именуем социальной жизнью и чем занимается наука социология! — это совокупность типологических конструкторов.

Но мне кажется близкой к истине гипотеза, сформулированная во вступлении, гипотеза о том, что диффузные формы — это своего рода *социальный эфир*, в котором — наподобие того, как старинная физика считала находящимися физические тела — «находятся» социальные структуры. Этот эфир — любого рода не-типологизируемые объекты, люди, взаимодействия, любого рода интимность, мистический опыт, переживания, имеющиеся в шаманских культурах и традиционалистских религиях. Кроме того, к диффузным формам относятся взаимодействия, предполагающие глубокую телесную вовлеченность, какую бы природу последняя ни имела: будь это смерть тела или любовное соитие. Как правило, указанные формы опыта лежат вне группового нормирования; они вне нормы, если же они все же типологизированы и институционализированы, то лишь поверхностно. Нетипологизированным и неинституционализированным остается их подлинное глубинное содержание. Типологизация оставляет их суть незатронутой в отличие от повседневных взаимодействий и форм опыта, которые типологизацией фактически исчерпываются.

Диффузные формы — это некая параллель фрейдовскому “Id”. Но это не сугубо индивидуальное влечение, а формы общения и взаимодействия. Как и “Id”, они могут рождать чудовищ. Но об этом говорить здесь пока рано. Настоящая работа есть первый опыт вскрытия и рассмотрения, точнее, ее можно назвать первой попыткой *локализации* диффузных форм социальности.

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2.  
P. 129–156. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.7**

Research Article

**LEONID G. IONIN**

Doctor of Philosophical Sciences, Professor (1945–2024).

**DIFFUSE FORMS OF SOCIALITY (TOWARDS THE ANTHROPOLOGY OF CULTURE)**

**For citation:** *Ionin, L.G. Diffuse Forms of Sociality (Towards the Anthropology of Culture). Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 129–156. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.7*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024; поступила после рецензирования и доработки: 16.06.2025; принята к публикации: 17.06.2025.

Received: 10.06.2024; revised after review: 16.06.2025; accepted for publication: 17.06.2025.

# АРХИВ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.8  
EDN: XTRNUQ

## **Б.З. ДОКТОРОВ<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Независимый исследователь.  
Фостер-Сити, Калифорния, США.

## **ЗАХАР ФАЙНБУРГ: «ИНАЧЕ ЖИТЬ Я НЕ ХОЧУ, НЕ МОГУ, НЕ УМЕЮ»**

*Аннотация.* З.И. Файнбург (1922–1990) известен как основатель пермской социологической школы, один из пионеров экономической социологии в СССР, исследователь культуры и фантастовед. Здесь он предстает как двадцатилетний участник Великой Отечественной войны (ВОВ), сначала пехотинец и разведчик, потом — артиллерист, командир орудия. Начав войну на Украине, он закончил ее в Восточной Пруссии. Центральное место в статье занимает ценнейший исторический материал — серия писем Файнбурга с передовой, часто — непосредственно из окопа. Строки писем дышат эпохой, боями и одновременно раскрывают нам мир солдата, который со временем станет одним из ведущих отечественных социологов первой советской/российской когорты. Представленный материал дополняет биографический портрет известного социолога, а также способствует сохранению исторической памяти о ВОВ.

*Ключевые слова:* З.И. Файнбург; биография; историческая память; социологи-фронтовики; Великая Отечественная война; фронт; риск; вера в победу; образование.

*Для цитирования:* Докторов Б.З. Захар Файнбург: «Иначе жить я не хочу, не могу, не умею» // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 157–166. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.8 EDN: XTRNUQ

### **З.И. Файнбург и его фронтовые письма**

Яркий представитель первого «постоттепельного» поколения советской/российской социологии Захар Ильич Файнбург (1922–1990) относится к той группе творческой интеллигенции, представители которой участвовали в Великой Отечественной войне и потому ощущали свою повышенную ответственность за правду в отражении жизни. Назову писателей и поэтов Виктора Астафьева, Василя Быкова, Бориса Васильева, Булата Окуджаву, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, Александра Солженицына, Юрия Трифонова, скульпторов Эрнста Неизвестного и Вадима Сидура. Безусловно, этот список можно продолжить, но хотелось бы назвать социологов, прошедших через войну: Нариман Аитов,

Александр Зиновьев, Самуил Кугель, Николай Мансуров, Михаил Руткевич, Фридрих Филиппов, Анатолий Харчев, Владимир Шубкин. Уверен, это не все, уверен, но вспомним всех...

Так сложилось, что лишь с С.А. Кугелем я смог побеседовать в процессе моего историко-социологического исследования. Но о Н.А. Аитове рассказали его родные и ученики, Ф.Р. Филиппова и З.И. Файнбурга вспомнили их сыновья, о В.Н. Шубкине с теплотой говорили его друзья Владимир Ядов и Владимир Шляпентох.

И неожиданно в преддверии 80-летия Дня Победы сын З.И. Файнбурга — Григорий Файнбург прислал мне серию писем отца с фронта, за что я глубоко благодарен ему. Этот материал дышит эпохой, боями и одновременно раскрывает нам мир юноши, который со временем стал одним из ведущих отечественных социологов первой когорты.

З.И. Файнбург — доктор философских наук, профессор, основные области его исследований: социология труда, социальное планирование, социология культуры и социология будущего.

Файнбург родился через четыре года после Октябрьской революции и испытал все тяготы становления и расцвета сталинизма: арест и потерю родителей, воспитание в детском доме, войну, послевоенные годы борьбы с «безродными космополитами» и невозможность жить в Москве. На протяжении всей жизни ему приходилось постоянно преодолевать идеологические препятствия, возникавшие на пути публикации его пионерных экономических и социологических работ, прибегать к эзопову языку литературных рецензий, научной фантастики, прикрывающих его социологический анализ с целью изложения своего понимания общественного развития. «Моя жизнь была тяжела, но, — говорил он, — не была бременем» [1].

В детдоме Захар много читает, начинает знакомиться с философскими и литературно-критическими произведениями, затем поступает в известный Московский институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), где учится у выдающихся обществоведов. 9 июля 1941 года добровольцем уходит на фронт. Вернувшись с войны, с отличием оканчивает экономический факультет МГУ и вынужденно уезжает на работу в тогда далекую, провинциальную Йошкар-Олу. Лишь в 1960 году он переезжает в промышленно развитую Пермь и до конца жизни работает в Пермском политехническом институте. После смерти Сталина и реабилитации родителей Файнбург смог защитить кандидатскую диссертацию по конкретной экономике, тогда же он начинает социально-экономические исследования на промышленных предприятиях, что в конце 1950-х было делом новым и малопонятным.

Приведу фрагмент интервью с Т.И. Заславской: «[З.И. Файнбург] был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии, иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы» [2].

Файнбурга можно обоснованно рассматривать как одного из пионеров экономической социологии в СССР и зачинателя прикладных исследований в области социологии труда. Он был среди первых, кто открывал тематику социального планирования на производстве.

Как философ и социолог Файнбург многие годы отдал изучению природы социалистического общества, сущности культа личности. Он внес серьезный вклад в развитие теории культуры. Файнбург не только экономист, философ и социолог, он — фантастовец, его причисляют и к видным отечественным культурологам. Нельзя не отметить работы Файнбурга футурологической направленности. Здесь удивительным образом соединились глубокое знание им природы социалистического общества, а также любовь и профессиональное понимание научной фантастики. Он дружил с братьями Стругацкими и переписывался со Станиславом Лемом.

З.И. Файнбург — один из создателей уральской социологии, основатель научной школы. Традиции, заложенные им, живы и развиваются в рамках многолетних «Файнбургских чтений» в Перми.

## Письма с передовой

22 июня 1941 года студент первого курса экономического факультета ИФЛИ Захар Файнбург готовился к экзамену по математике и услышал сообщение о начале войны. После стихийно возникшего митинга в общежитии ИФЛИ на Стромынке все отправились в военкомат. Но обязательному призыву подлежали юноши только 1918 года рождения и ранее. У Файнбурга, 1922 года рождения, был запас второй категории. В армию его не брали, даже добровольцем. И он включился в общественную работу, начал помогать в райкоме комсомола, проводил там дни и ночи. В итоге 9 июля 1941 года ему удалось в Сокольническом райкоме ВКП(б) получить специальную повестку добровольца для вступления в Красную Армию.

Пройдя военную подготовку, Захар в конце августа 1941 года попадает на фронт, воюет, лечится от болезней и ранений, учится военному делу. Осенью 1945 года он демобилизуется и с жадностью — это читается в его фронтовых письмах — продолжает учебу.

Один год пять месяцев Файнбург был на передовой, участвовал в боях, сначала в пехоте и войсковой разведке, затем (в 1944–1945 годах) в дивизионной артиллерии командиром орудия. Начал войну на Украине, прошел Белоруссию, Польшу и окончил войну на берегу Балтийского моря в Восточной Пруссии.

Кому и о чем писал Захар Файнбург с фронта, сейчас трудно сказать. В его личном архиве сохранились лишь письма к нему, в основном от девушек, с которыми он дружил. Одним из адресатов, кому он регулярно писал, была его двоюродная сестра Лиза, младше его на четыре года.

После войны искать письма с фронта никому в голову не приходило, но шли годы, минуло почти 60 лет после окончания войны. К тому времени не стало Захара Ильича, умерла и его жена. В начале 2000-х годов старую бабушку Лизу в Москве внучка стала «уплотнять» в квартире, и где-то в шкафу обнаружился сверток с письмами 1943–1945 годов. Все передали сыну — Григорию Захаровичу Файнбургу, он разобрал их, внимательно прочел, оцифровал и опубликовал написанный по ним рассказ о фронтовых дорогах отца. Позже ученики З.И. Файнбурга, работавшие на телевидении, сделали на основе писем фильм «Философия войны».

О чем эти письма? Обо всем. О любви и о жизни, о фронтовом быте, о смерти в боях, о патриотизме, о воинском долге, о друзьях и подругах, об учебе.

Какие-то письма, по мнению приславшего мне их Г.З. Файнбурга, стандартны, типичны, конкретны и не очень интересны, но все равно хотелось бы и в них заглянуть. Есть письма о «вечном», они особенно интересны, поскольку мы знаем их автора, его послевоенную жизнь. Можно с уверенностью говорить: Файнбург остался верен тем взглядам на мир и тем ценностям, которые были присущи ему, двадцатилетнему. А ведь нередко он не был уверен, что допишет письмо.

Одной из обсуждаемых тем — надо помнить, что все письма прочитывались военной цензурой — было участие в войне, ведь Захар пошел воевать, когда мог бы отсидеться в тылу. У него была студенческая бронь и т. п.

Из письма 10.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«...“Ниже летать” я, конечно, не буду, но я и сейчас достаточно осторожен. У меня нет никакого желания на третий год войны погибнуть от дурацкой пули. Если достанет, так чтобы это действительно мне предназначалось...

Я стал веселее — верно. Вместе с тем чертовски скучно. Надоело слушать грохот орудий, свист пуль, вой осколков, надоело ходить, пригибаясь, по траншеям и выглядывать в небо, кто летит: “Мессер” или “Як”. Надоело жить в земле, спать одетым, кушать из котелка, а не из тарелки. Надоело писать письма и ждать их. Я так истосковался по книгам, по Москве, по всем вам!

От этого всего еще больше сатанеешь и лезешь напролом, иногда зря. Нет границ дикой ненависти к этой проклятой сволочи, топчущей нашу землю, мешающей каждому заниматься своим делом: учиться, строить, любить, радоваться — быть творцом своей жизни, своего счастья. Они просчитались — они забыли, что мы умрем стоя, но не встанем на колени.

Прошли тяжелые дни 1941 года, победа уже близка, она видна и осязаема, и потому рвешься и лезешь — хоть уж скорее бы кончилось это...»

Из письма 18.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«...Я стал писать реже по тем самым совсем горячим причинам. Твое письмо получил в самый разгар и читал между выстрелами по два слова. Сейчас, когда я пишу это письмо, фриц делает огневой налет и моя “квартира” размером 1 м x 2 м, вырытая в земле и перекрытая бревнами, трясется, как в лихорадке. Огрызается он [фриц]<sup>1</sup> зря. Сегодня, когда как раз читал твое письмо, три снаряда, которые упали ближе всего ко мне, не разорвались. Короче, пока жив, здоров и собираюсь таковым быть. Ежели чего случится, напишу».

Из письма 23.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«Сестреночка, родная!

Когда ты получишь это письмо, то уже будешь знать, почему не могу я тебе теперь писать часто. [Начались активные бои.] Но сегодняшнее письмо — исключение... я доволен. Доволен, что война не вышибла из меня всего и даже в некоторых отношениях добавила. Я все же лучше стал понимать людей...

Что касается необдуманного [скорее всего, речь идет об уходе на фронт добровольцем], то это совсем не так, сестреночка, как тебе кажется. Дело не в крестах. Эта вещь, которая меньше всего могла бы заставить меня делать что-либо.

<sup>1</sup> Здесь и далее в письмах уточнения в квадратных скобках внес Г.З. Файнбург. — Прим. ред.

У каждого человека свои убеждения, свой склад характера; каждый человек им повинуется, когда определит свой образ жизни. Мои убеждения, мой характер заставили меня сделать то, что ты называешь необдуманным. Это было продумано не одной бессонной ночью, не говоря уже о днях. Иначе жить я не хочу, не могу, не умею...

Я не помню, кажется, я писал об одном случае, который был не так давно. Нужно было пройти во весь рост по высотке, по которой бил снайпер. Не моя вина, что он три раза промазал по мне. Это не было необдуманным, не было дурным риском — этого требовал долг, и я это сделал, хотя мне и было страшно. Я ведь человек, и жить мне хочется не меньше, чем кому-либо, но на то даны мне разум и воля, чтобы ради Родины, ради жизни рисковать в нужный момент ею. А таких случаев было очень много. Писать и уговаривать — бесполезная трата бумаги. Я буду жить и делать так, как велит мне долг, мой разум, моя совесть. Если потребуется для этого рисковать жизнью — значит, будем рисковать... Вот пока и все — остальное в сводке Совинформбюро».

Из письма от 20.07.44 (полевая почта 08733 «Г») (написано карандашом с двух сторон на 8 аккуратных кусочках плотной бумаги размером с малую игральную карту):

«Дорогая сестреночка!

Если я пишу тебе на такой бумаге, то это просто потому, что время для письма выбрал немного неудачное: идет бой, оружие на прямой наводке. Перерыв в огне, и, я, сидя в узком грязном окопчике, неожиданно решил ответить именно сейчас на твое большое письмо с бумагой.

Виноват, наверное, К.: его предположение разозлило меня чертовски. Посидел бы он так, как я, три года под огнем. А тем более сейчас, после штурма Гродно [донеманской части], когда мы уже вышли на германскую границу. Это после того, как вчера убило моего хорошего друга — тоже командира оружия. Чего уж там говорить. Я ведь не уверен даже в том, что допишу это письмо!

Вообще-то говоря, представить себе фронт по рассказам, кино и т. п. Н-Е-В-О-З-М-О-Ж-Н-О! Есть разница, и неизмеримо огромная, настолько, что величина ее равна бесконечности, между свистом снаряда, пули, осколка, свистящего в тебя и свистящего хотя бы по соседу, не говоря уже о героях, на экране или на бумаге.

Кто не слышал удесятеренного этого свиста, кто не видел, как, припадая на колени, целится в тебя фигура в зеленой шинели, кто не видел, как стоит насмерть орудейный расчет против ползущих танков, против пьяных ревущих и стреляющих зеленых шинелей, когда люди, до боя вздрагивавшие от сильного стука, теперь отмахиваются руками от пуль и мельком чешут ушибленное [место] ударившим плашмя осколком на спине. (Это было недавно с моим наводчиком.)

Кто не видел и не пережил сам этого, тот никогда не поймет разницы между войной, фронтом, передовой и спором на производственном совещании или мелким жульничеством при подсчитывании дебета и кредита, актива и пассива годового бюджета.

Объясни это когда-нибудь К., а то я ему после войны, если жив буду, объясню. Разговор будет не из приятных.

Что касается до непонятного тебе, то сейчас расскажу тебе суть дела, а подробнее — после. Это тема большая и длинная. У меня есть определенный круг идей, которые я считаю правильными и защищать буду всегда. Есть Родина, которая остается ею, несмотря на то что иногда так, а иногда и не так по отношению лично ко мне. “Лес рубят — щепки летят”.

Вряд ли ты разберешься в этой путанице слов. Если нет — придется отложить. Об этом не распишешься больно много...

Бумаги теперь не шли — хватит трофейной немецкой.

Пиши чаще и больше.

Привет всем. Крепко целую. Твой Зоря».

Из письма «в ночь с 16.09.44 на 17.09.44» (полевая почта 08733 «Г»):

«Получил сегодня от тебя письмо и спешу (благо — дежурю, все равно ночь не спать) ответить...

...Мне тоже кажется, что я мало изменился, возмужал, постарел...

Лучшие годы наши прошли в земле, в траншеях, под минами, пулями, снарядами, на бесконечных фронтовых дорогах в пургу, дождь, жару. Мы в свои лучшие годы мечтали не о Гефсиманских садах — мы мечтали о простой постели, чашке горячего кофе, о книгах, мечтали даже не о ласке любимой — хоть о письме от нее. И как мечтали!.. За эту мечту о свободном счастье жить, созидать, любить мы шли в бой, глядя в лицо смерти...

Мы устояли и мы победим, — а теперь уже нет сомневающихся, — потому что в бой, на смерть мы шли во имя жизни, потому что всегда за нашей спиной была наша Мать-Родина, а в бой вела партия большевиков».

В письмах 1943–1945 годов, написанных в разной обстановке, когда война была на переломе и особенно когда кончалась, властно звучит тема, как жить после войны. ЗИФ [Захар Ильич Файнбург. — *Прим. ред.*] писал и об учебе, ибо он ушел на фронт со студенческой скамьи и учеба была основной частью его жизни.

Из письма 19.05.43 (учебный полк) (полевая почта 51158 «Б»):

«...Кстати, мне скучно сидеть здесь не потому, что негде веселиться, таковых мест здесь много. Можно повеселиться так, что долго не забудешь. Увы! Эти развлечения не по моему вкусу. Скучно потому, что надоело сидеть здесь, нет почти совсем книг, никого нет близких мне людей, и письма я получаю в месяц один раз от тебя и еще от одной личности...

...Выбирай тот институт, ту специальность, которая тебе по душе (а не по карману). Гони ко всем чертям все советы и мысли, ставящие впереди материальную сторону. Человек должен на работе гореть, чувствовать, что этой работе он готов отдать душу и жизнь свою. Вот из этих соображений нужно выбирать специальность...

Читай больше художественной литературы, только не развлекательной, а серьезной. Читай серьезно, вдумываясь в прочитанное, ищи причины, вызывающие поступки и мысли людей. Для современного человека книга — одно из главных окон в жизнь, и поэтому надо уметь находить в ней правдивое и нужное и выбрасывать фальшивое и ненужное.

Учись, Лиза, жить — это самое большое и трудное искусство, учись быть настоящим полноценным человеком — это самая трудная профессия. А главное — будь сама перед собой всегда до последнего честной, умеи всегда ясно видеть и оценивать свои поступки и никогда при этом не лги себе и не позволяй другим тебя обмануть.

Если жить иначе, то жить трудно и плохо, подчас попадешь в такой тупик, что будет казаться, что и невозможно. Вообще, старайся жить так, как хочется, а не так, как кто-то хочет заставить».

Из письма от 2.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...Пришли мне бандеролью бумагу, ибо кончились и трофеи, и резервы. Попробуй прислать бандеролью следующие книги: Ленин “Империализм, как высшая стадия капитализма”, “Государство и революция”, Энгельс “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Достаточно краткий, но достаточно хороший курс высшей математики. Краткий философский словарь.

Попробуй любым способом. Я решил, несмотря ни на что, все-таки заниматься».

Из письма от 16.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...Я, наверное, все же после войны пойду в МГУ (ИФЛИ ликвидировали) на философский или экономический. О литературной деятельности я не мечтаю, а наброски делаю больше для собственного удовольствия. Когда много видел и много пережил, хочется поделиться с кем-нибудь ими, хоть с бумагой... [Какое-то время перед самой войной под влиянием творческой атмосферы ИФЛИ первокурсник Захар Файнбург стал было подумывать о писательском поприще и даже хотел ради этого оставить учебу на экономическом факультете, но началась война.]

Оправдание, и тем более о хандре, не принимаю. Работать надо, учиться надо, а не хандрить... Вы, дорогие мои, не понимаете, что значит любимое дело, что значит учиться ему. Мне сейчас дали бы волю, я бы сутками сидел и занимался. Мне сейчас научная книга по специальности несравненно интереснее любого романа. Я тебе очень серьезно говорю, сестреночка. Учись серьезней: без этого жить нельзя, жить трудно».

Из письма от 25.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...У меня все в порядке. Вчера получил некоторые книги, которые раньше просил прислать. Высылай то, о чем тебя просил. Да добавь “Историю ВКП(б)” в хорошем издании. Здесь даже эта книга одна на подразделение».

### **Сын З.И. Файнбурга об отце**

Захару Ильичу было всего 19 лет, когда началась война, 23 года, когда она закончилась... Война оказала огромное влияние на всю его последующую жизнь и на все его восприятие действительности.

«Мы не от старости умрем — от старых ран умрем», — частенько повторял он строчки рано умершего поэта-фронтовика Семена Гудзенко, которого лично знал не только по учебе в ИФЛИ, но и как соседа по площадке и подъезду в первые послевоенные годы. И это была правда...

Обмороженные зимой 1941–1942 годов ноги ЗИФ всю его жизнь требовали шерстяных носков, мягкой обуви; психические травмы военных действий долгие годы заставляли его просыпаться от снов, полных крови и крика... Его болезни были продолжением фронтовых заболеваний и ранений...

Но не только тело — душа продолжала болеть... Болеть за горести отступления, за гибель друзей, за разоренную землю Белоруссии — его родины, за все тяготы, горести и несправедливости войны...

Всю жизнь ЗИФ почти постоянно вспоминал о войне, тщательно приобретал и внимательно читал книги о войне, думал о ней, анализировал... очень редко вслух вспоминал личное... и иногда писал. Его заметки о войне сохранились среди других рукописных листов его огромного архива...

Приведем одну из тех заметок ЗИФ, где он пытается подвести некоторые итоги своей войны:

«Плохо воевать было невозможно: либо тебя убивал неприятель, либо ты шел под трибунал... Можно было воевать “лучше” или “хуже”, но и тут не могло быть и речи о какой-то единой, однозначной шкале оценки.

Пробыв примерно 1 год и 5 месяцев за войну на самой собственно передовой (без разных там прифронтовых запасных, медсанбатов и т. п.), я могу сказать, что совесть моя за эти примерно 1,5 года чиста, хотя кто-нибудь мог бы, наверное, как-то иначе оценить многое в моем поведении.

Бравада, игра с опасностью органически мне чужды. Я пережил этих опасностей много и самых разных. Отнюдь не только на войне и совсем не впервые на войне. Наоборот, еще задолго до войны, еще на Дальнем Востоке я совершенно точно и наглядно усвоил простейшую из трех простых идей: с природой играть нельзя. Она не играет, она просто существует как бесконечная, подвижная, флюктуирующая данность. В ее флюктуациях, в ее движении, потоке нет и капли самосознания, каких-то правил и всего такого прочего, без чего вообще не может быть игры. Даже собаки играют по правилам. Она [природа] закономерна, что означает, что в самом конечном счете можно выделить тенденцию, нащупать границы ее флюктуаций, однако не более того. Вот почему игра с природой — это фактически игра с самим собой: ошибешься или нет... И ошибиться можно только один раз...

Игра с войной — абсолютно то же самое.

Вот почему для меня война всегда, все четыре с лишним года — это опасная, очень и очень опасная работа. Можно было бояться сколько угодно, можно было бояться “до” или “после”. А непосредственно во время войны (боя, принято говорить, но этот занюханый стереотип мне давно претит) надо было делать свое дело, выполнять свой долг и стараться при этом остаться в живых. Конечно, не за счет того, чтобы подставить вместо себя другого».

### **3.И. Файнбург — потомкам**

Один из наиболее личностных (и, наверное, самый первый, но не вошедший в окончательный текст) рукописных набросков начала главы о войне для книги Файнбурга «Не сотвори себе кумира...» (1991) начинался так:

«Вместе с нами уйдет и эта война...

“Кто не был — побудет, кто был — х... забудет!” — была такая пословица в те лихие годы.

Сколько бы ни тужились писатели, режиссеры, поэты и композиторы, война — настоящая, ТА война — уйдет вместе с нами. Война живет в строках Виктора Некрасова, Константина Симонова, Григория Бакланова, Василя Быкова... но она по-настоящему оживает — становится объемной, звучащей, приобретает цвет, вкус и запах — только в нашей памяти, подогретой, стимулированной черными линиями строк.

Война — это не только ужас, не только смерть и горе... Война — это жизнь: способ жить, тип культуры, в котором все есть, но все несет на себе особую печать...

Но не должно уйти с нами все. Социально-политические уроки войны должны остаться. Это не реминисценции, не образы, а сухая логика человеческих ошибок и побед, человеческой мысли. И здесь война еще долго будет поучительной: не зря все идеологические старатели так тщательно моют и замывают песок фактов, воспоминаний и свидетельств. Война оголила много в этой социальной механике, сделала явными многие тайны земных богов, показала, потыкала в нас причудливым переплетением подлости и гордости, радости и мерзости, верности и предательства...

Учитесь, внуки! Учитесь... и будьте бдительны!..»

\* \* \*

Многие строчки из писем З.И. Файнбурга можно было бы использовать в виде заголовка к этому материалу, но взяты слова из письма от 23.06.44: «Иначе жить я не хочу, не могу, не умею». Прошло ровно три года войны, Захар — уже опытный солдат, многое видено, многое осмыслено и пересмотрено. И эти слова звучат как клятва, как обет себе. И, несмотря на все трудности послевоенного времени, на ухабистый путь в науке, Файнбург всегда оставался верен этим главным жизненным принципам.

### *СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ*

**Докторов Борис Зусманович** — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. No. 2. P. 157–166. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.8**

Archive

**BORIS Z. DOKTOROV<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Independent researcher.

Foster-City, California, USA.

**ZAKHAR FAINBURG: “I AN UNWILLING AND INCAPABLE TO LIVE ANY OTHER WAY”**

*Abstract.* Z. Fainburg (1922–1990) is known as the founder of the Perm school of sociology, as one of the pioneers of economic sociology in the Soviet Union, a man who studied culture and science fiction work.

Here he is presented as a 20 year old fighting in the Great Patriotic war (GPW), initially as an infantryman and spy, and later as an artilleryman, a master gunner. He was first deployed to Ukraine, and by the end of the war he wound up in Eastern Prussia. The article mainly focuses on extremely valuable historic material in the form of a series of letters written by Fainburg while he was on the front lines, often straight from inside the trenches. His letters captured the spirit of the times, of the battlefield, while at the same time giving us an insight into the life of a soldier who would go on to become one of the most prominent sociologists of the first Soviet/Russian cohort. The material presented contributes to the biographical portrait of a famous sociologist while also helping to preserve the historical memory about the GPW.

*Keywords:* Z. Fainburg; biography; historical memory; war veteran sociologists; Great Patriotic war; frontlines; risk; believing in victory; education.

**For citation:** Doktorov, B.Z. Zakhar Fainburg: “I an unwilling and incapable to live any other way”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 31. No. 2. P. 157–166. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.8)

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Boris Z. Doktorov** — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher.

**Email:** [bdoktorov@inbox.ru](mailto:bdoktorov@inbox.ru)

---

#### ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Файнбург З.И.: «Идти вперед!» Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Докторовова // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2017. № 1 (121). С. 10–18. Дата обращения 20.05.2025. URL: <http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/2017/2017-1-03.pdf>  
Fainburg Z.I.: “Move Forward!” Grigory Fainburg answers Boris Doktorov’s questions. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2017. No. 1 (121). P. 10–18. Accessed 20.05.2025. URL: <http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/2017/2017-1-03.pdf> (In Russ.)
2. Т.И. Заславская: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — наука» // *Социологический журнал*. 2007. № 3. С. 137–169. EDN: PCVZVF  
T.I. Zaslavskaya. “...I knew since my childhood that science is the most interesting and respectable work”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2007. No. 3. С. 137–169. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025; поступила после рецензирования и доработки: 13.05.2025; принята к публикации: 30.05.2025.

Received: 23.04.2025; revised after review: 13.05.2025; accepted for publication: 30.05.2025.

# НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.9  
EDN: ZZHZEN

***Е.Е. ТАРАНДО<sup>1</sup>, М.В. РУБЦОВА<sup>1</sup>, Л.Н. ЛИПАТОВА<sup>2</sup>***

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский государственный университет.  
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

<sup>2</sup> Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ.  
199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.

## СЕКЦИЯ КАФЕДРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ СПБГУ НА IX САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ ТРУДА (2–4 АПРЕЛЯ 2025 Г.)

*Аннотация.* Статья посвящена проблематике труда, занятости, человеческого капитала и управления им, обсуждавшейся на заседании научной секции кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета в рамках IX Санкт-Петербургского международного форума труда, проходившего 2–4 апреля 2025 г. В статье обобщаются три доклада, посвященные следующим проблемам: бессмысленный труд в организации и управление им; принудительная сверхурочная занятость в российских организациях и модели ее конструирования работодателями; организация труда на рабочих местах. В статье также обобщаются результаты научной дискуссии в рамках обсуждения докладов и других вопросов развития трудовой сферы.

*Ключевые слова:* IX Санкт-Петербургский международный форум труда; кафедра экономической социологии СПбГУ; бессмысленный труд; принудительная сверхурочная занятость; модели организации принудительной сверхурочной занятости; условия труда; производственный травматизм.

*Для цитирования:* Тарандо Е.Е., Рубцова М.В., Липатова Л.Н. Секция кафедры экономической социологии СПбГУ на IX Санкт-Петербургском международном форуме труда (2–4 апреля 2025 г.) // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 167–178. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.9 EDN: ZZHZEN

2–4 апреля состоялся IX Санкт-Петербургский международный форум труда (далее — Форум), собравший на разных площадках около 8500 представителей науки, бизнеса и государственных структур, которые обсуждали широкий круг

вопросов, связанных с организацией и протеканием трудовых процессов в самых разных сферах общественного производства. Форум был организован при содействии Министерства труда и социальной защиты РФ и Федеральной службы по труду и занятости России.

Санкт-Петербургский форум представляет собой крупнейшую в России дискуссионную площадку по обсуждению проблем занятости, трудовых отношений и человеческого капитала, поиску решения этих проблем и интенсификации деловой активности<sup>1</sup>.

Форум был представлен почти двумя десятками треков, одним из которых стала Международная научно-практическая конференция «Человеческий капитал: образование, труд, занятость в современном обществе» (далее — Конференция), организованная Санкт-Петербургским государственным университетом на базе Высшей школы безопасности труда. Конференция стала самым посещаемым мероприятием Форума. В ней приняли участие порядка 1200 специалистов из разных областей знаний, в том числе представители экономической науки, социологии, юриспруденции, политологии, психологии, медицины и др. Конференция была представлена 24 мероприятиями — научными секциями, круглыми столами, дискуссиями. Таким мероприятием (проходило 3 апреля) стала научная секция кафедры экономической социологии «Образование, управление и занятость как социальное пространство человеческого капитала: сохранение ценностей безопасного труда» (далее — Секция). Секция собрала порядка 25 человек, представлявших Москву, Санкт-Петербург, Саранск, Нижний Новгород и другие регионы России. На Секции были заслушаны и обсуждены доклады, вызвавшие интерес научной общественности.

**М.В. Рубцова**, профессор кафедры социального управления и планирования СПбГУ, выступила с докладом «Микроменеджмент и бессмысленный труд: взаимосвязь концептов в социологии управления и социологии труда». В частности, докладчик отметила, что в последнее время феномен бесполезного труда оказался в центре внимания социологов. По данным исследований 2015 г., до 37% британских работников считали свою работу бесполезной [9]. Согласно исследованию Саймона Вало 2023 г., почти 20% опрошенных назвали свою работу социально бесполезной [12]. В исследовании Гэллага 2025 г. «Состояние глобального рынка труда» отмечается, что степень вовлечения работников снизилась по всему миру [11].

В России пока не проводилось специальных исследований, посвященных бессмысленному труду. Это связано с фокусом российской общественной мысли на труде как ценности. Только в 2020 г., после опубликования перевода на русский язык труда Дэвида Гребера «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда» [1], на портале SuperJob был проведен опрос, в котором приняли участие 5000 представителей экономически активного населения из всех округов страны. 53% респондентов портала SuperJob заявили, что в среднем тратят почти треть рабочего времени на бесполезный труд<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Официальный сайт IX Санкт-Петербургского международного форума труда. — URL: <https://labourforum.ru/>

<sup>2</sup> Каждый второй россиянин считает, что тратит треть рабочего времени на бесполезную работу // SuperJob [электронный ресурс]. Дата обращения 06.06.2025. — URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112439/kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-schitaet/>

В попытках осмысления феномена бессмысленного труда возникло несколько научных направлений, представители которых пытаются дать определение такого труда и объяснить его распространение в современном обществе. Наиболее популярной является уже упомянутая концепция Д. Гребера, который полагает, что бессмысленность труда — это не субъективная оценка работника, а объективная тенденция деградации труда в условиях неолиберального капитализма. Д. Гребер отмечает, что бредовая работа — «это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» [1, с. 43]. Основная причина появления бесполезного труда, по Д. Греберу, — это неадекватная оплата труда полезного, который приносит человеку удовольствие. Люди мечтают быть врачами, учителями, музыкантами, а становятся менеджерами по продажам или финансистами, потому что эта работа более высоко оплачивается. Поэтому Д. Гребер предлагает отличать бессмысленную работу от просто плохой: *бредовая работа (bullshit jobs)* хорошо оплачивается, но бессмысленна, тогда как просто *плохая (shit jobs)* полезна, но за нее мало платят [1, с. 48].

Тема бессмысленного труда далее обсуждалась в рамках институционального подхода, который объяснил сложившееся положение дел «организационной глупостью». Организация как институт должна быть рациональна и отсеивать неэффективные формы труда. Но в случае феномена бессмысленного труда мы, напротив, видим явную организационную поддержку неэффективных рабочих мест. Объяснить это можно как необходимостью сохранения организационных мифов, которые легитимируют организацию, так и инерционностью отсеивания устаревших форм. Иными словами, организации просто не успевают за технологическим прогрессом и опасаются, что структурные перемены могут создать риск для самого их существования [5].

Еще одно объяснение распространенности бесполезного труда связано с теорией прекаризации труда в современном обществе. Прекаризация была первоначально связана с гибкой занятостью, отсутствием оформления трудовых отношений и трактовалась как люмпенизация определенных групп работников, не нашедших постоянной работы. Но в условиях распространения бессмысленного труда прекариатом становятся и вполне успешные на первый взгляд работницы, так как неустойчивость сместилась из сферы юридических отношений в сферу ценностей. Работник, который ощущает бессмысленность своего труда, все равно воспринимает свое положение как неустойчивое, несмотря на формальный статус. Падает вовлечение в рабочие процессы, что, в свою очередь, вызывает еще большее отчуждение от результатов труда [6].

Эти объяснения отчасти правомерны. Но *реально* ли труд бесполезен или это *субъективная оценка*, а на самом деле труд приносит пользу организации и обществу, которую работник просто не осознает? Чтобы ответить на этот вопрос, докладчик предлагает дополнить концепцию бессмысленного труда анализом сходных процессов в сфере микроменеджмента. Фокусировка на работнике создает иллюзию, что кто-то должен получать пользу от происходящего, и это менеджеры или руководители. Однако на самом деле деградация труда сопровождается дегра-

дацией системы управления. Уже упомянутое нами исследование Гэллапа 2025 г. показывает, что среди руководителей вовлеченность падает более быстрыми темпами, чем среди работников [11].

В отличие от концепции бессмысленного труда, концепция микроменеджмента мало обсуждается в социологии. В теории менеджмента под микроменеджментом понимается организационная болезнь: отсутствие делегирования решений подчиненным, перегрузка руководителя мелочным контролем, который приносит мало пользы организации, но крайне раздражает работников [7]. Микроменеджмент был известен и в XX в., но появление новых технических средств и их распространение в условиях пандемии привело к тому, что контроль над работниками стал более безличным и зачастую бессмысленным. Контроль всегда считался самой спорной функцией управления, так как сам по себе ничего не производит. Но его задача заключалась в создании механизма обратной связи [7]. В новых технологических условиях контроль эту задачу часто не выполняет, так как работник взаимодействует с обезличенной организацией.

В некоторых случаях микроменеджмент может повысить производительность в ближайшей перспективе, но долгосрочные проблемы в конечном итоге сведут на нет любые достижения. Исследования показали, что нагнетание страха на сотрудников действительно оказывает влияние. Оно и правда повышает производительность, но лишь временно. Работники настолько боятся постоянной критики со стороны руководителей, занимающихся микроменеджментом, что больше не рискуют, креативность иссякает. Разочарованные сотрудники вымещают негатив на клиентах, и обслуживание идет насмарку [13, с. 72].

Поступательное развитие микроменеджмента заставило работников ощущать себя «винтиками» и ускорило их отчуждения от трудового процесса. Исследование мотивации IT-специалистов в разгар пандемии 2021 г. показало, что система микроменеджмента вредит рабочему процессу, порождая часть бессмысленных задач. Один из опрошенных IT-специалистов напрямую осудил вмешательство менеджмента в его деятельность: «Просто дайте мне делать мою работу!» [10, с. 80].

Таким образом, несмотря на то что взаимовлияние микроменеджмента и бессмысленного труда редко становится темой специальных исследований, уже имеющиеся наработки показывают: трансформации в сферах труда и управления тесно связаны. Негативные тенденции, связанные с микроменеджментом, распространившиеся с начала XXI в., стали систематически влиять на субъективную оценку своего труда работниками, степень их вовлеченности в рабочие процессы, бумерангом ударив и по вовлеченности руководителей. На наш взгляд, это подтверждает необходимость дальнейшего изучения данной проблематики.

В процессе обсуждения доклада дискутировался вопрос: что именно представляет собой бессмысленный труд, как можно определить его в соотношении с другими видами труда? Собравшиеся пришли к мнению, что труд оценивается как бессмысленный прежде всего в представлении работников. Что касается менеджмента, то этот труд воспринимается как осмысленный, иначе бы он не навязывался работникам. Поэтому одним из направлений в данной области должны стать исследования объективного значения для организации труда, бессмысленного с точки зрения работников.

Вторым докладом на секции стал доклад **Е.Е. Тарандо**, профессора кафедры экономической социологии СПбГУ, «Принудительная сверхурочная занятость в России: модели поведения работодателей». Докладчик отметила, что в настоящее время в России порядка 81% компаний организуют у себя сверхурочную занятость [7], и только 11% из них осуществляют добросовестную оплату дополнительного труда<sup>3</sup>. В остальных случаях речь идет об организации сверхурочной занятости, маскируемой под неоплачиваемые переработки. При этом законодательство очень четко регламентирует сверхурочную занятость, обозначая ее как эпизодическую и хорошо оплачиваемую. Такая занятость должна в обязательном порядке оформляться приказом работодателя, который издается за определенное время до того момента, как работник приступил к сверхурочному труду. Большинство компаний стараются уйти от этих требований законодательства, конструируя у себя социальные практики перманентных переработок, за которые работник не получает дополнительную плату. Поскольку переработки не приветствуются законодательством, а платить за такой труд работодатель не желает в силу капиталистической рациональности, они организуются в сфере неформальных отношений с использованием социальных технологий и приемов, прежде всего в рамках организационной культуры и неформального лидерства.

У работника крайне мало ресурсных возможностей противостоять такому поведению работодателя, поскольку, во-первых, работник, как правило, обладает крайне низкой правовой грамотностью, чтобы оценить ситуацию, понять, какие его права и как нарушаются, как можно действовать, чтобы их отстоять. Во-вторых, работнику часто бывает трудно вести переговоры с работодателем, аргументировать свою позицию, четко и логично ее донести до работодателя, выстроить диалог для достижения консенсуса так, чтобы права работника не были нарушены. В-третьих, работник обычно обладает крайне низким коммуникативным ресурсом, чтобы позиционировать себя в организации в долгосрочной перспективе, не позволяя работодателю ущемлять свои права. При этом работодатель обладает данными ресурсами в достаточной степени для того, чтобы принудить работника к постоянному сверхурочному труду, маскируя его под переработки.

Распространенная модель постоянной сверхурочной занятости предусматривает установление повышенной ставки заработной платы, но за эту ставку от работника требуется и повышенная трудовая отдача. Такая модель очень часто практикуется в крупных российских компаниях. Высокую интенсивность труда и удлиненный рабочий день могут выдержать не все работники, поэтому здесь имеется текучесть кадров, а кадровый состав является преимущественно молодым.

Вторая модель — когда работодатель завышает норму труда таким образом, что работник оказывается не в состоянии выполнить ее за стандартную рабочую смену. Таким образом, работник вынужден оставаться после смены с тем, чтобы доделать свою норму труда. При этом такие переработки уже заложены в системе нормативов труда в организации как перманентные.

---

<sup>3</sup> Профсоюзы предложили меры по обеспечению достойной занятости и зарплаты // Солидарность. 22 апреля 2025 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 10.02.2025. — URL: <https://www.solidarnost.org/news/profsoyuzy-predlozhili-mery-po-obespecheniyu-dostoynoy-zanyatosti-i-zarplaty.html>

Третья модель организации перманентной сверхурочной занятости в компаниях — загруженность персонала, когда работнику дается крайне мало времени на то, чтобы выполнить проект. На не успевшего выполнить проект работника начинают нагружать новые проекты, тот вынужден работать сверхурочно, но выглядит это как переработка, словно работник по своей вине не успел сдать работу вовремя и вынужден ее доделывать после стандартной смены.

Российской моделью организации постоянной сверхурочной занятости является также совокупность социальных практик совмещения различных должностей одним работником. Например, главный бухгалтер исполняет также должность кадровика. В этом случае работнику доплачивают небольшую сумму, а нагрузка предполагается как на две ставки. В итоге человеку приходится работать дольше стандартной смены. В этом случае оплата работнику осуществляется, но в урезанном размере, не соответствующем трудовому вкладу.

В отечественной практике есть еще одна модель поведения работодателей в отношении организации перманентной сверхурочной занятости: когда работник по соглашению с работодателем оформляется самозанятым. В этом случае вопрос о сверхурочной занятости вообще снимается, потому что работник сам регулирует свою занятость.

Сотрудники по-разному относятся к такому поведению работодателей. Общий фон такого отношения является негативным, но многие молодые работники, у которых достаточно большой потенциал здоровья, оказываются рады поработать сверхурочно, но с условием хорошей оплаты этого труда. Возрастные работники уже больше ценят баланс между трудом и отдыхом, между работой и личной жизнью, предпочитая избегать ситуаций сверхурочной занятости.

Широкое распространение принудительной сверхурочной занятости свидетельствует о том, что большинство работников лишены социальной субъектности, оказываются вынужденными трудиться сверх нормы без оплаты такого труда. Государство эту проблему игнорирует в угоду работодателям, поскольку опасается возникновения социальных конфликтов. Ситуация со сверхурочной занятостью оказывается формой проявления отчуждения труда, которое усиливается в последнее время в связи с дефицитом кадров. Работник в этой ситуации все больше становится прекарным, а его труд оказывается малоэффективным в связи с деструктивизацией трудовой мотивации.

В рамках обсуждения доклада дискутировался вопрос об организации постоянной сверхурочной занятости в условиях кадрового голода. Собравшиеся пришли к заключению, что дефицит на российском рынке труда также становится причиной этого явления. С одной стороны, наблюдается рост заработных плат, но, с другой стороны, работодатели не могут привлечь достаточное количество сотрудников и трудовые функции недостающих работников распределяются среди имеющихся, что увеличивает интенсивность и продолжительность труда. При этом работодатели далеко не всегда стремятся оплатить такую повышенную трудовую нагрузку.

Третий доклад — **Л.Н. Липатовой**, профессора кафедры экономики Северо-Западного института РАНХиГС (Санкт-Петербург), «Характеристика условий труда на российских предприятиях: ценности безопасного труда». Докладчик отметила, что подавляющая часть людей трудоспособного возраста более трети этого

отрезка своей жизни проводят на рабочих местах. От того, какие условия созданы на рабочем месте, во многом зависит здоровье человека. Оценки потерь, связанных с негативным влиянием условий труда на здоровье человека, сильно настораживают. М.В. Коробов, Л.А. Карасева, Н.Ю. Сибогатулина, И.В. Деденева, изучая причины инвалидизации населения нашей страны и оценивая ее экономические последствия, утверждают, что производственный травматизм приводит к потере 10% трудового потенциала России [3]. В условиях острого дефицита рабочей силы снижение производственного травматизма может стать одним из способов решения проблемы нехватки работников.

Н. Колыбашкина, А. Сухова, М. Устинова, А. Демьянова, Д. Шубина, раскрывая причины инвалидизации населения России, приводят следующие данные: 1,7% общей численности инвалидов в нашей стране получили стойкие нарушения здоровья вследствие воздействия условий трудовой деятельности (в результате профессионального заболевания или трудового увечья), из них 0,3% — вследствие профессиональных заболеваний, 1,4% — вследствие производственных травм (в докладе приведены данные за 2021 г.) [2].

В 2023 г., по данным Росстата, ситуация в сравнении с 2021 г. улучшилась, но показатели по-прежнему остаются очень высокими: в течение 2023 г. среди работников российских предприятий было зарегистрировано 3,4 тыс. случаев профессиональных заболеваний, 21 тыс. случаев производственного травматизма, 1090 человек погибли в результате полученных на производстве травм.

Наибольший прогресс достигнут в части профилактики профессиональных заболеваний (в сравнении с 2010 г. абсолютный показатель уменьшился в 2,3 раза). Особенно важно, что число профессиональных заболеваний, зарегистрированных впервые, уменьшилось не только абсолютно (ведь количество работающих в этот период тоже снизилось), но и относительно. В расчете на 10 тыс. работающих число случаев установленных в течение года профессиональных заболеваний с 2010 по 2023 г. стало меньше в 2,1 раза (1,64 против 0,78 случая соответственно)<sup>4</sup>.

Следует обратить внимание на рост профессиональных заболеваний в первый год после пандемии COVID-19. В 2020 г. число таких болезней значительно снизилось, и можно с высокой долей вероятности предположить, что главной причиной стало устранение влияния факторов, негативно воздействующих на здоровье людей (продолжительный период многие предприятия не работали или работали в режиме неполной занятости). Но в 2021 г. произошел резкий рост доли впервые установленных профессиональных заболеваний относительно уровня 2019 г. — на 9,4% в абсолютном измерении и на 12% — в расчете на 10 тыс. работающих. Возможно, в этом проявились последствия пандемии COVID-19 — код U09.9 (состояние после COVID-19) в Международной классификации болезней, что должно стать предметом изучения для специалистов в области медицины труда. Другой причиной скачкообразного роста уровня профессиональной заболеваемости может быть активизация усилий предпринимателей, направленных на покрытие убытков, понесенных ими в период пандемии, в том числе за счет сокращения средств, выделяемых на охрану труда.

<sup>4</sup> Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 143–144; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2022. С. 144–145; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2024. С. 135–136.

Сокращение количества случаев производственных заболеваний может быть обеспечено за счет уменьшения числа рабочих мест, характеризующихся вредными условиями труда, а также путем своевременного устранения вредных факторов. Российское законодательство о труде требует, чтобы при появлении первых признаков профессионального заболевания работник был переведен на другое рабочее место, где этот фактор отсутствует. Однако при этом организации нередко сталкиваются с такой проблемой, как нежелание работника переходить на другое место. Особенно сложно бывает убедить работника, если его стаж работы во вредных условиях приближается к порогу, установленному для назначения льготной пенсии. Решению этой проблемы могло бы способствовать законодательное закрепление возможности выхода на льготную пенсию, например, при нехватке 10% от требуемого минимального стажа работы во вредных условиях.

Случаи производственного травматизма, как правило, связаны с несоблюдением правил безопасности труда. Обращает внимание тот факт, что за последние четыре года ситуация в этой сфере ухудшилась — общее число случаев практически не изменилось, а число смертельных исходов заметно возросло.

В динамике самых тяжелых случаев производственного травматизма, как и в распространении профессиональных заболеваний, значительным приростом выделяется первый год после пандемии COVID-19 — в 2021 г. в сравнении с 2019 г. число смертей в результате несчастных случаев на производстве в пересчете на 1 000 работающих стало больше на 13%. Для недопущения таких случаев следует детально проанализировать все случаи, установить, чем был вызван такой всплеск (возможно, это связано с длительными перерывами в работе в период локдауна), и принять соответствующие меры. На основе такого анализа специалисты в области медицины труда и организации труда должны разработать соответствующие методические рекомендации.

Но зарегистрированные профессиональные заболевания и несчастные случаи на производстве, сопровождавшиеся временной или стойкой утратой трудоспособности, — это только прямые потери. Постоянное нахождение на рабочем месте в течение длительного времени (8 часов ежедневно) не может не сказаться на общем состоянии организма. Ученые доказывают, что под воздействием вредных факторов может усугубиться течение многих заболеваний [4].

Именно для компенсации вреда здоровью людей, работающих во вредных условиях, назначаются досрочные пенсии по старости и за выслугу лет, вводятся дополнительные выплаты, устанавливаются разные виды льгот и социальных гарантий (сокращение рабочего дня, увеличение продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска, организация лечебно-профилактического питания, выдача молока и других равноценных продуктов).

К отраслям с наибольшим удельным весом рабочих мест с вредными и опасными условиями труда относятся: сельское и лесное хозяйство, промышленность, строительство, транспортировка и хранение, связь. Процесс улучшения условий труда в российской экономике идет очень медленно. Особую озабоченность вызывает рост удельного веса рабочих мест, характеризующихся наличием тех или иных вредных и/или опасных факторов, на предприятиях государственной собственности. В 2017–2023 гг. это произошло в таких отраслях, как сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добывающая и обрабатывающая

промышленность, обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений. Вероятно, это связано с недостаточным объемом ресурсов, выделяемых государством на модернизацию производства, внедрение безлюдных технологий на наиболее опасных производственных участках<sup>5</sup>. Это противоречит государственным целям, установленным в области обеспечения условий для безопасного труда.

Самое печальное в этом, что очень много российских женщин трудятся в опасных и вредных для их здоровья условиях труда: каждая десятая работающая на российских предприятиях женщина в 2023 г. выполняла тяжелый труд, еще столько же трудились во вредных условиях. Уменьшение удельного веса женщин, работающих под воздействием вредных и опасных факторов, происходит очень медленно<sup>6</sup>. Возможно, следует внести законодательные ограничения на занятость женщин на особенно опасных для здоровья рабочих местах.

Таким образом, условия труда на российских предприятиях приводят к значительным людским и экономическим потерям. Прямой ущерб наносят профессиональные заболевания и несчастные случаи на производстве. Длительное пребывание под воздействием вредных факторов негативно сказывается на общем состоянии здоровья людей и их репродуктивных возможностях. Это требует введения дополнительных мер, побуждающих работодателей к улучшению условий труда.

В рамках обсуждения доклада поднимался вопрос о перспективах автоматизации рабочих мест с вредными условиями труда. Собравшиеся пришли к выводу, что это длительный процесс, требующий достижений НТП и внедрения их в производство. Представляется возможным автоматизировать не все рабочие места с вредными условиями труда, а только те из них, которые основаны на рутинных процессах. Было отмечено, что этот аспект исследования условий труда является актуальным и перспективным.

Прозвучал также вопрос о судьбе теории научной организации труда (далее — НОТ). Бурно развивавшаяся в XX в., эта теория в настоящее время не продуцирует исследования, основанные на ее принципах. Собравшиеся обсуждали, имеют ли значения эти принципы для современной организации труда, и пришли к выводу, что теория НОТ эволюционировала в различные управленческие теории, которые привязаны к разным аспектам управления. Она не исчезла с научной и практической повестки, а трансформировалась, ее принципы актуальны до сих пор, но они конкретизируются в рамках уже не единой цельной теории НОТ, а менеджериальных теорий, обслуживающих различные управленческие процессы. Эти принципы оказываются основополагающими для данных теорий. Отдельно дискутировался вопрос о том, имеет ли смысл в настоящее время развивать управленческие теории именно в рамках НОТ. Собравшиеся пришли к выводу, что теория НОТ является базовой для современных менеджериальных теорий, и в этом смысле имеет значение ее развитие.

<sup>5</sup> Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 134; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2024. С. 133.

<sup>6</sup> Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 135; Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Росстат, 2024. С. 134.

Подводя итоги, можно прийти к заключению, что Секция продолжила традиции изучения трудовой проблематики в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках петербургской школы экономической социологии, где значимая роль принадлежит исследованиям труда и трудовой сферы. Социология труда в настоящее время развивается как практико-ориентированное направление, которое изучает проблемы труда и трудовых отношений, возникающие в процессе развития рыночных отношений. В этом смысле Секция кафедры экономической социологии «Образование, управление и занятость как социальное пространство человеческого капитала: сохранение ценностей безопасного труда» актуализировала проблемы трудовой сферы. По-новому прозвучала проблематика организации трудового процесса, сверхурочной занятости, модернизации условий труда, развития теории эффективной организации труда, дефицита кадров в России. Тематика Секции вызвала интерес у представителей научной общественности, государственных структур и бизнеса, учащихся вузов. Были намечены направления дальнейших исследований трудовой сферы и научного сотрудничества.

### **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

**Елена Евгеньевна Тарандо** — доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** e.tarando@spbu.ru

**Мария Владимировна Рубцова** — доктор социологических наук, профессор, кафедра социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (812) 274-97-06. **Электронная почта:** m.rubtsova@spbu.ru

**Людмила Николаевна Липатова** — доктор социологических наук, кафедра экономики, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. **Телефон:** +7 (812) 335-94-94. **Электронная почта:** lipatova-ln@ranepa.ru

---

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 2. P. 167–178. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.2.9**

Research Article

**ELENA E. TARANDO<sup>1</sup>, MARIA V. RUBTSOVA<sup>1</sup>, LUDMILA N. LIPATOVA<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Saint-Petersburg State University.

7–9, Universitetskaya nab., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

<sup>2</sup> North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

57/43, Srednii pr. V.O., 199178, Saint Petersburg, Russian Federation.

### **SECTION OF THE DEPARTMENT OF ECONOMIC SOCIOLOGY OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY AT THE IX SAINT PETERSBURG INTERNATIONAL LABOR FORUM (APRIL 2–4 2025)**

*Abstract.* The article summarizes the discussion on the issues of labor, employment, human capital and its management that was had at a meeting of the scientific section of the Department of Economic Sociology of St Petersburg State University as part of the IX St Petersburg International Labor Forum, which was held on April 2–4 2025 in St Petersburg. The article summarizes three reports given at the section meeting that were devoted to the issues of pointless labor in the organization and management of it, the problem

of forced overtime employment in Russian organizations and models of its construction by employers, the problem of labor organization in the workplace. The article also summarizes the scientific discussion as part of discussing the reports as well as other issues of the development of the labor sphere.

**Keywords:** IX St Petersburg International Labor Forum; Department of Economic Sociology of St Petersburg State University; pointless labor; forced overtime employment; models of organizing forced overtime employment; working conditions; industrial injuries.

**For citation:** Tarando, E.E., Rubtsova, M.V, Lipatova, L.N. Section of the Department of Economic Sociology of Saint Petersburg State University at the IX Saint Petersburg International Labor Forum (April 2–4 2025). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 167–178. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.9

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Elena E. Tarando** — Doctor in Economic Sciences, associated professor, Professor, Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** e.tarando@spbu.ru

**Mariia V. Rubtsova** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social Management and Planning, Saint-Petersburg State University. **Phone:** +7 (812) 274-97-06. **Email:** m.rubtsova@spbu.ru

**Ludmila N. Lipatova** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **Phone:** +7 (812) 335-94-94. **Email:** lipatova-ln@ranepa.ru

#### ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. А.В. Арамян, К.А. Митрошенков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. — 440 с.  
Graeder D. *Bullshit jods: a theory*. Transl. from Eng. by A.V. Aramyan, K.A. Mitroshenkov. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2020. 440 p. (In Russ.)
2. *Колыбашкина Н., Сухова А., Устинова М., Демьянова А., Шубина Д.* Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации / Международный банк реконструкции и развития & Всемирный банк, 2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.02.2025. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099335011302129130>  
Kolybashkina N., Sukhova A., Ustinova M., Demianova A., Shubina D. *Analysis of barriers and opportunities for participation of people with disabilities in the labor market in the Russian Federation*. Washington, D.C.: World Bank Group. Accessed 15.02.2025. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099335011302129130> (In Russ.)
3. *Коробов М.В., Карасева Л.А., Сибогатулина Н.Ю., Деденева И.В.* Экономическая стоимость инвалидизации и реабилитации лиц, пострадавших в результате производственного травматизма // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. № 2. С. 9–41. EDN: SBZLBD  
Korobov M.V., Karaseva L.A., Sibogatulina N.Yu., Dedeneva I.V. The economic cost of disability and rehabilitation of persons injured as a result of industrial injuries. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya*. 2014. No. 2. P. 9–41. (In Russ.)
4. *Нацун Л.Н.* «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 663–680. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032 EDN: WUSGXA  
Natsun L.N. Supported employment for people with disabilities: a review of international experience. *Vestnik Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya ekonomika i upravlenie*. 2017. Vol. 16. No. 4. P. 663–680. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032 (In Russ.)

5. Никитина Д. Бесмысленный труд, бредовая работа и организационный абсурд: новые направления для институциональной теории // Социологическое обозрение. 2023. № 1. С. 129–146. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-1-129-146](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-1-129-146) EDN: PMSRXR  
Nikitina D. Pointless labor, bullshit jobs, and organizational absurdity: new directions for institutional theory. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 129–146. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-1-129-146](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-1-129-146) (In Russ.)
6. Титаренко Л.Г., Карапетыан Р.В. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций) // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 61–72. DOI: [10.31857/S0132162524070077](https://doi.org/10.31857/S0132162524070077) EDN: PNELTE  
Titarenko L.G., Karapetyan R.V. Changing Values of Work (based on the materials from Russian and foreign publications). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024. No. 7. P. 61–72. DOI: [10.31857/S0132162524070077](https://doi.org/10.31857/S0132162524070077) (In Russ.)
7. Щеглова А.Е. Проблема неэффективной деятельности персонала // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 43–46. EDN: BAHNKD  
Shcheglova A.E. The problem of ineffective staff performance. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2019. No. 1. P. 43–46. (In Russ.)
8. Alvesson M., Sveningsson S. Good visions, bad micro-management and ugly ambiguity: Contradictions of (non-) leadership in a knowledge-intensive organization. *Organization studies*. 2003. Vol. 24. No. 6. P. 961–988. DOI: [10.1177/0170840603024006007](https://doi.org/10.1177/0170840603024006007)
9. Dahlgreen W. 37% of British workers think their jobs are meaningless. 2015. *YouGov*. Accessed 25.02.2025. URL: <https://yougov.co.uk/topics/lifestyle/articles-reports/2015/08/12/british-jobs-meaningless>
10. Irani-Williams F., Tribble L., Rutner P.S., Campbell C., Harrison McKnight D., Hardgrave B.C. *Just let me do my Job! Exploring the Impact of Micromanagement on IT Professionals*. ACM SIGMIS Database: the DATABASE for Advances in Information Systems. Vol. 52. Iss. 3. P. 77–95. DOI: [10.1145/3481629.3481635](https://doi.org/10.1145/3481629.3481635)
11. State of the Global Workplace: Understanding Employees, Informing Leaders. 2025 Report. *GALLUP*. Accessed 25.02.2025. URL: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx>
12. Walo S. “Bullshit” after all? Why People Consider Their Jobs Socially Useless. *Work, Employment and Society*. 2023. Vol. 37 (5). P. 1123–1146. DOI: [10.1177/09500170231175771](https://doi.org/10.1177/09500170231175771)
13. White R.D. The Micromanagement Disease: Symptoms, Diagnosis, and Cure. *Public Personnel Management*. 2010. Vol. 39 (1). P. 71–76. DOI: [10.1177/009102601003900105](https://doi.org/10.1177/009102601003900105)

Статья поступила в редакцию: 17.05.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.06.2025; принята к публикации: 11.06.2025.

Received: 17.05.2025; revised after review: 07.06.2025; accepted for publication: 11.06.2025.

# Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)  
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Федеральный научно-исследовательский социологический центр  
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)  
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5  
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова  
Оригинал-макет: И.М. Ситдииков

Журнал «Социологический журнал» включен  
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется  
в международных базах данных Scopus, RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,  
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть  
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.  
Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.  
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии



Creative Commons Attribution 4.0 License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: [https://elibrary.ru/title\\_about\\_new.asp?id=8228](https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228)

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Федеральный научно-исследовательский социологический центр  
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)  
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5  
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79  
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru  
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2025. Том 31. № 2. Дата выхода в свет 27.06.2025

Адрес редакции: 117218, Москва,  
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5  
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru